ПОПУТНЫЙ ГРУЗ

Олег Олешник

ТОБОЛ

Олег Олешник

Попутный груз

«Автор»
2026

Олешник О.

Попутный груз / О. Олешник — «Автор», 2026 — (ТОБОЛ)

Ивану Тобольскому девятнадцать. Он наследник миллиардного клана, правнук Патриарха — тысячелетнего ИИ. На собственном совершеннолетии он слышит при всех: «Твоё воспитание, Ваня, было моей ошибкой». И решает доказать обратное.Вместо дворца — списанный грузовой корабль «Ермак»Вместо свиты — андроид СавельичВместо приказов — сорок страниц страховок, лицензий и отчётовВместо денег — долги.Иван становится межзвёздным извозчиком. Попутные грузы, переселенцы, пассажиры с секретами. Каждый рейс — новая колония, новые правила и новые ошибки.

© Олешник О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Совершеннолетие 5
Глава 2. Сорок страниц 11
Глава 3. Ермак 17
Глава 4. Проводы 22
Глава 5. Тёплый трюм 28
Глава 6. Медуница 34
Глава 7. Закрытый портал 43
Глава 8. Пассажиры 51
Глава 9. Окно перезарядки 57
Глава 10. После 63
Глава 11. Вольница 68
Глава 12. Кречет 74
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Олег Олешник
Попутный груз

Глава 1. Совершеннолетие

Проснулся за минуту до будильника. Так было всегда, сколько себя помню, и давно перестало казаться заслугой: тело знало расписание лучше головы. В пять тридцать по Тобольску за окном стояла синяя темень. На внешней раме лежал иней, а внизу, под обрывом, парил Иртыш. Здешний, искерский, названный первыми поселенцами в честь земного, которого никто из нас не видел.

Девятнадцать лет. Ощущалось это ровно так же, как вчерашние восемнадцать.

— Доброе утро, Ваня, — сказал потолок. — С днём рождения. Пульс в покое пятьдесят два. Сон шесть часов сорок минут, на двадцать минут меньше рекомендованного. Завтрак сегодня с повышенной долей белка, праздничный ужин я учёл.

— Спасибо, дедушка.

— Не за что. Стас ждёт тебя в зале с пяти пятидесяти. Вернее, обещал ждать.

В последней фразе было что-то похожее на усмешку. Патриарх умел усмехаться, хотя лица у него не было, только голос, спокойный, с лёгкой хрипотцой. Говорят, такой голос был у основателя рода. Проверить никто не мог: записей девятнадцатого века не сохранилось, а реконструкция есть реконструкция.

Штаны, футболка, кроссовки с жёсткой пяткой. Утяжелённый жилет на двенадцать килограммов висел на крюке у двери, и надевался он уже в коридоре, на ходу. Тяжесть на Искере — ноль девяносто шесть стандартной. Мало. Человек, выросший при ноль девяноста шести, на планете с полной единицей чувствует себя мешком с песком первые трое суток, а при единице и двух — первую неделю. Это вычитано в отчётах разведчиков лет в двенадцать и с тех пор не забыто. Жилет носился шесть дней в неделю. Зачем, вслух не объяснялось: на совершеннолетие наследника ТОБОЛа никто не ждёт полёта к планете с тяжестью единица и два.

Западное крыло дома спало. В детском коридоре горели ночники, и за одной из дверей бабушка вполголоса уговаривала Савву надеть носки. Младших у нас растят дед с бабкой по отцу, так заведено. Родители в делах. Меня в три года забрал из этого коридора сам Патриарх. Взрослые, когда думали, что никто не слышит, называли это «Ванин эксперимент». Слово «эксперимент» в детстве нравилось. В нём было что-то от лаборатории и звездолётов.

Зал был пуст. Шведская стенка, два турника, стойка со штангой, гири от шестнадцати до сорока восьми. Ковёр для борьбы, протёртый до белизны в центре. Беговая дорожка с наклоном, на которой можно было сымитировать подъём по склону в двадцать градусов. Двадцать минут на ней в жилете, потом турник: пять подходов по десять, хват широкий, медленно вниз. Гиря в тридцать два — рывок по сто раз на руку. Дыхание выровнялось к концу второго подхода, и пришло то, ради чего всё это затевалось каждое утро: голова становится пустой и чистой, как вымытая колба.

Стас появился в шесть ноль восемь.

Он был во вчерашней рубашке, расстёгнутой на две пуговицы, босиком, ботинки нёс в руке. Пахло от него вином и ещё чем-то сладким, химическим, вроде жжёного сахара. Зрачки во всю радужку. Красивый, как всегда, со своими тёмными кудрями и улыбкой, за которую ему прощали всё, от разбитого флаера до невесты, сбежавшей из союзного клана за неделю до помолвки.

— Совершеннолетний! — Он бросил ботинки в угол и раскинул руки. — Иди сюда, обниму. Нет, сначала побью. Обниму потом, когда будешь лежать.

— Ты не спал.

— Спал. В гостиной у Вяземских, минут сорок, на кушетке. У них неудобные кушетки, Вань, это стратегическая слабость клана. Запиши.

Он снял рубашку, повёл плечами и вышел на ковёр. Двадцать четыре года, ни одной тренировки по расписанию с тех пор, как ему исполнилось шестнадцать, и всё равно двигался он так, будто его собрали на заводе боевых биороботов. Драться учил меня он. Не тренер, которого нанял Патриарх, а именно Стас: за конюшней, потом в этом зале, по ночам, когда тренер не видел. Тренер учил правильно. Стас учил побеждать.

Сошлись. Первые полминуты он работал лениво, проверял: лёгкие касания, обманный шаг влево. Потом пошёл вперёд, быстро, как он умеет, из полной неподвижности. Нырок под его руку, захват за пояс, бросок через бедро — получилось почти чисто. Он упал, перекатился, тут же попытался встать, и тут удалось сделать то, что раньше не удавалось никогда: зайти за спину, захватить шею, сцепить руки в замок.

Стас похлопал ладонью по ковру. Два раза, как положено.

Руки разжались сами. Он ещё лежал, а сам я уже поднимался, и именно в эту секунду его нога подсекла мою опорную под колено. Ковёр ударил в лопатки. Стас сидел сверху, локоть у горла, и хохотал так, что тряслись плечи.

— Ты сдался.

— Кто сдался? — Он изумлённо поднял брови. — Я по ковру похлопал. Ковёр грязный, Вань. Пылища. Ты когда последний раз уборщика вызывал?

— Это нечестно.

— Это бесплатно. — Он слез, сел рядом и вытер лоб тыльной стороной ладони. — Урок номер, не помню какой. Не отпускай, пока сам не встал. Человек хлопает по ковру, а ты не верь. Человек говорит «сдаюсь», а ты не верь. Человек говорит «я тебя люблю, Ваня, ты моя гордость» — тем более не верь.

Последнюю фразу он сказал голосом Патриарха. Похоже, только без хрипотцы.

Потолок промолчал. В зале у Патриарха были датчики, как везде в доме. Он всё слышал и, видимо, решил, что отвечать ниже его достоинства.

Стас потянулся к рубашке, порылся в нагрудном кармане и достал плоский футляр, серебристый, с гравировкой. Щёлкнул крышкой. Внутри в мягких гнёздах лежали шесть капсул нежно-розового цвета, как леденцы из детства.

— Держи. Подарок. Одну перед ужином, и сто двадцать родственников покажутся тебе милейшими людьми. Даже Демид. Даже Пётр, когда начнёт цитировать.

— Нет.

— Ваня. Одну. Девятнадцать лет один раз бывает.

— Нет, Стас.

Сказано было спокойно, без нажима: «нет» давно перестало требовать усилий. В четырнадцать это была поза. Потом поза куда-то делась, и осталось простое знание: голова нужна своя, вся, без остатка. Той чистоты, которая приходит на втором подходе к турнику, ни в каком футляре не продают. Объяснять это Стасу не хотелось, да он и не просил.

— Святой Иоанн Искерский, — вздохнул он и защёлкнул футляр. — Будем мощи в часовне выставлять. С табличкой: «Не пил, не курил, по ковру не хлопал». Паломники пойдут. Дед на входе будет брать пошлину.

Он сунул футляр обратно в карман, подумал, достал одну капсулу и проглотил всухую, глядя на меня. Глаза у него стали на секунду серьёзными, совсем не пьяными.

— Ты знаешь, что он сегодня скажет?

— Кто?

— Ну не Пётр же. — Стас кивнул на потолок. — Ладно. Не знаешь, и хорошо. Улыбайся и кивай, Вань. Это семейное.

Он ушёл, держа ботинки в одной руке, а рубашку в другой. В дверях обернулся, подмигнул и пропал в коридоре. Через минуту оттуда донёсся его голос: он что-то пел детям в соседнем крыле, и дети визжали от восторга.

Вопрос «что скажет?» прилип и не отставал до самого вечера.

День прошёл как проходят дни перед большим сбором: дом гудел. Прилетели из Тобольска двоюродные, потом троюродные с орбитальной станции ТОБОЛ-Транс, потом кто-то из Новотобольска. Кого-то из них я видел впервые, но лица были знакомые: у Тобольских крупный нос и светлые глаза, и это проступает через любые смешения линий. Матвей ходил за мной по пятам и выспрашивал, правда ли, что после совершеннолетия можно требовать долю сразу, а не через распределение. Правда, можно. Никто не требует.

— А ты потребуешь?

— Не знаю.

— Потребуй. И возьми меня.

— Тебе семнадцать.

— Через год будет восемнадцать.

— Вот через год и поговорим.

Он обиделся на полчаса, потом вернулся и показал новую модель корабля, которую собрал сам: курьерский тендер ТОБОЛ-Транс, масштаб один к двумстам. Модель была хорошая, с подвижными створками трюма. О том, что такой тендер когда-нибудь окажется в моей жизни, мы оба тогда не думали.

Большая столовая вмещала сто сорок человек. Столы стояли покоем, во главе — пустое кресло с высокой спинкой. Перед ним, как всегда, поставили прибор и налили бокал. Ритуал, которому лет больше, чем мне, раз в пятьдесят.

Отец прилетел с орбиты в обед, прямо с совещания ТОБОЛ-Обороны. Успел переодеться, но не успел снять с лица деловую складку между бровями. Он обнял меня по-мужски, хлопнув два раза по спине, сказал «молодец» и сел. Что именно «молодец», уточнять не стал. Отец вообще говорит мало, а дома бывает ещё реже.

Справа от него сидела мать в свободном платье цвета топлёного молока. Срок у неё был небольшой, третий месяц. Двенадцатый ребёнок, «по желанию», как она сказала весной таким тоном, каким сообщают о новом сервизе. Слева от матери — мать Демида, полная, тихая, с вечным вязанием, которое на ужин она всё-таки не взяла. Они вполголоса обсуждали, кого из младших пора вести к стоматологу, и, кажется, решили, что Ефима, потому что Фёдор зубы чистит, а Ефим только делает вид. Дальше сидели мать Остапа и мать Тихона, обе в синем. Они всегда приходят в одном цвете, хотя, по-моему, никогда об этом не договариваются.

Дочери отца от других женщин на такие сборы не приезжают. Они живут у своих матерей, на его обеспечении.

Варвара приехала с мужем из союзного клана. Он тихий человек, и его фамилию я всё время путаю. Варвара на пятом месяце, второй ребёнок за три года, лицо счастливое и немного усталое. Пётр сидел ближе всех к пустому креслу, прямой, гладко причёсанный, в тёмном. Демид — напротив, развалившись, с бокалом, и всё время что-то шептал соседу, после чего сосед прыскал. Стас — в самом конце стола, среди двоюродных, свежевыбритый, в белом, весёлый и громкий. И не поверишь что утром он сидел на ковре босиком.

Двоюродных было десятка три. Тётя Аля не приехала: прислала короткое сообщение «с днём рождения, не давай им себя съесть» и смешной стикер с сибирским котом. Она бывает на наших сборах редко и всегда уезжает первой.

В восемь кресло во главе стола засветилось.

Проекция сгущалась медленно, как всегда: сначала контур, потом объём, потом цвет. Высокий старик в тёмном сюртуке старинного кроя, седая борода, руки сложены на набалдашнике трости. Края фигуры чуть мерцали — нарочно, чтобы никто не перепутал с живым человеком. Сто сорок человек встали. Встал и я.

— Садитесь, садитесь, — сказал Патриарх. — Праздник же. Не совет.

Он умел говорить так, что за столом становилось тепло. Начал с погоды на южном материке, пошутил про урожай, похвалил повара. Потом обвёл стол взглядом. Глаза у проекции двигались, хотя видел он, конечно, через камеры.

— Варвара.

Сестра выпрямилась.

— Спасибо тебе, девочка. Ты выполняешь график. Род тобой гордится.

Хлопали все, и я тоже. Варвара покраснела от удовольствия, а её муж с путаной фамилией осторожно погладил её по руке. Мать улыбнулась, мать Демида закивала. Со стороны это выглядело так, как и должно выглядеть: семья радуется за дочь.

Потом поднялся Пётр. Говорил он минуты четыре и красиво: о долге, о преемственности, о том, что совершеннолетие — это не свобода, а начало служения. В середине прозвучало «каждый из нас — звено, а не цепь», и половина стола беззвучно повторила это вместе с ним, потому что это любимая фраза Патриарха. Пётр не заметил. Пётр давно не замечает, где кончается дед и начинается он сам.

— Отличная речь, — сказал Демид, когда брат сел. — Ваня, а тебя куда распределят? В отдел регламентов? Там как раз не хватает людей, которые дочитывают инструкции до конца.

Смешок прокатился по его краю стола. Ответа не нашлось, и мы с ним оба это заметили.

— Иван, — сказал Патриарх.

Встал. Кулаки разжались только усилием.

— Сегодня тебе девятнадцать. — Голос стал мягче, и я узнал эту интонацию: так он говорил со мной в шесть лет, когда я сломал руку, упав с крыши оранжереи. Залез туда, чтобы посмотреть на Пояс в телескоп. — Лучшие результаты выпуска по навигации и физической подготовке. Три языка. Сорок два прыжка с парашютом. Шестнадцать докладов о предтечах, которые никто, кроме меня, не дочитал. — За столом засмеялись. — И ни одного моего совета, выполненного без спора.

Снова засмеялись. Мать промокнула глаз салфеткой.

— Ты знаешь, всех я растить не могу, на это есть дед и бабушка. А тебя растил сам. Забрал из детской, когда тебе было три года. Хотел посмотреть, что вырастет, если не подстригать.

Он помолчал. Проекция чуть наклонила голову, как делают старики, глядя на внука, которым гордятся.

— Твоё воспитание, Ваня, было моей ошибкой. Я её исправлю.

И поднял бокал. Не свой, конечно: свой он поднять не мог. Просто сделал жест, а сто сорок человек подняли свои.

Хлопали долго. Кто-то крикнул «за Ивана!», кто-то постучал вилкой по бокалу. Отец кивнул и выпил. Мать улыбалась сквозь слёзы. Матвей хлопал громче всех, глядя на меня сияющими глазами: он не услышал ничего, кроме парашютов и навигации. Пётр смотрел одобрительно и серьёзно, как смотрят на подписанный документ. Демид ухмылялся в бокал.

Стас не хлопал. Сидел на дальнем конце стола, вертел в пальцах ножку бокала и смотрел прямо на меня. Потом очень медленно поднял бокал, отсалютовал и отвернулся к соседке.

— Спасибо, дедушка, — сказал я. Потому что именно так говорят.

Со стороны, должно быть, всё выглядело превосходно: румяный от смущения юноша благодарит прапрадеда за добрые слова. Сам я тоже видел это со стороны, как видят себя во сне — чуть сверху, из-под люстры. Видел, как сажусь, как беру вилку, как отвечаю троюрод-

ной тётке, что да, рыба отличная. Видел, что лицо у меня спокойное. Удивлялся этому спокойствию, как удивляются чужому.

Ужин шёл ещё три часа. Танцы, тосты, младших увели спать бабушка с дедом. Отец улетел до полуночи, на орбиту, к своим совещаниям. Стаса я потерял из виду около одиннадцати: его увела какая-то девушка в зелёном.

Уснуть не получилось.

Лёг в половине первого, и потолок пожелал спокойной ночи. Поблагодарил. Лежал на спине, руки за головой, и смотрел в темноту. Ошибка. Слово крутилось, как камешек в ботинке, и каждый раз, когда удавалось подумать о другом, возвращалось. Брак. Изделие, не прошедшее контроль. Шестнадцать лет эксперимента, и вот вывод, озвученный при ста сорока свидетелях, с бокалом, под аплодисменты. Хуже всего были именно аплодисменты. Никто за столом не услышал ничего странного. Значит, странного там и не было. Значит, это просто правда, высказанная вслух, — так говорят о погоде.

«Я её исправлю».

Как исправляют ошибку? Распределением в отдел регламентов. Женой по рекомендации. Графиком. Пётра вот исправлять не пришлось.

В два встал и пошёл к окну. Иней на раме стал гуще. Над рекой висели обе луны: Малая, рыжая, почти у горизонта, и Сестра, белая и высокая. Где-то за ними, за Поясом, за десятками порталов, лежала галактика, где на мёртвых планетах находят механизмы, которых никто не строил. Где, говорят, есть места, откуда можно уйти дальше — совсем, из галактики вон. Шестнадцать докладов, которые никто, кроме него, не дочитал. Это была правда. Он их дочитал. Он вообще всегда всё дочитывал.

В два сорок браслет на запястье дрогнул.

Письмо пришло от Ольги. Мы виделись пять раз за два года учёбы: два раза в библиотеке, один — на катке, дважды гуляли по набережной до рассвета. Говорили о звёздах и о том, что она хочет преподавать музыку детям где-нибудь далеко, где нет ни одного рояля. Потом она уехала домой, и с тех пор мы переписывались — коротко, редко, и каждое её письмо читалось по три раза.

«Ваня, привет. Не спишь, наверное. У тебя всегда после больших праздников так: все разошлись, а ты лежишь и думаешь, что сказал не то. Хотела поздравить вечером, но решила, что вечером тебя и так все поздравляют, а ночью никто.

С днём рождения. Девятнадцать — хорошая цифра, нечётная, неудобная, ни туда ни сюда. Как ты.

Помнишь, на катке ты сказал, что все вокруг будто знают, кем ты должен быть, и только ты не знаешь? Так вот. Ты не обязан быть таким, каким тебя задумали. Никто не обязан.

Спи. Или не спи, но не грызи себя. Я жду».

Прочитал три раза. Потом ещё раз, медленно, по слову.

Удивительно, как она всегда угадывала. Будто чувствовала через сотни световых лет, в какую ночь писать. Мысль была тёплой, и я с ней немного посидел, не разглядывая. Разглядывать не хотелось. Хотелось, чтобы кто-то в огромной, светящейся, до последнего винтика учтённой галактике просто знал, что мне сейчас плохо, и написал. Она знала. Она написала.

«Ты не обязан быть таким, каким тебя задумали».

Не обязан. Хорошо. Тогда каким?

Ответа не было, зато было другое — простое и ясное, как пустая голова на втором подходе к турнику. По уставу рода совершеннолетний наследник вправе потребовать свою долю немедленно, а не через распределение. Никто не требует. Это глупо, это невыгодно, это пощёчина Патриарху. Но это право. Записанное, подписанное, не отменённое за тысячу лет.

Доля — это деньги. Может быть, корабль. Корабль — это порталы, станции, мёртвые планеты, механизмы, которых никто не строил.

Ошибка, говоришь. Ладно. Посмотрим, кто кого исправит.

Сел на край кровати и стал ждать утра. Небо над Иртышом начало сереть около пяти. Браслет показал пять двадцать девять, когда пришла последняя, уже спокойная мысль: впервые за девятнадцать лет будильник прозвонит, а я не просто не сплю — я и не ложился.

Он прозвонил.

— Доброе утро, Ваня, — сказал потолок. — Ты не спал. Я запишу тебя к врачу.

— Не надо, дедушка. Запиши меня на совет.

Пауза длилась ровно столько, сколько нужно машине, чтобы понять, и человеку, чтобы испугаться.

— Хорошо, — сказал Патриарх. — В десять.

Глава 2. Сорок страниц

Пришёл без пяти десять. Душ, свежая рубашка, завтрак — ровно то, что поставил на стол кухонный автомат: омлет, гречка, творог, стакан воды. На собственный бунт лучше идти сытым. Этому тоже научил Стас, только он имел в виду драки.

Совет собирался в Малом зале старого крыла. Малым зал называли по привычке: потолок уходил метров на восемь, вдоль стен висели портреты глав ветвей за тысячу лет. Самые ранние, писанные маслом, потемнели так, что от людей остались только лица и руки, а остальное съел лак. В детстве казалось, что портреты следят. Потом выяснилось, что следят совсем не они.

За овальным столом сидели семеро. Дед, отец отца, — в домашнем свитере: от совета он всегда возвращался прямо к младшим, и переодеваться дважды ему было лень. Двоюродный дед из ТОБОЛ-Портала, сухой, как гербарий. Две тётки по отцовской линии. Пётр — на месте секретаря, с папкой. Демид — у стены, на стуле для кандидатов: без права голоса, зато с правом улыбаться, которым он пользовался в полном объёме. Кресло Римских пустовало, потому что Аврелий Римский в это утро вёл распределение выпускников в логистику. Отец присутствовал на экране с орбиты, маленький, в окошке в углу. Звук у него был выключен.

Над центром стола висела проекция Патриарха. На совете он экономил на эффектах: ни сюртука, ни трости, только голова и плечи, сероватые, как на старой фотографии.

— Иван, — сказал он. — Ты просил слова.

Ночью была заготовлена речь — длинная, с цитатами из устава, с прыжками с парашютом и шестнадцатью докладами. По коридору она сократилась вдвое, у двери — ещё вдвое. Встал. От речи осталась одна фраза.

— Согласно статье сорок первой устава рода требую выделить мне стандартную долю наследника. Немедленно, без распределения.

Тётки переглянулись. Двоюродный дед из Портала шевельнул бровью — для него это было почти истерикой. Дед в свитере вздохнул и посмотрел на часы.

— Ничего себе, — сказал Демид. — Ваня прочитал устав. Дедушка, это тоже часть эксперимента?

— Это его право, Пётр.— ответил Патриарх. Ответил ровно, без паузы, будто ждал этой фразы за завтраком.

Пётр открыл папку. Внутри лежали листы плотного белого пластика, и на верхнем стоял гриф совета. Брат откашлялся и начал читать тем голосом, каким в детстве читал вслух правила настольных игр, — без единой своей интонации.

— «Совет рода, рассмотрев требование наследника И. Е. Тобольского и признавая его право, постановляет. В целях сохранения жизни и здоровья наследника, а также имущества рода, которое наследник отныне представляет…»

Дальше можно было не слушать, звучали знакомые обороты. «В целях сохранения» Патриарх говорил всю жизнь: так начиналось любое «нельзя», от сладкого после восьми до поездки на южный материк без сопровождения.

Листов в папке было много. Сорок, как потом выяснилось. Сорок страниц, составленных, сверенных и распечатанных за четыре с половиной часа — с половины шестого, когда прозвучало «запиши меня на совет». Тогда это показалось свидетельством расторопности канцелярии и, честно говоря, немного польстило: из-за меня кто-то не спал.

— «…выделить наследнику в счёт стандартной доли: первое — борт ТТ-417 "Ермак", курьерский тендер, списанный с баланса ТОБОЛ-Транс, в текущем техническом состоянии. Второе — оборотные средства в размере трёхсот восьмидесяти тысяч имперских. Третье — остаток доли в паях корпорации, доход с которых зачисляется на счёт наследника по достижении им двадцати пяти лет либо по решению совета».

Корабль. Внутри что-то подпрыгнуло, глупо и по-детски, как у Матвея над моделью. Корабль. Свой. Пусть списанный, пусть «в текущем техническом состоянии», — смысл этой формулы дошёл значительно позже.

Триста восемьдесят тысяч звучали как большие деньги. Сколько стоит неделя полёта курьерского тендера, в голове не было даже приблизительно. Об этом не пишут в докладах о предтечах.

— «Условия выделения доли», — сказал Пётр и перевернул страницу. Голос у него не изменился. — «Пункт первый. Обязательное страхование судна, экипажа и груза в компаниях, аккредитованных корпорацией ТОБОЛ. Пункт второй. Лицензия на коммерческие перевозки оформляется за счёт наследника. Пункт третий. Еженедельный отчёт о маршруте, финансовом положении и состоянии здоровья наследника, включая продолжительность сна, рацион и пульс в покое…»

Демид прыснул.

— «…Пункт четвёртый. Ежемесячный медицинский осмотр. При отсутствии на борту врача — силами сопровождающего андроида. Пункт пятый. При отсутствии связи с наследником более шестидесяти суток совет организует поиск за счёт доли наследника…»

— А про носовые платки есть? — спросил Демид.

Пётр не поднял глаз.

— Страница двадцать шесть. Личная гигиена в условиях длительного перелёта.

Засмеялись все, даже двоюродный дед. Засмеялся и я — от неожиданности, — а потом стало стыдно за этот смех, потому что смеялись надо мной. Пётр подождал, пока стихнет, и дочитал до пункта, после которого остальное уже не имело значения:

— «Пункт девятнадцатый. Наследник не покидает Искер и не совершает перелётов без сопровождающего андроида, закреплённого за ним решением совета. Андроид подчиняется наследнику в пределах программных ограничений и протоколов отчётности».

— А если не подпишу?

Вопрос вырвался раньше, чем был обдуман. Голос прозвучал выше обычного.

— Тогда завтра распределение, — сказал Патриарх. — Тебя ждут в аналитическом отделе ТОБОЛ-Портала, в группе по осколкам. Хорошее место, Ваня. Там читают доклады о предтечах. Иногда даже до конца.

Это было хуже сорока страниц. Он предлагал то, о чём я мечтал, только в клетке и с табличкой на двери. Кулаки снова сжались под столом. Пришлось положить ладони на стол, чтобы никто не увидел.

— Давайте ручку.

Пётр подвинул папку. Подпись требовалась на каждой странице внизу, у правого края — сорок раз. Первая страница была прочитана целиком, последняя тоже. Между ними глаза скользили по строчкам, не цепляясь. Доклады о предтечах дочитывались всегда. Регламенты — никогда. Тогда это казалось разными жанрами.

На двадцать шестой странице действительно был пункт о гигиене. Подпись под ним вышла кривая.

Окошко в углу экрана мигнуло: отец включил звук.

— Иван, — сказал он. — Корабль старый. Проверь гидравлику трюма.

И выключил. Больше за всё заседание он не сказал ни слова.

— И последнее, — Патриарх повернул голову к двери. — Познакомься.

Дверь открылась. Вошёл человек лет шестидесяти — так показалось в первую секунду. Во вторую стало видно, как прогибается под ним старый паркет. Седой ёжик, вислые усы, широкое лицо из тех, что забываешь, едва отвернёшься. Андроидов сопровождения нарочно делают незапоминающимися, чтобы не пугали прохожих. Серое пальто, слишком тёплое для зала. Моргал он чуть медленнее, чем человек, и от этого казался задумчивым.

Он остановился в шаге от стола, оглядел меня с головы до ног и сказал:

— Рубашку не по погоде надели, Иван Ерофеевич. В коридорах старого крыла четырнадцать градусов. И не выспались.

Голос был низкий, домашний, с ворчливой ноткой, выставленной, видимо, на заводе.

— Как тебя зовут?

— Савелий. Можно Савельичем.

Савельич. Дядька Петруши Гринёва из «Капитанской дочки». Тот, что трясся над барским тулупом и всю дорогу причитал, что дитя простудится. Книгу Патриарх дал мне в одиннадцать лет, сам, и потом долго расспрашивал, кто там прав: отец, отправивший сына служить в глушь, или сын.

— Сам выбирал имя?

— Имя было в конфигурации при активации.

Проекция Патриарха в эту секунду смотрела на портреты.

— Ну всё, Ваня, — сказал Демид, — осталось найти Пугачёва и подарить ему тулуп. Савельич проследит, чтобы заячий.

Портреты молчали. Дед в свитере ушёл к младшим, не дождавшись конца.

Сборы заняли час, а потом ещё час, потому что Савельич разобрал всё уложенное и уложил заново. Термобельё — наверх, «на борту первые сутки холодно, пока не прогреются контуры». Три пары носков переехали в кучу «оставить», шесть других — в сумку. Кроссовки с жёсткой пяткой он одобрил, жилет на двенадцать килограммов — нет.

— Связки, Иван Ерофеевич. В девятнадцать лет все думают, что у них нет связок.

— Ты мне кто? Нянька?

— Сопровождающий андроид.

— Ты ему докладываешь?

Пауза. Медленное моргание.

— При наличии связи я выполняю протоколы отчётности.

— То есть да.

— То есть при наличии связи.

— А без связи?

— Без связи, — сказал Савельич и положил жилет обратно в сумку, на самое дно, — я слежу, чтобы вы надели свитер.

Выяснилось ещё кое-что. Весит он сто пятьдесят восемь килограммов, и по трапу просит идти впереди него, а не сзади: «Если поскользнусь, лучше, чтобы вас не было внизу». Заряжаться ему нужно четыре часа каждые семьдесят. Бегать он может, но недолго: перегреваются приводы. Плавать не может совсем. Всё это было выдано ровным голосом, как прогноз погоды, и стало чуть легче. У машины есть свои слабости и их теперь видно.

В половине второго в дверь заколотили.

Марк стоял на пороге в парадном кителе выпускника, со значком на груди и сбитым дыханием. Он бежал через весь Тобольск: флаер вызывать было нельзя, флаеры логистики учитывают маршруты. Тёмные волосы прилипли ко лбу, а лицо оставалось спокойным, как у человека, который всё взвесил и пришёл к выводу.

Марка Римского звали Цезарем с шестого класса. Прозвище прилипло из-за отчества: Аврельевич, Марк, — тут любой школьник вспомнит римских императоров. В Империи, где император один и шутить о нём не принято, прозвище звучало слегка крамольно. Учитель истории однажды вежливо попросил не называть Марка так при инспекторе. После этого его иначе и не звали.

— Меня распределили, — сказал он вместо приветствия. — Отдел претензионной работы по таре. Сектор возвратной упаковки. Отец зачитывал список сам. Я досидел до слова

«упаковки», встал и вышел. Он остановился на середине следующей фамилии. Это было красиво, Вань, жалко, ты не видел.

— Ты с ума сошёл.

— Нет. Я посчитал. — Марк прошёл в комнату, кивнул Савельичу, как старому знакомому, сел на край стола. — Ты получил долю?

— Корабль. «Ермак», курьерский тендер. И триста восемьдесят тысяч.

— Я тебе нужен.

— Зачем?

— Затем, что ты накладную от декларации не отличишь.

— Отличу.

— Давай.

— Накладная — это… на груз. — Пауза затянулась. — И декларация на груз.

— Блестяще, — сказал Марк. — Накладная — договор между тобой и отправителем. Декларация — между тобой и государством. Перепутаешь первую, потеряешь деньги. Перепутаешь вторую — свободу. Где бумаги?

Папку он прочитал за двадцать минут. Целиком, все сорок страниц, водя пальцем по строчкам и иногда хмыкая. На двадцать шестой хмыкнул особенно выразительно. Потом закрыл папку и посмотрел так, как смотрят на ребёнка, нашедшего на улице бумажник и уже купившего на всё найденое мороженое.

— Страховка судна, экипажа и груза в аккредитованной компании. Посмотри тариф, он в приложении. Тридцать одна тысяча в месяц, это с учётом возраста корабля. Лицензия на перевозки — разово около двадцати. Заверенные отчёты, по две сотни за каждый, пятьдесят два раза в год. Плюс жалованье экипажу, которого у тебя нет. Плюс топливо. Плюс портовые сборы. Твоих трёхсот восьмидесяти хватит месяцев на семь, если никуда не летать. Если летать — на три.

— Значит, надо возить грузы.

— Значит, нужен карго. — Марк постучал себя пальцем по значку на груди. — Римские возят грузы ТОБОЛа шестьсот лет. Я с девяти лет сплю под начитку таможенного кодекса. Отец в детстве читал мне его вслух, когда я не мог уснуть, и я засыпал, через две минуты.

Браслет на его запястье дрогнул. Марк глянул на экран и повернул браслет к нам:

«Марк. Вернись в зал. Это не обсуждается. А. Р.»

Он перевернул браслет экраном вниз.

— Обсуждается. Просто не с ним.

На секунду лицо у него перестало быть спокойным, и стало видно, чего ему стоил этот проход через зал на глазах у отца. Потом всё снова разгладилось.

— Нас обоих давят, — сказал Марк, — только тебя — сорока страницами, а меня — тарой. Это, если хочешь, единственная разница между наследником и младшей ветвью.

— Марк Аврельевич, — произнёс от окна Савельич, — вы не обедали.

Марк посмотрел на него, потом на меня.

— Он всегда такой?

— С десяти утра.

Вечером пошли к Стасу.

Бар стоял на нижней набережной, в старом складе, где когда-то держали рыбу. Пахло там до сих пор немного рыбой, а ещё озоном от старых обогревателей и вином. Савельич войти отказался.

— Внутри я буду мешать. Подожду здесь.

Он встал под фонарём у входа, неподвижный, в своём сером пальто. Через пять минут его уже фотографировали двое подростков, а через десять один из них решился и потрогал андроида за рукав. Савельич посоветовал ему застегнуть куртку.

Стас сидел в углу, у окна на реку, один, с бутылкой красного и двумя бокалами. Второй, видимо, был заказан на всякий случай: Стас никогда не знал, кто к нему подсядет, и любил быть готовым к любому варианту.

— О, — сказал он. — Арестанты. Мне уже рассказали. Сорок страниц, да? Демид всем показывает двадцать шестую.

— Показывает?

— Сфотографировал. У него хорошая камера. — Стас налил во второй бокал и подвинул Марку. Мне подвинул меню с безалкогольным. — Цезарь, ты-то здесь каким боком?

— Сбежал с распределения.

— С тары? — Стас присвистнул. — Уважаю. В тару я бы тоже не пошёл. Хотя меня и не звали, меня никуда не звали, я слишком красивый для любого отдела.

Морс оказался клюквенным, кислым, хорошим. Марк пил медленно, по глотку, и, кажется, только из вежливости. Он и вправду почти не пил, но не из принципа, а потому, что не находил смысла. Это нас и сближало, и разделяло одновременно.

Рассказ занял минут двадцать: совет, папка, Пётр, отец со звуком на две фразы, Савельич с носками. Стас хохотал на гигиене и на гидравлике трюма. На аналитическом отделе ТОБОЛ-Портала перестал смеяться.

— Он предложил тебе осколки.

— В клетке.

— Он всем предлагает что-нибудь в клетке, Вань. Просто обычно клетка красивее того, что внутри. А тебе — наоборот. Это даже честно.

Марк через полчаса поднялся, оставив половину бокала.

— К отцу, — сказал он. — Это надо сделать в лицо, иначе завтра будет хуже. Утром позвоню.

— Он тебя запрёт, — сказал Стас.

— Не запрёт. Он будет говорить о чести ветви сорок минут, потом ещё двадцать о матери, потом скажет, что я ему больше не сын, а утром пришлёт новые носки. Я его знаю.

— Удачи, Цезарь, — сказал Стас и отсалютовал бокалом. — Идущие на тару приветствуют тебя.

Марк ушёл. За окном в чёрной воде Иртыша дрожала Сестра, высокая и белая. Малая уже села.

Стас долго молчал, что с ним бывало редко. Потом долил себе, посмотрел вино на просвет, как будто там было что-то видно.

— Правильно, — сказал он. — Вали.

Слово упало так просто, что сначала не дошло. Целый день все — Пётр, тётки, Демид, Марк, даже Савельич — говорили о том, как и с какими условиями. Только он сказал «правильно».

— Ты серьёзно?

— Вали, Вань. Пока дают. Пока не передумали. — Стас усмехнулся, но не до конца. — Мне в девятнадцать тоже давали. Корабль, между прочим, получше твоего, с новой гидравликой трюма. И бумаг было всего тридцать страниц, я тогда был менее ценным. Я подумал и остался.

— Почему?

— Тут вино лучше. — Он пожал плечами и отпил. — Шутка. Не знаю почему. Испугался, наверное. Там надо всё самому. А тут… — он обвёл рукой бар, реку, весь город за спиной, — тут всё уже сделано до тебя. Очень удобно, Вань. Очень. Поэтому вали.

Он достал из кармана серебристый футляр, щёлкнул крышкой, вынул розовую капсулу. Глянул поверх неё, приподняв бровь.

— Я помню, — сказал он. — Святой Иоанн. Это мне.

И проглотил, запив вином.

Хотелось сказать что-нибудь. Что-нибудь про футляр, про утро на ковре, про то, что у него зрачки сейчас снова разъедутся во всю радужку. Не нашлось ни одного слова, которое не прозвучало бы голосом Патриарха. «В целях сохранения жизни и здоровья». Промолчал.

— Пиши мне, — сказал Стас. — Только не по рабочему. Рабочий дед читает по должности. Пиши по семейному.

— Он и семейный читает.

— Не-а. Семейный — это личное. Личное он по протоколу не трогает. — Стас улыбнулся своей неотразимой улыбкой. — Он очень любит протокол, Вань. Запомни, пригодится.

Домой пошёл пешком, в начале двенадцатого. Стас остался — «ещё на одну, за твой "Ермак", он заслужил» — и, когда я оглянулся с середины набережной, сидел у окна и поднимал бокал в сторону реки. Кому — неясно.

Савельич отделился от фонаря, как тень, и пошёл следом, шагах в трёх. Шаги у него были тяжёлые, мерные, слышные даже сквозь плеск воды. Подростки разошлись, но один успел пожать ему руку на прощание.

— Двадцать три часа восемнадцать минут, Иван Ерофеевич, — сказал он у ворот.

— Знаю.

— Я не напоминаю. Я сообщаю.

— А разница?

— Напоминают те, кто хочет, чтобы вы легли спать, — сказал Савельич. — А сообщают те, кто считает, что вы сами разберётесь.

Он открыл калитку и пропустил меня вперёд.

Нянька или шпион — тогда казалось, что разницу удастся выяснить за первый же месяц. Достаточно отлететь подальше, туда, где нет связи, и посмотреть, кто останется. Это выглядело простой задачей, вроде накладной и декларации.

Лёг в полночь. Потолок пожелал спокойной ночи. Поблагодарил. Уснул на этот раз сразу, будто провалился, и всю ночь снилось одно и то же: страницы, страницы, страницы, и на каждой внизу у правого края моя подпись, всё кривее и кривее.

Глава 3. Ермак

Марк приехал в шесть утра с пакетом носков. — Прислал, — сказал он и протянул пакет мне, будто улику. — В пять сорок, с курьером. Шерсть, шесть пар, и записка: «Носи тёплые». Вчера сорок минут о чести ветви и двадцать о матери, как я и говорил. Потом «ты мне больше не сын». Потом носки. — Значит, отпустил? — Значит, не запер. — Марк забрал пакет обратно. — У Римских это одно и то же. Савельич заглянул в пакет и одобрительно кивнул. Кажется, впервые за сутки кто-то в этом доме поступил, по его мнению, разумно. Челнок ТОБОЛ-Транс уходил на орбиту с космодрома под Тобольском в семь двадцать. Регистрация заняла сорок минут, и тридцать из них ушло на Савельича. По регламенту андроид сопровождения не пассажир, а оборудование, поэтому его взвесили на грузовых весах, оформили по тарифу за килограмм и выдали квитанцию: сто пятьдесят восемь килограммов, класс «техника бытовая, хрупкая». Савельич прочитал квитанцию, сложил её вчетверо и убрал во внутренний карман пальто. — Хрупкая, — повторил Марк. — Это он про тебя или про пальто? — Про приводы коленей, Марк Аврельевич. Они действительно хрупкие. При старте давило на три с половиной g, ровно, без рывков. Тело к перегрузкам было привычное, спасибо центрифуге в лётной секции и сорока двум прыжкам. Марк зажмурился и всю дорогу шёпотом пересчитывал какие-то цифры. Как потом выяснилось, стоимость портовых сборов на верфи по часам стоянки. Отвлекало его это лучше любой таблетки. Орбитальная верфь ТОБОЛ-Транс висела над терминалом, огромная, как перевёрнутый город. Кольца доков, фермы кранов, сварочные огни. Сухие доки уходили в темноту рядами, и в большинстве стояли корабли: новые, белые, без единой царапины, с аккуратными шевронами ТОБОЛ на бортах. Эти шеренги мелькали в окне челнока минут десять. Потом новые кончились. Док четырнадцать стоял на самом краю, там, где у кольца уже не было обшивки и голые фермы светились инеем. «Ермак» оказался тёмно-серым, почти чёрным в тени дока. Семьдесят метров от носа до сопел, и выглядели они старше, чем выглядит любой семидесятиметровый предмет в двадцать первом веке, в тридцатом или в каком угодно. Обшивка была в мелких оспинах от микрометеоритов, как лицо после болезни. На левом борту виднелись три прямоугольные заплатки другого оттенка. Ниже, у кромки трюмных створок, тянулся длинный подпалённый след, словно корабль когда-то прислонился к костру. Буквы названия по носу были кириллические, старого шрифта. Литера «М» была перекрашена, и перекрашена чуть ярче остальных, отчего название слегка подмигивало. Сорок один год службы. Курьерские рейсы по секторам ТОБОЛ, грузы, почта, срочные запчасти, иногда люди. Два капремонта. Списан с баланса четыре месяца назад «в связи с моральным износом и нерентабельностью ремонта». Эти слова стояли на странице два из сорока, и на странице два их удалось прочитать. Почему-то сразу понравился. Именно таким: с подмигивающим «М», с заплатками, с подпалиной. Новые белые корабли вдоль кольца были похожи на Петра. Этот — нет. — Красавец, — сказал Марк тоном, каким говорят «ну и ну». — Красавец, — сказал я без всякого тона. Инженер приёмки, немолодая женщина с планшетом и с такой усталостью на лице, какая бывает только у людей, сдавших за жизнь тысячу кораблей, провела нас через шлюз. Шлюз был стандартный, двухкамерный, внутренняя дверь заедала на последних десяти сантиметрах и доходила с усилием, рывком. — Привод двери, — сказала инженер, не дожидаясь вопроса. — В акте есть. Пункт семнадцать. Осмотр занял шесть часов. Потраченного времени было не жалко. Рубка — на носу, тесная, три кресла: пилот, штурман, оператор систем. Подлокотники вытерты до белой основы. На панели пилота кто-то когда-то нацарапал крошечную рыбку, и её не стали зашлифовывать ни при одном ремонте. Маршевый двигатель — сертификат действителен. Гипердвигатель — сертификат на имперские и корпоративные порталы, срок до следующего освидетельствования четырнадцать месяцев. Реактор термоядерный, ресурс до капремонта два года и три месяца «при штатной нагрузке». Что такое штатная

нагрузка для человека, который ещё не знает своих маршрутов, мы тогда не спросили. Жизнеобеспечение — отдельная палуба под рубкой, гудящая, тёплая, пахнущая озоном и мокрым металлом. Регенератор воздуха, два контура, второй резервный. Водный контур замкнутый, с запасом сорок кубов. Паспортная автономность — тридцать суток на семнадцать человек. Инженер показала цифру на экране и тут же, не меняя голоса, показала другую: — Реальная с вашим регенератором — суток двадцать пять. Второй контур на шестидесяти процентах. — А если что-то сломается? — Тогда меньше. Савельич стоял позади, слушал и молчал. Только иногда клал ладонь на переборку, будто прислушиваясь, и стоял так секунду-две. Кают-компания с камбузом: длинный стол на восемь мест, привинченные стулья, автоповар на четыре конфорки, из которых работали три. Медотсек — капсула старой модели, крышка с трещиной в углу, затёртой герметиком, последняя поверка полтора года назад. Каюты экипажа — семь, индивидуальные, по три с половиной квадратных метра: койка, шкаф, откидной столик. Пассажирский модуль — пять двухместных кают, снятых с какого-то пассажирского лайнера вместе с цветочными занавесками, которые здесь смотрелись так же уместно, как бантик на гусенице вездехода. Тренажёрный отсек оказался ровно таким, каким его хотелось видеть. Четыре на пять метров, низкий потолок, беговая дорожка, на которой не регулировался наклон, встроенный в потолок турник, стойка с гирями. Гирь было три: шестнадцать, двадцать четыре и тридцать два. На турнике, там, где ложатся ладони, металл был отполирован до зеркала. Кто-то до меня приходил сюда долгими годами, каждый день. Подтянулся десять раз, медленно, в полную амплитуду. Турник не скрипнул. — Ваня, — позвал из коридора Марк. — Иди сюда, тут трюм. Тебе понравится, много места, которое стоит денег. Трюм занимал почти треть корабля. Высота шесть метров, такелажные узлы в полу и стенах, грузовые створки по левому борту. Полезная нагрузка — триста сорок тонн. В дальнем углу стоял на растяжках шестиколёсный вездеход, тоже серый, тоже с оспинами, и смотрел на нас с таким выражением, будто его забыли здесь лет десять назад и он давно смирился. «Проверь гидравлику трюма». Отец за всё заседание совета сказал одну фразу. Пропустить её было бы неуважением. Инженер подняла бровь, но спорить не стала: открыла щит, вывела давление в контурах. Створки, подъёмная платформа, кран-балка — всё в норме. Гидравлику меняли при последнем ремонте, два года назад. Шланги новые, маркировка свежая. — Хорошая гидравлика, — сказал я с облегчением, будто сдал экзамен. Марк в это время сидел на корточках у такелажного узла и дёргал храповой замок. Замок поддавался туго, с хрустом. — А это когда меняли? Инженер сверилась с планшетом. — Крепёж штатный. С постройки. — Сорок один год? — Держит. Сертифицирован. — Она пожала плечами. — Перебирать, конечно, можно. Это деньги. Марк записал что-то у себя. Перегнувшись через его плечо, удалось разглядеть: «Крепёж трюма — переборка — 14 тыс. — потом». Слово «потом» он подчеркнул. Тогда показалось, что подчеркнул как важное. Позже выяснилось, что так он подчёркивал всё, на что не хватало денег. Бот стоял в ангаре под днищем, в носовой части. Штатный посадочный бот на восемь мест, с короткими дельта-крыльями и толстым брюхом, обложенным керамической плиткой теплозащиты. Плитки шли рядами, потемневшие, некоторые новее соседних. Он мог зайти в атмосферу, сесть на грунт, на воду, на лёд, взлететь и вернуться на орбиту. Так сказано в паспорте, судя по копоти на крыльях, паспорт не врал. Кресло пилота пахло старой кожей, маслом и чем-то ещё — человеком, наверное. На приборной панели была приклеена выцветшая фотография какого-то побережья с пальмами. Снимать её не захотелось. — Он может сесть куда угодно, — сказал я Марку, не вставая из кресла. — Куда угодно с атмосферой, — поправила инженер. — Он для этого и сделан. Тогда эта поправка показалась лишней. Какая разница, если он может сесть куда угодно с атмосферой, а планеты без атмосферы нам ни к чему. Бот казался самым надёжным предметом на корабле. Фотографию с пальмами позже пришлось бы снимать с обломков. Её там не нашли. Пилот нужен был в любом случае. Студенческий допуск по навигации разрешал водить корабль по системе под присмотром инструктора и не разрешал ни одного гипер-

прыжка с коммерческим грузом. Марк сел в кают-компании, открыл реестр списанного личного состава ТОБОЛ-Обороны и через сорок минут повернул экран. — Вот. Лаптева Тамара Игоревна, пятьдесят четыре года. Тридцать один год выслуги. Пилот-оператор фрегатов, потом тендеров, потом опять фрегатов. Шесть наград, перечислять не буду, у меня столько слов нет. Списана семь лет назад, статья сто двенадцать, пункт «в». Нанесение удара вышестоящему офицеру. — Кому? — Адмиралу. Фамилия в реестре закрыта. Живёт здесь, на жилом кольце, сектор Д. Берёт разовые перегоны, если дают. Дают редко. — Почему? — Статья сто двенадцать, пункт «в», — терпеливо повторил Марк. — Её никто не возьмёт в штат. Кроме нас. Мы никого другого не можем себе позволить. Это называется совпадение интересов. Сектор Д оказался самым дешёвым жильём на кольце: коридоры без отделки, трубы под потолком, двери кают через каждые три метра. На двери четыреста двенадцатой кто-то отвёрткой процарапал «НЕ СТУЧАТЬ». Постучал. Дверь открылась сразу, будто за ней стояли. Невысокая, широкая в плечах женщина, седая, коротко стриженная. Серый армейский свитер, руки в карманах. Лицо обветренное — это на орбите-то, где нет ветра. Во рту она держала пластиковую палочку для размешивания кофе и перекатывала её из угла в угол. Глаза у неё были светлые и очень спокойные. — Ну? — Тамара Игоревна, мне нужен пилот. Иван Тобольский, у меня курьерский тендер… На фамилии палочка перестала двигаться. — Тобольский, — повторила она. — Тобольский-младший. С папкой. После этого она сказала несколько слов. Привести их здесь нельзя по соображениям приличия, а пересказать — по соображениям точности: в пересказе пропадает архитектура. Сначала был указан адрес, куда следует отправиться. Потом подробный маршрут. Потом то, что делать по прибытии, и с кем. Всё это заняло секунд двенадцать и прозвучало без единого повышения голоса. Дверь закрылась. Марк стоял рядом, приоткрыв рот. — Это было красиво, — сказал он наконец. — Почти как мой выход с распределения. Постучал ещё раз. Дверь открылась. — Глухой? — Корабль сорок первого года постройки. Регенератор второго контура на шестидесяти процентах. Медкапсула с трещиной. Плачу сколько смогу, а смогу немного. Никакой папки на борту не будет, папка у меня, и в рубку она не пойдёт. Палочка снова поехала из угла в угол. — Какой тендер? — ТТ-417. «Ермак». Она смотрела на меня очень долго. Так долго, что за спиной Марк переступил с ноги на ногу. — Четыреста семнадцатый, — сказала она. — С подпалиной на левом борту? — Да. — Это я его прислонила. Двадцать два года назад, на Кедровом, под огнём. — Она вынула палочку изо рта, посмотрела на неё и сунула обратно. — Он тогда ещё был новый. Ладно. Покажи. В рубке она села в кресло пилота, не спросив разрешения. Положила ладони на подлокотники, на белые вытертые места, и они легли туда точно, как в слепок. Нашла пальцем рыбку на панели и усмехнулась. — Жива, — сказала она. — Не зашлифовали, сволочи. Потом выключила усмешку и повернулась к нам вместе с креслом. — Условия. В рубке моё слово последнее. Не первое, наследник, последнее. Хочешь спорить — спорь, но когда я говорю «держись», ты держишься и не спрашиваешь за что. Второе. Тамарой Игоревной меня называли в военном трибунале. На борту я Лапа. Третье. — Она вынула палочку и ткнула ею в мою сторону. — Курить на борту нельзя. Никому. Ни в шлюзе, ни в трюме, ни в гальюне с вытяжкой. Я бросила десять лет назад, и если хоть раз унюхаю — выкину курильщика за борт, а потом его сигареты, и в этом порядке. — На борту никто не курит. — И не пьёт, наверное. — И не пьёт. — Святые, значит. — Она скривилась. — Терпеть не могу святых. С ними всегда что-нибудь случается. Это было почти дословно то, что сказал Стас на ковре. Святой Иоанн Искерский. Стало смешно и почему-то не по себе. Об адмирале спросил, когда она уже уходила за вещами. Не удержался. — За что вы его? Лапа обернулась в дверях рубки. — Не «за что», — сказала она. — Один раз. В морду. Он заслужил. Следующий вопрос? Следующего не было. Механика нашли так, как на Искере, оказывается, находят механиков. Бригадир доковой смены, лысый, с полустёртой татуировкой ТОБОЛ-Обороны на шее, выслушал Марка, почесал затылок и сказал волшебные слова: — Есть человечек. Человечек пришёл через два часа. Худой, вертлявый, тридцати с небольшим, в комбинезоне,

который когда-то был оранжевым. На поясе у него висел карабин, а на карабине — пять мотков синей изоленты, разной ширины, как ключи от разных дверей. Пальцы в старых ожогах, взгляд быстрый, скользящий, ни на чём не задерживающийся дольше секунды — и при этом всё замечающий. — Шпаковский, Георгий. Можно Шпак. Можно Жора, но лучше Шпак, Жор в доках много, а Шпак один. — Он пожал руку, Марку, Савельичу и, кажется, хотел пожать Лапе, но передумал. — Где пациент? По кораблю он ходил три часа. Лазил в такие места, о существовании которых мы не догадывались: в межпалубные ниши, под реакторный кожух, за щит регенератора. Ругался вполголоса но нежно, как ругают старую собаку. Через каждые десять минут выныривал, грязный по локоть, и выдавал заключения. — Привод шлюзовой двери — ерунда, щётки, я знаю человечка. Регенератор второй — плохо, но жить будет, если с ним разговаривать. Турель правая — привод поворота вялый, это смазка, это я сам. Медкапсула — не моё, я в медицину не лезу, там у людей кровь. — Он вытер руки о комбинезон. — А вот это вы видели? «Это» оказалось клапаном на криоконтуре трюмного холодильника. Медный, с потемневшим маховиком и заводским клеймом. — Родной, — с уважением сказал Шпак. — Сорок первого года. Новый стоит шесть тысяч, и его везти с Тобольска неделю. А этот работает. Видите? Держит. — Может, лучше поменять? — спросил Марк. — Зачем менять то, что держит? Родной — значит, правильный. Ещё полетает. Шесть тысяч. Ровно пятая часть месячной страховки. Сказал «оставь» — и почувствовал себя рачительным хозяином. Марк записал что-то в свой список. Лишь через несколько недель, стало ясно, что именно: «Криоклапан — 6 тыс. — потом». И снова подчёркнуто. Отвязку затеяли ночью, в первую же ночь на борту. Идея была моя, исполнение — Шпака. Бортовая система «Ермака» была корпоративной: ТОБОЛовский ИИ среднего класса, управляющий жизнеобеспечением, навигацией, учётом груза и самочувствием экипажа. При наличии связи у Патриарха был к ней полный доступ: журналы, камеры, медицинская телеметрия, голос. Мне хотелось корабль, а не филиал детского крыла. Шпак выслушал задачу, снял с карабина самый узкий моток изоленты и сказал: — Сделаем. Корпоративный модуль связи — штука простая, ключи ТОБОЛа зашиты в три места. Я знаю, где два. Третье найдём по запаху. Серверная ниша находилась за кают-компанией: шкаф полтора на два метра, гудящий, с мигающими огоньками. Шпак забрался туда по пояс, оставив снаружи ноги в стоптанных ботинках, и разговаривал оттуда с кем-то, кого не было: «Ну куда ты, ну куда, родной, стоять… вот… вот так». Савельич стоял у двери в кают-компанию и смотрел. — Ты помешаешь? — спросил я. — Нет. — Поможешь? — Нет. — Доложишь? — При наличии связи я обязан сообщить о несанкционированном вмешательстве в бортовую систему, — ровно сказал Савельич. — Связь на верфи есть всегда. — То есть уже доложил? Он моргнул, как всегда, чуть медленнее человека. — Иван Ерофеевич, вы не ужинали. Этот ответ ничего не прояснил и прояснить, по-видимому, не должен был. В час ночи по корабельному времени Шпак вылез из ниши, красный, взъерошенный, с обрывком изоленты на щеке, и объявил: — Прямой канал обрубил. Два ключа из трёх. Камеры теперь пишут локально, никуда не льют. Перезагружаю. Свет в кают-компании мигнул и погас. Через восемь секунд зажёгся снова, и под потолком прозвучал голос бортовой системы, ровный женский голос по умолчанию: — Доброе утро, Пётр Ерофеевич. Марк, сидевший за столом над накладными, медленно поднял голову. — Система, — сказал я. — Кто на борту? — На борту четыре члена экипажа. Тобольский Пётр Ерофеевич, наследник. Римский Марк Аврельевич, карго. Лаптева Тамара Игоревна, пилот. Шпаковский Георгий… — Шпак, — сказал Шпак. — …Шпаковский Георгий. — Пауза. — Внимание. Пульс наследника ноль. Дыхание отсутствует. Вызываю медицинскую службу. Все посмотрели на Савельича. Андроид стоял неподвижно у двери, опустив руки, и, кажется, впервые за двое суток не знал, что сказать. — Он прописал наследником андроида, — с восхищением сказал Шпак. — Нет, ты посмотри. Он тебя, Вань, по телеметрии ищет, а телеметрия у вас общая, браслет к андроиду привязан. Вот он и думает, что ты — это вон тот. А зовут тебя Пётр, потому что в списке он первый. — Медицинская служба уведомлена, —

сообщила система. — Время прибытия неизвестно. Связь с медицинской службой отсутствует. — Ну хоть это работает, — сказал Марк и вернулся к накладным. Следующие полтора часа ушли на то, чтобы объяснить кораблю, кто здесь кто. Наполовину это удалось. Наследника он перестал хоронить, и звать стал правильно, Иваном. Но журнал сна и питания продолжал вести, честно и с ошибками: в графе «ужин» значились две порции рыбы, съеденные Лапой, а в графе «сон» — четыре часа Савельичевой подзарядки. Лапа, услышав про рыбу, сказала, что если корабль станет считать её калории, то она сама разберёт его на запчасти, без всякого Шпака. — Канал, — напомнил Марк. — Третий ключ. Где он? Шпак помрачнел. — Нашёл. В страховом модуле. Он, зараза, туда спрятался. — И? — И его нельзя трогать. Страховой модуль шлёт телеметрию в страховую компанию. Отрубишь — страховка слетит. Слетит страховка… — Пункт первый, — сказал Марк, не поднимая головы от накладных. — Обязательное страхование судна, экипажа и груза в компаниях, аккредитованных ТОБОЛом. Страница три. Без страховки нас не выпустят из дока. Сорок страниц. Подписанные внизу, у правого края, сорок раз. Из них прочитаны были две. — То есть он нас видит. — Не так, как раньше, — сказал Шпак. — Раньше смотрел в окно. Теперь в замочную скважину. И скважина кривая. Половину он будет видеть неправильно, а половину не увидит вовсе. — Он почесал затылок. — Это, если хочешь, лучше, чем ничего. Это действительно было лучше, чем ничего. Так и решили считать. К одиннадцати вечера следующих суток корабль был наполовину наш. Казалось, что это много. Сидел в рубке, в кресле штурмана, и смотрел на Искер внизу — огромный, голубой с белым, с ночной стороной в огнях Тобольска и Новотобольска. Где-то там, у излучины Иртыша, спал дом. В детском коридоре горели ночники. Стас, наверное, ещё не спал. Стас вообще редко спал до трёх. Ровно в двадцать три ноль-ноль под потолком рубки прозвучал голос — спокойный, с лёгкой хрипотцой: — Ваня, двадцать три часа. Спать. Подпрыгнул в кресле. Из коридора донёсся голос Шпака: — А вот голос я не трогал! Голос не в модуле связи, голос в прошивке рулевой колонки, это вообще другой блок, туда без заводского ключа не влезешь! — Ты же сказал, что канал обрубил! — Канал обрубил! Это не канал! Это запись! — Шпак появился в дверях рубки, взъерошенный, с фонариком в зубах, вынул фонарик. — Он её когда-то сам туда загрузил. Ещё до списания, видать. Знал, на кого корабль пойдёт. До списания. Четыре месяца назад. Задолго до совершеннолетия, задолго до «запиши меня на совет», задолго до сорока страниц. — Двадцать три часа пять минут, Ваня, — сказал потолок. — Спать. Ложиться не стал из принципа. Сидел, глядя на Искер. В двадцать три пятнадцать голос повторил ещё раз, с той же интонацией. В двадцать три двадцать из каюты пилота, через две переборки, донеслось: — Наследник! Или ты ляжешь, или я этот голос выдеру вместе с колонкой и рулём! Мне в пять вставать на приёмку маневровых! Лёг в двадцать три двадцать одну. Не потому, что велел Патриарх, а потому, что попросила Лапа. Тогда это различие казалось очень важным, и засыпал с ощущением маленькой победы. Корабль следил за мной с ошибками. Если сильно прищуриться, это было похоже на свободу. Перед самым сном браслет показал, что пульс в покое пятьдесят четыре. Корабль, подумав, записал его в журнал Шпаку.

Глава 4. Проводы

Заказ Марк нашёл на третьи сутки. Всё это время он просидел в кают-компании над биржей грузов ТОБОЛ-Транс, пил чай и вычёркивал строчку за строчкой. Отпала срочная почта на соседнюю станцию: дёшево, но туда летают сорок бортов. Отпали пятьсот тонн руды при трюме на триста сорок. Отпал пассажир с собакой породы, запрещённой к ввозу в двух секторах из трёх.

— Вот, — сказал он наконец и повернул экран. — Медуница.

Аграрная колония в соседнем секторе, за имперским порталом Искера. Сельхозкооператив «Заря Медуницы» заказывал сорок восемь криоконтейнеров с эмбрионами крупного рогатого скота и овец. Живой генетический материал, хранение при минус ста девяноста шести. Плюс шестеро переселенцев с багажом, до двухсот килограммов на человека.

— Почему они не ждут регулярный рейс?

— Регулярный ходит раз в два месяца, а у них окно осеменения. — Марк произнёс это слово так же спокойно, как «накладная». — Если эмбрионы не придут за три недели, весь цикл сдвинется на год. Поэтому платят курьерский тариф: девяносто шесть тысяч за груз и по четыре за пассажира. Тридцать процентов вперёд, остальное по факту приёмки живого материала.

— Живого?

— Живого. Мёртвые эмбрионы никому не нужны, Вань. Даже кооперативу «Заря».

Сто двадцать тысяч. Сразу показалось, что задача решена: это страховка на четыре месяца вперёд. Марк, видимо, прочёл это по лицу и сказал, не поднимая глаз:

— Минус портовые сборы, пошлина на портале, топливо, рационы на двенадцать человек и жалованье Лапе и Шпаку. Останется тысяч тридцать. Если всё пройдёт штатно.

— А если не штатно?

Марк посмотрел поверх экрана.

— Ты сам знаешь.

Тогда не знал.

Закупались на кольце С, где склады снабжения ТОБОЛ-Транс соседствовали с вольной барахолкой. Склады пахли новым пластиком и были дорогими. Барахолка пахла старой смазкой и была дешёвой, но, как сказал Шпак, «только для тех, кто знает, куда смотреть». Савельич шёл позади с грузовой тележкой и молча принимал в неё всё, что ему клали.

Список Марк составил ещё ночью: сорок две позиции, у каждой цена и колонка «можно без этого». Колонка заполнялась сама собой, по мере того как остальные спорили.

Рационы взяли класса «Б»: сублимированные, в фольге, тридцать суток на двенадцать человек и десятисуточный аварийный запас сверху. Лапа повертела в руках брикет с надписью «Говядина с гречкой. Вариант 3» и положила обратно.

— Тридцать лет жрала «Б». Хочу «А».

— «А» дороже в два и три десятых раза, — сказал Марк.

— Я тоже.

— «Б», Лапа.

Она посмотрела на него с интересом, как смотрят на молодого пса, который впервые зарычал. Потом сунула в рот кофейную палочку и взяла «Б». Через минуту, когда Марк отвернулся, в тележку отдельно легли шесть брикетов «А». Это не обсуждалось, и Марк потом вычел их из её жалованья точно также - молча.

Регенераторные картриджи — два полных комплекта, без споров. Фильтры водного контура — один комплект вместо двух. Тут Савельич впервые подал голос:

— Второй контур регенератора на шестидесяти процентах, Иван Ерофеевич.

— Это не фильтры, это регенератор, — сказал Марк.

— Я знаю, Марк Аврельевич. Я сообщаю.

Взяли полтора комплекта. Половину комплекта продавать не хотели, и Шпак на барахолке, за углом, обменял её у какого-то знакомого на моток медного провода и обещание.

Скафандры. На борту их было четыре, у двух истекла поверка. Тут уступать не пришлось: два новых, лёгких, рабочего класса, с подогревом и шестичасовым запасом. Марк вздохнул и записал без комментариев. На безопасности он не экономил ни тогда, ни потом. Экономил он на всём, что казалось нам с ним безопасностью не связанным.

Шпак пришёл со своим списком, написанным на обрывке упаковки. Первым пунктом шла изолента — сорок мотков.

— Двадцать, — сказал Марк.

— Изолента — это не расход, — оскорбился Шпак. — Изолента — это инвестиция.

— Двадцать пять.

— Тридцать, и щётки для привода шлюза, и смазка для турели. И я больше слова не скажу.

Сказал он ещё много слов, но тридцать мотков легли в тележку, синие, ровные, как патроны в обойме.

А потом попался на глаза спектрометр.

Он лежал в витрине на складе научного снаряжения, куда мы зашли только потому, что там продавали аптечки. Ручной спектрометр-анализатор, полевой, в ударопрочном корпусе: двенадцать диапазонов, встроенная библиотека на четыреста тысяч минералов и соединений, режим поиска аномалий. Точно такой был описан в отчёте экспедиции, которая восемь лет назад нашла на мёртвом спутнике в секторе Вяземских фрагмент предтеч. Отчёт был дочитан до конца. Двенадцать раз.

Семь тысяч двести.

— Мы везём коров, — сказал Марк.

— Эмбрионы.

— Тем более.

— Это моя доля. И мы летим не только за коровами.

Марк промолчал. Так он молчал и потом, когда слова кончались и оставалось только ждать, пока человек сам себя услышит. Тогда услышать не получилось.

Спектрометр в тележку не попал. Я его нёс сам, отказавшись от Савельича.

В конце списка, сорок второй строкой, стоял криоклапан. Марк дошёл до неё последней, когда итог уже был подведён, и молча показал пальцем. Резерв, который он оставил на непредвиденное, после спектрометра составлял четыре тысячи восемьсот.

— Шесть, — сказал Марк. — Новый.

— Держит же, — сказал Шпак. — Родной.

Савельич ничего не сказал. Лапа грызла палочку и смотрела в сторону.

— Потом, — решил я.

Марк записал «потом» и подчеркнул дважды.

Спектрометр пролежал в каюте в коробке несколько месяцев. На Пустоцвете его наконец достали, и он, честно сверившись с библиотекой на четыреста тысяч соединений, показал норму.

Груз привезли за сутки до отлёта: сорок восемь контейнеров размером с бочонок, белых, с синими полосами кооператива и мигающими зелёными огоньками. Их вставили в стойки трюмного холодильника и подключили к криоконтуру. Все огоньки остались зелёными. Марк обошёл каждый контейнер, сверил номера, пломбы, ветеринарные сертификаты и подписал акт приёмки. Лапа принимала маневровые. Шпак лежал под регенератором и разговаривал с ним, как с больным.

Переселенцы прибыли вечером. Семья Кузьминых: Прохор, широкий, рыжебородый, с руками, которые не помещались в карманы, жена Вера и двое сыновей-подростков, долговязых и молчаливых. За ними пришёл Лука, тракторист лет двадцати пяти. Он поздоровался кивком и за всю дорогу сказал, по подсчётам Марка, сто четырнадцать слов. Цветочным занавескам в пассажирском модуле Вера обрадовалась так, будто их повесили специально для неё.

Шестым был Нурлан Абаев.

Невысокий, сухой, с седой щетиной и спокойными узкими глазами. Старое пальто, чемодан с книгами, такой тяжёлый, что Савельич, взяв его, удивлённо поднял брови, и брезентовый мешок, перевязанный бечёвкой.

— Что в мешке? — спросил Марк, сверяясь с декларацией.

— Картошка. Семенная. Тридцать килограммов, сорт «Синеглазка», земная линия. — Нурлан говорил неторопливо, будто каждое слово сначала взвешивал на ладони. — Двадцать два года был тюремным врачом. Теперь буду картошкой.

— Врачом?

— Бывшим. — Он поставил мешок на пол трапа, бережно, как ребёнка. — Знаете, сколько лет человек может прожить без смысла? Я двадцать два года наблюдал. Долго может. Но картошка лучше.

Лапа, проходившая мимо, вынула изо рта палочку.

— Ещё один святой.

— Нет, — сказал Нурлан. — Грешник на пенсии. Это разные категории, хотя страховые компании их путают.

Лапа подумала и впервые за неделю засмеялась.

Последнюю ночь провёл внизу, на Искере.

Мать встретила в прихожей и обняла осторожно, как обнимают, когда внутри ещё один человек. Сказала, что ужин в восемь и что Ефим опять не почистил зубы. Больше в тот вечер она о полёте не заговаривала. Так в нашей семье прощаются: обсуждают стоматолога.

Отец прислал сообщение с орбиты: «Счастливого пути. Гидравлику проверил?» Ответил: «Проверил». Ответа не пришло.

Тётя Аля прилетела с утренним рейсом из своей дальней колонии специально. Об этом она не сказала, это выдал её багаж: маленькая сумка и большая клетка, накрытая тёмным платком.

Нашла она меня в оранжерее, среди старых лимонов, и первым делом огляделась по углам.

— Здесь нет динамиков, — сказала она. — Я проверяла ещё двадцать лет назад. Он считает, что лимонам разговоры не нужны.

Она похожа на мать так, как бывают похожи сёстры, выбравшие разное: те же светлые глаза, но лицо обветренное, а руки рабочие. В нашем доме она всегда держится как гость, который знает, где лежат ложки, но не собирается ими пользоваться. Почему так, никто не объяснял. Спрашивать в детстве не приходило в голову.

Платок она сдёрнула одним движением.

В клетке на жёрдочке сидела птица — маленькая, с ладонь, ярко-жёлтая, с оранжевым отливом на груди, как у спелой облепихи. Посмотрела сначала одним глазом, потом другим, наклонив голову, и вдруг выдала трель, такую длинную и сложную, что лимоны, кажется, вздрогнули.

— Канарейка, — сказала тётя Аля. — С Земли. Полгода заказывала через знакомых, документы у неё толще твоих сорока страниц. Зовут Метан.

— Метан?

— Слышал про шахтёров?

Кивнул, хотя не слышал.

— Не слышал, — сказала она. — Давным-давно, ещё на Земле, шахтёры брали канареек в забой. Газ скапливается в выработках, без цвета, без запаха. Человек его не замечает, пока не упадёт. А птица маленькая, дышит часто, ей хватает меньшего. Пока поёт — работаешь. Замолчала — бросай кирку и беги. Говорят, тысячи жизней так спасли.

— Сейчас есть приборы.

— Приборы знают то, чему их научили, Ваня. — Она просунула палец сквозь прутья, и Метан деловито его клюнул. — А птица просто дышит. Иногда это одно и то же. Иногда нет.

Потом добавила, глядя на клетку, а не на меня:

— У нас на окраине, за последним маяком, старые разведчики рассказывали всякое. Мол, есть там место, где звёзды стоят не так, как должны. Мой отец туда летал молодым. Вернулся и до самой смерти ни с кем об этом не говорил. Со мной тоже. — Она пожала плечами. — Возьми птицу. С ней веселее. И не давай им себя съесть. Ни им, ни ему.

Кто такие «они» и кто «он», уточнять не требовалось. Про звёзды, стоящие не так, спросить не успел: в оранжерею ворвался Матвей.

В руках у него была модель тендера, та самая, один к двумстам. Створки трюма были открыты, и внутри лежала крошечная записка.

— Это тебе. Чтобы был запасной.

— Спасибо.

— Возьми меня.

— Нет.

— Я всё умею. Я навигацию сдал на «отлично», ты сам видел. Я могу на камбузе, я могу…

— Матвей. Нет.

Он не заплакал, ему всё-таки семнадцать. Только покраснел до ушей и сжал кулаки, совсем как я под столом на совершеннолетии. Это было видно со стороны и неприятно узнаваемо.

— Через год?

— Через год поговорим.

Это не было обещанием, и оба мы это знали. Он кивнул и ушёл, а модель осталась на скамейке среди лимонов. Записку прочитал уже на корабле: «Не забудь проверить гидравлику». Матвей тоже слышал отца.

Челнок на орбиту уходил в пять сорок утра. На космодроме было пусто и холодно, над полем висела Сестра, бледная перед рассветом. Савельич нёс сумку и клетку. Метан внутри помалкивал: его укрыли платком.

Стас стоял у турникета в длинном тёмном пальто, без шапки. Видно было, что он не ложился, но держался прямо, и глаза у него были ясные, почти трезвые. Наверное, он специально для этого постарался.

— Думал, не придёшь, — сказал я.

— Я тоже так думал. — Он улыбнулся. — Потом решил, что приду. Кто-то же должен.

Он обнял крепко, по-настоящему, и похлопал по спине три раза. Отец хлопает два.

— Слушай, Вань. Привези мне то, чего тут нет.

— Чего тут нет?

— Не знаю. — Стас отступил на шаг и засунул руки в карманы. — Если найдёшь, значит, есть. Если не найдёшь, значит, нигде нет, и тогда, может быть, тут не так уж плохо. Мне любой ответ подходит.

— Савельич, — позвал он через плечо. — Ты его береги. Он по ковру не хлопает, за ним глаз да глаз.

— Я знаю, Станислав, — сказал Савельич.

— Он знает, — повторил Стас и рассмеялся.

На трапе оглянулся. Стас стоял у турникета и махал, а потом развернулся и пошёл к выходу, не дожидаясь, пока челнок взлетит. Это было на него похоже. Он никогда не дожидался окончания чего бы то ни было.

На «Ермаке» отстыковка прошла в девять двенадцать. Лапа вывела корабль из дока так плавно, что в кают-компании не дрогнул чай в кружке у Нурлана. Маршевый — полтора g, двадцать восемь часов до границы гравитационного колодца Искера. Искер в обзорном экране медленно уменьшался, голубой с белым, и к вечеру стал размером с ладонь.

Клетку Нурлан водрузил на полку над столом в кают-компании, сразу и без спроса. Снял платок, сел напротив и сказал птице совершенно серьёзно:

— Ну здравствуй. Я Нурлан. Летим?

Метан посмотрел одним глазом, потом другим и ответил длинной трелью.

— Согласен, — кивнул Нурлан. — Я тоже не уверен.

Под потолком ожила бортовая система:

— На борту зарегистрирован новый член экипажа. Пульс шестьсот восемьдесят ударов в минуту. Состояние критическое. Вызываю медицинскую службу.

— Это птица, — сказал Марк, не поднимая головы.

— Медицинская служба недоступна, — сообщила система.

— Это для птицы нормально, — сказал Нурлан. — Как врач говорю. Бывший.

Система подумала и записала Метана в журнал экипажа под именем «Абаев Н.». Нурлан, узнав об этом, сказал, что не возражает: давно хотел иметь крылья.

На двадцать девятом часу, за границей колодца, Лапа совершила короткий гиперпрыжок к портальной зоне. Ощущение было как от пропущенной ступеньки на лестнице: на долю секунды внутри всё проваливается, а потом снова под ногами пол. Звёзды в экране слегка сдвинулись. Впереди висел портал.

Имперский портал Искера — кольцо диаметром одиннадцать километров, медленно вращающееся, чёрное изнутри, с огнями по ободу. Перед ним в три яруса висела очередь. Шестьдесят два борта, сказал диспетчер, расчётное ожидание одиннадцать часов. Лапа выругалась, длинно и архитектурно, и ушла спать прямо в кресле.

Таможня поднялась на борт на девятом часу. Старший инспектор имперской таможенной службы, худой, в безупречном сером мундире, с улыбкой человека, давно смирившегося с тем, что его работа — портить людям день. Двое младших несли сканеры.

— Господин Тобольский, — сказал инспектор и слегка поклонился. — Какая честь. Империя всегда рада видеть ТОБОЛ на своих порталах.

В его исполнении это прозвучало как диагноз.

Савельича просканировали и зарегистрировали как «оборудование с функцией передачи данных», внеся в реестр с серийным номером. Савельич назвал номер сам, раньше сканера.

Эмбрионы инспектор открыл в каталоге и с удовольствием прочитал вслух:

— «Скот живой». Ставка четырнадцать процентов от декларированной стоимости.

— Генетический материал, — сказал Марк. — Таможенный кодекс, статья двести восемнадцать, примечание третье. Биологический материал, нежизнеспособный вне специализированного хранения, облагается как генетический. Ставка три процента.

— Безусловно, господин Римский. — Улыбка инспектора стала шире. — Сертификат о нежизнеспособности вне хранения, будьте любезны.

Сертификат у Марка был. Он лежал в папке четвёртым, сразу за ветеринарными, и Марк протянул его, не глядя, как карту из колоды. Инспектор прочитал, кивнул и, кажется, даже немного огорчился.

С картошкой Нурлана так не повезло. «Клубни семенные, тридцать килограммов, ввоз в аграрную колонию» — карантинный сбор, обязательный осмотр, четыреста двенадцать импер-

ских. Нурлан заплатил сам, из кармана пальто, мятыми купюрами старого образца. Инспектор принял их двумя пальцами, как берут что-то музейное.

Потом инспектор увидел клетку.

— Живое животное. Птица. Ветеринарный паспорт?

Паспорт тёти Али был действительно толще сорока страниц. Инспектор листал его минуты три.

— Птица следует транзитом или к месту назначения?

— Она член экипажа.

Инспектор поднял глаза. Подумал. Записал в графе «вид»: «член экипажа». И начислил сбор за провоз живого животного через портал — тысячу сто имперских.

Итоговая пошлина составила одиннадцать тысяч четыреста. Марк закладывал шесть.

— Счастливого перехода, господин Тобольский, — сказал инспектор у шлюза. — Передайте почтение Патриарху. Ах да. Он ведь и так всё слышит.

Шлюзовая дверь закрылась за ним, как всегда, с рывком на последних десяти сантиметрах.

Через четыре минуты браслет дрогнул. Рабочий канал.

«Счастливого пути, Ваня. Сбор за птицу я бы оплатил, если бы ты попросил. Отчёт в воскресенье. П.»

Не попросил. И не попрошу. Сообщение было закрыто без ответа.

В двадцать один сорок «Ермак» вошёл в кольцо.

Изнутри портал не чёрный. Он никакой. Звёзды впереди гаснут, обода не видно, а приборы на две секунды показывают прочерки на месте всех цифр сразу. Ни провала, ни ступеньки, ни перегрузки — просто ничего. Потом звёзды загораются снова, другие. Чужое созвездие, похожее на сломанный ковш. Маяк нового сектора мигает зелёным. Диспетчер на другой стороне, с чужим акцентом, вежливо называет время по местному стандарту.

Всё. Искера за спиной больше не было.

Лапа проснулась в кресле, посмотрела на экран и снова закрыла глаза.

В кают-компании Нурлан стоял у полки с клеткой и смотрел на новые звёзды в иллюминатор.

— Ну вот, — сказал он Метану. — Теперь мы все эмигранты.

Метан чирикнул и спрятал голову под крыло.

Глава 5. Тёплый трюм

Первые три дня после портала были лучшими днями того рейса. Это стало понятно позже. Сёчас они казались просто днями.

От портальной зоны до точки прыжка к Медунице шли на маршевом, пятьдесят два часа при одном g. Лапа объяснила это так: местная звезда тяжёлая, у неё два газовых гиганта на близких орбитах, и колодец у системы глубокий, как совесть таможенника. Прыгать раньше нельзя: выкинет куда-нибудь в облако Оорта, и будем лететь к Медунице до пенсии. Потом прыжок, перезарядка, ещё сутки торможения. Всего пять с половиной суток. Окно осеменения на Медунице закрывалось через девятнадцать. Запас огромный.

Подъём в пять тридцать по корабельному. Корабль усвоил это расписание с первого дня и будил всех, кто значился в журнале под моим именем. В первое утро разбудил Савельича, который стоял на подзарядке в нише у медотсека и проснуться не мог технически. Во второе — Шпака. Шпак пришёл в тренажёрный отсек в трусах и с гаечным ключом, посмотрел на беговую дорожку и спросил, кого бить. На третье утро корабль разбудил наконец того, кого следовало, и это была почти победа.

Тренажёрный отсек тесный, и бегалось в нём не так, как дома. Дорожка без наклона, потолок низкий, и при каждом длинном шаге казалось, что сейчас приложишься макушкой к турнику. Жилет на двенадцать килограммов Савельич, к его чести, положил в сумку, только на самое дно. Пришлось вынуть и надеть. Двадцать минут бега, турник, гиря в тридцать два. Гиря на корабле при одном g весила больше, чем дома при ноль девяноста шести, ровно на четыре процента. Это чувствовалось на шестидесятом рывке. Нравилось.

На второе утро в дверях появилась Лапа с кофейной палочкой в зубах. Постояла, посмотрела, как идёт седьмой подход.

— На локтях не дожимаешь.

— Дожимаю.

— Не дожимаешь. Внизу руку до конца не распрямляешь. Сантиметра два. Для турника ерунда. Для перегрузки в восемь g, когда надо до тумблера дотянуться, — это разница между тумблером и ничем.

Ушла, не дожидаясь ответа. Следующие подходы были с полным распрямлением, и получалось на два раза меньше. Обидно и полезно, как почти всё, что говорила Лапа.

Камбуз захватила Вера Кузьмина. Не спрашивая. В первый же вечер она открыла брикет «Говядина с гречкой. Вариант 3», понюхала, отшатнулась, прошептала «господи прости» и пошла рыться в своих двухстах килограммах багажа. Вернулась с банкой сушёного лука, мешочком перца и чем-то тёмным в стеклянной бутылке, оказавшимся соевым соусом домашнего приготовления. После этого «Вариант 3» стал едой. Лапа съела две порции, похвалила по-своему: «ну хоть не помои», — и свои шесть брикетов «А» отдала Вере «на опыты».

— Ты не обязана, — сказал Марк Вере на второй вечер. — Пассажирам готовить не надо, это в тарифе.

— А я не за тариф. — Вера пожала полными плечами. — Руки без дела болят. На Медунице не заболят, там коровы.

— Там пока нет коров, — сказал её муж. — Коровы у них в трюме. В бочонках.

За ужином Прохор Кузьмин рассказывал о Медунице. Он сам там не бывал, но знал всё: от брата, который улетел туда шесть лет назад. Планета тёплая, влажная, тяжесть ноль девяносто, на южном материке степь от горизонта до горизонта. Колонии двенадцать лет, восемь тысяч человек, своё зерно уже есть, а мяса нет. Мясо привозное, дорогое, консервированное.

— Вот приедут ваши бочонки, — говорил Прохор и стучал ладонью по столу, — и через год будет у нас своё стадо. Через пять — своё молоко. Через десять — я вам, Иван Ерофеевич, говядину пришлю. Не в фольге. Настоящую.

Сыновья его молчали и ели. Лука тоже молчал и ел, но в конце сказал:

— Хорошо.

Марк, который вёл счёт, шепнул, что это девятое слово за день от Луки.

Нурлан ел мало и медленно. После ужина брал кружку чая, садился под полкой с клеткой и разговаривал с Метаном. Разговоры шли всерьёз, вполголоса, и Метан в нужных местах отвечал.

— Вот ты, — говорил Нурлан, — сидишь в клетке. А летишь сквозь галактику. Кто из нас свободнее? Я в тюрьме двадцать два года работал. Мои пациенты сидели в камерах, я ходил по коридорам. Знаешь, кто первым начинал говорить сам с собой? Я. Не они.

Метан чирикал.

— Правильно, — соглашался Нурлан. — Клетка — это когда тебе некуда лететь. А тебе есть куда. Ты на Медуницу летишь. Как и я.

— А я? — спросил как-то Марк, проходя мимо с планшетом.

— Ты, Марк Аврельевич, летишь от отца, — сказал Нурлан. — Это тоже направление. Но ненадёжное. От чего-то можно лететь долго, а прилететь некуда.

Марк остановился, хотел что-то ответить и передумал.

— А Иван Ерофеевич?

Нурлан посмотрел очень спокойно. Тюремные врачи, как выяснилось, умеют смотреть так, что не хочется отводить глаза и не получается не отвести.

— А Иван Ерофеевич ещё не решил, — сказал он. — Поэтому он летит быстрее всех.

Ответить на это было нечего. Ушёл в каюту к спектрометру. Коробка стояла на откидном столике нераспечатанная: открывать её ради эмбрионов и коров не хотелось. Хотелось открыть на какой-нибудь мёртвой планете, у фрагмента, которого никто до тебя не видел. Так и не открыл. Лёг с этой мыслью и уснул с ней же.

В воскресенье по корабельному пришло время еженедельного отчёта. Пункт третий, страница три. Маршрут, финансовое положение, состояние здоровья, включая продолжительность сна, рацион и пульс в покое. Бортовая система заполнила форму сама, по журналу, и вывела на экран кают-компании для подписи.

В графе «рацион наследника» значилось: «Говядина с гречкой, Вариант 3, две порции; брикет «А», индейка; семечки подсолнечные, 40 г». Ни индейки, ни семечек не было. Семечки грызла Лапа: кофейные палочки кончились на второй день.

В графе «сон» стояло: «4 ч 00 мин». Четыре часа подзарядки Савельича.

В графе «пульс в покое» — шестьсот восемьдесят. Пульс «Абаева Н.» с жёрдочки.

Поправлять не стал. Подписал и отправил. Пусть читает, как хочет. Пусть думает, что наследник питается семечками, спит четыре часа и сердце у него колотится, как у птицы. Ощущение было хулиганское и очень приятное. Шпак, увидев отчёт, сказал, что это лучшая его работа, хотя и не совсем нарочная.

Ответа из дома не пришло. Сообщения в этом секторе шли через портальный ретранслятор и отставали на сутки. Это давало ощущение свободы.

Ночью с третьего на четвёртый день, в два сорок по корабельному, трюм взвыл.

Проснулся не от звука, а оттого, что погас свет. Аварийный, красный, загорелся через секунду, и тогда уже донёсся вой — низкий, с переливом, из всех динамиков сразу. Под ним голос бортовой системы, такой же ровный, как всегда:

— Внимание. Падение давления в криоконтуре трюмного холодильника. Утечка хладагента. Концентрация кислорода в трюме восемнадцать процентов. Семнадцать. Доступ в трюм без дыхательного аппарата запрещён.

Штаны, футболка — нет, сначала ботинки, без носков. В коридоре столкнулся с Марком. Он был в пижаме, в очках и с планшетом. Планшет он, видимо, держал в руках даже во сне.

— Азот, — сказал Марк. — Это азот.

Голос Лапы по общей связи:

— Всем, кто не нужен в трюме, — по каютам и не высовываться. Кто нужен — маски из аварийных шкафов. Без масок никого не пущу, переборку заблокирую. Наследник, ты нужен?

— Нужен!

— Тогда маску надень, а потом бегай.

Аварийный шкаф у трюмного шлюза. Маска с фильтром на сорок минут — не то: азот не фильтруется, нужен кислород. Рядом висели два дыхательных аппарата с баллонами. Марк уже натягивал один. Шпак появился сверху, по трапу, в своём бывшем оранжевом комбинезоне, застёгнутом наполовину, с карабином изоленты на поясе. Он не надел ничего, только сунул в рот загубник третьего аппарата и махнул: пошли.

В трюме стоял белый туман. Он лежал по полу слоем по колено, клубился, лениво переливался через пороги стоек и стекал к дренажным решёткам. Красиво. Под потолком было тепло, у пола холод кусал лодыжки прямо через ботинки. Из угла, где криоконтур входил в трюмный холодильник, бил вниз, в туман, тонкий шипящий белый султан.

Клапан. Родной. Сорок первого года.

Шпак добрался до него первым и выругался в загубник — неразборчиво, но понятно. Медный корпус треснул поперёк, по старой литейной раковине, которую сорок лет никто не видел, потому что сорок лет она держала. Жидкий азот уходил через трещину, кипел на лету, превращался в туман и вытеснял воздух.

Шпак снял с карабина изоленту.

Это было первое, что он сделал. И первое, что не сработало. Лента легла на трещину, и через три секунды стала стеклянной, белой и хрупкой. Ещё через две отвалилась кусками, как скорлупа. Шпак смотрел на эти куски с изумлением, будто его предал старый друг.

— Не держит, — прохрипел он, выплюнув загубник на секунду. — Минус сто девяносто шесть. Я знал. Знал же.

Это звучало так, будто он знал всегда, но надеялся, что изолента об этом не знает.

Решение было очевидное: перекрыть контур выше клапана. Задвижка выше по линии тоже была родной. Шпак крутил её втроём с Марком, повиснув на маховике, и она провернулась с таким скрежетом, что этот скрежет потом ещё долго снился. Султан ослаб и через минуту иссяк. В трюме стало тихо, если не считать воя.

— Система, — сказал Марк. — Выключи сирену.

— Сирена выключается только после устранения причины.

— Причина устранена.

— Давление в криоконтуре — ноль. Причина не устранена.

Это была правда. Контур был перекрыт, а значит, мёртв. Азот больше не шёл к стойкам. Сорок восемь криоконтейнеров стояли теперь в тумане сами по себе, и зелёные огоньки на них мигали так же весело, как всегда.

Марк вывел на планшет паспорт контейнеров. Читал долго, потом снял маску на секунду, чтобы протереть очки, и снова надел.

— Контейнеры активные, — сказал он глухо. — Свой буфер азота у каждого — на восемнадцать часов. Кооператив брал дешёвые. Дорогие держат пять суток.

— А потом?

— Потом выше минус ста тридцати. Эмбрионы расстекловываются, и это всё.

До Медуницы — двое с половиной суток. Шестьдесят часов.

Дальше было восемнадцать часов, которые описывать подробно не хочется, а не описать нельзя.

Сначала Шпак искал, чем заменить клапан. Ничем. Запасного на борту не было: строчка сорок два, «потом», подчёркнуто дважды. Шесть тысяч, которые ушли на спектрометр, стоящий у меня в каюте нераспечатанным. Это пришло в голову примерно на втором часу и больше не уходило.

Потом Шпак придумал байпас. Обвести поломанный участок новой линией, мимо клапана, напрямую от холодильной машины к раздаточной гребёнке стоек. Нужна была трубка — медная или из нержавейки, гибкая, на криогенные температуры. Трубки такой на борту не было.

Была во втором контуре регенератора воздуха. Тот самый, на шестидесяти процентах.

— Сниму с него теплообменник, — сказал Шпак. — Трубка там то, что надо. Регенератор после этого будет работать процентов на сорок. Может, тридцать пять.

— Автономность? — спросил Марк.

— Суток двадцать вместо двадцати пяти. Если ничего не сломается.

— Снимай, — сказал я.

Это было первое решение той ночи, и оно оказалось правильным. Остальные были хуже.

Байпас Шпак собирал шесть часов. Лёжа на полу трюма, в тумане, который становился то гуще, то реже, в тяжёлых криоперчатках, в которых пальцы не гнулись. Марк подавал инструменты и светил. Сам я таскал из регенераторной всё, что Шпак снимал, и носил ему, и уносил обратно лишнее, и снова носил. Работа была тупая, тяжёлая и ничего не требовала от головы. Голова от этого не отдыхала.

Савельич работал там, куда людям лезть было нельзя. В нише у раздаточной гребёнки уровень кислорода держался на двенадцати процентах, азот стоял стеной. Андроиду дышать не надо. Он лежал там на боку, и отсоединял старые линии от гребёнки, одну за другой. Работал медленно, точно, без единого слова. Только на четвёртом часу сказал из ниши своим домашним голосом:

— Иван Ерофеевич. Мне нужно на подзарядку через сорок минут.

— Нельзя сейчас.

— Можно не идти, — сказал Савельич. — Тогда через час двадцать я отключусь здесь, в нише, и вам придётся вытаскивать меня вчетвером. Я сто пятьдесят восемь килограммов. И у меня заклинило правое колено. Жидкий азот попал на привод.

Вытащили его втроём через сорок минут, со скрипом колена, как у старика. Четыре часа он стоял на подзарядке у медотсека. Эти четыре часа вспоминаются хуже всего: в нишу пришлось лезть самим, по очереди, с баллонами, и каждое отсоединение линии занимало у нас втрое больше времени, чем у него.

Лапа тем временем придумала то, до чего не додумался никто из нас.

— Откачивайте воздух из трюма, — сказала она по связи около пятого часа. — Весь. В вакуум. Контейнеры греются от воздуха вокруг: конвекция, теплообмен. В вакууме будут греться только от стоек и излучения. Медленнее раза в полтора, если повезёт.

— А мы? — спросил Марк.

— А вы в скафандры.

— Воздух потом не вернуть, — сказал Шпак из-под гребёнки. — Насосы обратной закачки на этом корыте медленные, как улитки. Половину стравим за борт.

— Значит, половину. Резерв у нас есть.

Резерв у нас был, хотя теперь уже меньше, чем утром. Скафандров было четыре, новых два. Новые достались Марку и Шпаку, старые с истёкшей поверкой — мне и Лапе, хотя Лапа из рубки не выходила. Воздух ушёл из трюма за двадцать минут. Туман исчез разом, будто его выключили, и стало видно всё: сорок восемь белых бочонков в стойках, синие полосы кооператива, зелёные огоньки. На двенадцатом часу первые огоньки стали жёлтыми.

На четырнадцатом Шпак запустил байпас.

Холодильная машина заработала. Азот пошёл по трубке из регенератора к гребёнке — тонкой струйкой, и Шпак, глянув на расходомер, сразу помрачнел.

— Трубка узкая, — сказал он. — Половину стоек потянет. Может, чуть больше. Все сорок восемь — нет.

Марк посмотрел на меня через стекло шлема. Выражение у него было очень спокойное, как у человека, давно всё посчитавшего и ждущего, пока досчитают другие.

— Тогда выбираем, — сказал он. — Двадцать четыре стойки на байпас, остальные отключаем. По договору приоритет у крупного рогатого: там стоимость выше и по ним штраф за недопоставку. Овец потом. Я составлю список за десять минут.

— Нет.

— Ваня…

— Нет. Всех. Делим поток на все сорок восемь, поровну. Каждому чуть-чуть, но всем.

— Каждому чуть-чуть — это никому, — сказал Марк. — Посчитай.

Считать не стал. Это тоже вспоминается хорошо: как не стал. Как было ясно, что Марк прав, и как это не имело никакого значения. Сорок восемь бочонков, сорок восемь жизней, ну, сорок восемь стад в будущем. Прохор с его говядиной, не в фольге. Отключать половину — значит решать, кого убить. А наследник рода, у которого на совершеннолетии сто сорок человек за столом, не решает, кого убить. Наследник спасает всех. Так это казалось. Так, вероятно, должно было быть, если бы мир был устроен так, как он устроен в докладах о предтечах.

— Всех, — повторил я. — Это мой корабль.

Шпак посмотрел на Марка. Марк посмотрел на меня. Потом кивнул Шпаку, и Шпак открыл гребёнку на все сорок восемь стоек.

Четыре часа температура во всех контейнерах держалась на минус ста шестидесяти. Потом на минус ста пятидесяти пяти. Потом на минус ста пятидесяти. Медленно, по полградуса за полчаса, но вверх, во всех сорока восьми одновременно. Холодильная машина гудела на пределе. Струйки азота не хватало никому.

На восемнадцатом часу, в восемь сорок утра, Марк вывел на шлем график. Ничего не сказал, просто вывел. При таком распределении через девять часов все сорок восемь контейнеров одновременно перешли бы за минус сто тридцать. Все.

— Список, — сказал я.

— Готов, — сказал Марк. Он его составил на четырнадцатом часу. И всё это время держал.

Двадцать четыре стойки остались на байпасе. Двадцать четыре Шпак отключил, одну за другой, поворачивая маленькие вентили на гребёнке. Каждый поворот был слышен в шлемофоне: тихий щелчок. Двадцать четыре щелчка. Стоял и слушал их, потому что больше было нечего делать.

На отключённых контейнерах огоньки ещё два часа оставались жёлтыми. Потом начали краснеть. Не все сразу, по одному, с промежутками в несколько минут. К одиннадцати утра красных было двадцать четыре.

Савельич вернулся с подзарядки в начале двенадцатого, хромая на правую ногу. Посмотрел на стойки. Ничего не спросил.

Когда все уже сняли скафандры и сидели в кают-компании, вокруг стола, ничего не говоря и не притрагиваясь к Вериному чаю, Савельич подошёл и встал рядом.

— Иван Ерофеевич. На кольце у портала есть ремонтная станция ТОБОЛ-Транс. Связь с ней через ретранслятор есть. Я мог бы передать запрос. Они пришлют буксир с криоблоком.

— Когда?

— Через сорок часов.

— Нам он был нужен четырнадцать часов назад.

— Да, — сказал Савельич. — Поэтому я и спрашиваю сейчас, а не тогда.

Это не сразу дошло. Он предлагал тогда. Не вслух, но предлагал — там, у ниши, когда сказал про подзарядку. Говорил о сроках, о килограммах, о колене. Можно было спросить: «А что ещё можно сделать?» — и, вероятно, он бы ответил. Не спросил. В голову не пришло, что можно попросить. Ни его, ни кого-то ещё. Наследник не просит. Наследник командует, а ему исполняют. Так было за столом на сто сорок человек. Здесь, в трюме, за столом было восемь человек и одна канарейка, и никто не обязан был исполнять ничего.

— Не надо буксира, — сказал я.

Савельич кивнул и ушёл.

Через три часа по рабочему каналу пришло сообщение. Оно шло через портальный ретранслятор и, видимо, было отправлено ещё ночью, на втором часу аварии, сразу как бортовая система отправила в страховой модуль телеметрию об утечке. Через ту самую кривую замочную скважину.

«Ваня, вижу аварию криоконтура. Ремонтная станция у портала готова выслать буксир с криоблоком, сорок часов. Условие: груз переоформляется на ТОБОЛ-Транс с передачей контракта, ты получаешь комиссию как перевозчик. Подтверди. П.»

Сорок часов. Переоформление контракта. Комиссия как перевозчик. Если бы попросил, получил бы ровно это: опоздавшую помощь, отнятый заказ и запись в журнале «наследник не справился». Он, наверное, даже не хотел этого. Просто так работает.

Не ответил.

Вечером зашёл в трюм один. Воздух туда уже начали понемногу закачивать, давление было ещё низким, пришлось взять маску. Двадцать четыре зелёных огонька. Двадцать четыре красных. Стояли вперемешку, через одну стойку, как Марк их выбрал — по номерам договора, без всякой симметрии. Красивый ровный ряд белых бочонков с синими полосами, и половина из них — мертва.

Там нечего было делать. Совсем. Ни турник, ни гиря, ни навигация на «отлично», ни шестнадцать докладов, ни фамилия, ни сорок страниц, ни подпись у правого края. Ничего из того, чем гордился до этой ночи, не помогло бы ни одному бочонку из двадцати четырёх. Помогли трубка от регенератора, изолента, которая не сработала, руки Шпака, список Марка, скафандры и андроид, лежащий на боку в нише. И ещё одна вещь, которой не нашлось: попросить, пока не поздно.

Вышел из трюма и пошёл в тренажёрный отсек. Бегал в жилете час десять, пока ноги не перестали понимать, где дорожка.

На обратном пути, в кают-компании, на столе лежал планшет Марка. Экран не погас. На нём был тот самый график, а под ним, мелко, пометка от руки:

«Если список сразу, на 14-м часу — 30 из 48. С задержкой — 24».

Шесть контейнеров. Четыре часа. Цена одного «это мой корабль».

Марк сидел у полки с клеткой, рядом с Нурланом, и смотрел в иллюминатор. Видел, что планшет прочитан. Ничего не сказал. Я тоже ничего не сказал. Это было, пожалуй, первое, чему тот рейс научил, если не считать полного распрямления рук на турнике.

Нурлан тихо гладил пальцем прутья клетки. Метан спал, сунув голову под крыло.

— Вот, — сказал Нурлан, ни к кому не обращаясь. — Птица спит. Ей ничего не сказали, а она спит. Значит, правильно спит.

В воскресенье по корабельному пришло время отчёта. Бортовая система опять заполнила форму сама. Графу «груз» не тронул. Там стояло: «48 ед., состояние: 24 — норма, 24 — утрачено». Остальное — семечки, четыре часа сна и пульс шестьсот восемьдесят — оставил как было.

Подписал и отправил.

Глава 6. Медуница

Медуница с орбиты похожа на заплесневелый апельсин: рыжая, в бурых разводах, а по экватору тянется зеленоватая плёнка. Плёнка — это не леса, а цианобактериальные маты в низинах. Им лет миллион, и на кислород они работают с прилежанием бюрократа: медленно и ровно настолько, чтобы никто не придрался. Девять процентов кислорода, шесть процентов углекислоты, давление ноль семь. Вдохнуть можно, но второй вдох лучше делать уже в маске.

Лапа вывела «Ермак» на стояночную орбиту и пощёлкала ногтем по экрану.

— Вон там, в долине, твои клиенты. Купола видишь? Двенадцать штук и один кривой.

— Кривой — это ферма, — отозвался Марк, не поднимая глаз от планшета. — Коровник. По проекту.

— По проекту у них и кислород должен быть. — Лапа сунула в рот новую кофейную палочку. — Ладно, гружу бот. Две ходки. Груза у нас теперь вдвое меньше, так что экономия.

Никто не засмеялся. Двадцать четыре контейнера из сорока восьми — арифметика простая, её даже переселенцы освоили. Вера Кузьмина второй день разговаривала со мной вежливо, как с больным. Это было хуже, чем если бы она кричала.

Бот принял шестерых и двенадцать контейнеров. Савельич спускался по трапу последним, и правое колено у него щёлкало на каждой ступеньке — тот самый азот из восемнадцати часов моей жизни. Ремонт привода стоил денег, которых не было, поэтому андроид хромал с видом человека, который хромает назло.

— Колено можно подтянуть вручную, — сказал Шпак, пристёгиваясь. — Там регулировочная гайка, если корпус снять…

— Корпус снимать я вам не дам, Георгий, — ответил Савельич. — Я вас видел за работой.

Метан в клетке на коленях у Нурлана распушился и что-то коротко чирикнул. Нурлан кивнул ему, будто согласился.

Перед уходом в люк бросился в глаза снимок, приклеенный к переборке бота: побережье, пальмы, белый песок. Его повесил кто-то из прежнего экипажа, и ни один капремонт его не тронул. Пальм нет ни на Искере, ни на Медунице. Наверное, нет уже и на Земле.

Посадочная площадка «Зари Медуницы» оказалась плитой спечённого реголита с облупленной разметкой. Рядом стоял ангар, за ним шёл крытый переход к ближнему куполу. Встречали три фигуры в респираторах. Две были здоровяками в рабочих комбинезонах, третья — невысокая женщина с ручным сканером на ремне и с таким лицом, что стало ясно: разговор будет не о погоде.

Она дождалась, пока откроют грузовой люк, молча прошла внутрь и приложила сканер к первому контейнеру. Потом ко второму, к третьему. Сканер мирно попискивал. На седьмом она наконец повернулась.

— Глафира Андреевна, — сказала она сквозь маску. — Зоотехническая программа. Где остальные?

— Двенадцать во второй ходке, — ответил Марк.

— Остальные двадцать четыре. Те, что по накладной.

Марк посмотрел на меня. Он мог бы ответить сам, у него для таких случаев в голове лежат готовые формулировки: «форс-мажор», «отказ оборудования», «пункт такой-то». Но он посмотрел на меня. Отвечать пришлось самому.

— Отказал криоклапан. Сутки боролись. Спасли половину.

— Спасли половину, — повторила она без вопроса и вернулась к контейнерам.

Сканер снова запищал. Через маску было не понять, плачет она или просто дышит тяжело. На Медунице все дышат тяжело.

Председательша кооператива, Евдокия Карповна Дробот, приняла нас в общем зале центрального купола. Зал служил столовой, клубом, конторой и, судя по наспех задвинутому в угол барабану, местом для свадеб. Она была крупная, седая, с руками человека, который сорок лет держал вилы и десять лет — печать. На столе перед ней лежала распечатка контракта. Настоящая, на бумаге: в колониях бумаге доверяют больше, чем серверам.

— Окно осеменения, молодые люди, — сказала она, — это двенадцать дней. У нас сто сорок тёлок синхронизированы гормонально. Синхронизация стоила нам денег. Гормоны — тоже. Тёлки ждать не будут, у них биология. Сколько вы привезли?

— Двадцать четыре контейнера, — сказал Марк. — По два эмбриона в каждом. Сорок восемь.

— Из девяноста шести. — Она перевернула страницу. — Пункт семь-три. Срыв окна по вине перевозчика. Неустойка — полторы тысячи за каждую недоставленную единицу. Это тридцать шесть тысяч. Остаток вам причитается только за живой материал: тридцать три шестьсот. Тридцать три шестьсот минус тридцать шесть — сами посчитаете?

— Минус две четыреста, — сказал Марк. — В вашу пользу.

— В нашу пользу, — согласилась Дробот. — Плюс год. Год, понимаете? Следующее окно через двенадцать месяцев. Значит, на будущий год половина молока, половина телят, половина всего. Это в контракте не прописано. Это прописано в жизни.

Пункт семь-три был. Марк показывал его ещё на Искере, тыкал пальцем, и тогда это казалось мелочью. Какая разница, сколько стоит срыв, если срыва не будет? На Искере многое казалось мелочью.

Дальше случилась ошибка, которую видно сразу. Её видно даже тогда, когда совершаешь её сам. Остановиться всё равно не получается.

— Евдокия Карповна, — сказал я ровно, как учили на занятиях по переговорам. — Понимаю ваши потери. Позвольте представиться полностью: Иван Ерофеевич Тобольский. Если потребуется дополнительная компенсация, корпорация…

Марк под столом наступил мне на ногу. Поздно.

Дробот подняла глаза от бумаги и посмотрела так, как смотрят на корову, которая вдруг заговорила по-латыни.

— Тобольский, — сказала она. — Из тех самых.

— Из тех самых.

— Тогда разговор другой. — Она отодвинула контракт. — Мы вас наняли, потому что вы дешёвые. Частник на списанном корыте. Ваш ТОБОЛ-Транс заломил за этот рейс двести десять тысяч и полгода ожидания. А теперь выходит, что вёз нас всё-таки ТОБОЛ, только на бракованном корабле и без гарантии. Значит, и спрашивать будем как с ТОБОЛа. Упущенная выгода за год, по колониальному праву. Иск через окружной суд. Бот ваш, — она кивнула в сторону площадки, — постоит у нас до решения. Площадка кооперативная, захваты тоже кооперативные.

— Окружной суд, — вежливо сказал Марк, — заседает раз в квартал.

— Значит, постоит квартал.

Обратно шли молча. Крытый переход пах резиной и навозом. Сквозь пластик было видно рыжее небо, и в нём висела точка — «Ермак» на орбите, недосягаемый, как Искер.

— Ты понимаешь, что сделал? — наконец спросил Марк.

— Понимаю.

— Нет. Ты думаешь, что понимаешь. Ты сказал человеку, у которого кончились деньги, что у тебя они есть. А денег у тебя нет. Паи до двадцати пяти. Ты ей предложил чек, который не можешь подписать. Она теперь будет добиваться его до конца, потому что увидела, что он существует.

Возразить было нечего. Кулаки в карманах куртки разжиматься не хотели.

Марк помолчал и добавил тише:

— Фамилия — это не кошелёк, Вань. Это мишень.

Гостевой барак выделили в шестом куполе. Это была длинная коробка из сборных панелей, нары в два яруса, бак с водой и вентиляционная решётка, из которой не дуло. Нурлан поставил клетку с Метаном на стол и сел рядом.

Минут через двадцать стало ясно, что решётка не дует не случайно. Голова наливалась тяжестью, как после двух часов на тренажёре без воды. Шпак зевнул, потом ещё раз и выругался.

Метан сидел на жёрдочке нахохленный, шарик из жёлто-оранжевых перьев, и дышал часто, приоткрыв клюв. Не орал, не метался. Просто тяжело дышал, как все.

Нурлан вынул из кармана наручный газоанализатор, старый, тюремный, с поцарапанным стеклом.

— Ноль девять, — сказал он. — Углекислого газа почти процент. У нас на зоне за такое начальника режима снимали. — Он погладил клетку пальцем. — Мы с тобой, брат, в одной лодке. Тебе хуже, ты маленький.

— Процессор у них сдох, — сказал Шпак. — Я ещё на подходе слышал. В ангаре гудит резервный скруббер, старый, на полмощности. Основная установка молчит. Видел их будку у четвёртого купола? Три метра по высоте, заклёпки, теплообменники снаружи. Молчит.

Лапа, лежавшая на нижних нарах с закрытыми глазами, не открывая их, произнесла:

— А ты, значит, хочешь её починить.

— Я хочу, чтобы нам не пришлось квартал дышать этой дрянью.

Марк поднял голову от планшета. Было видно, как у него в голове щёлкает: сначала юридическая часть, потом бухгалтерская, потом снова юридическая.

— Работа вместо иска, — сказал он медленно. — Неустойка погашается услугами. Это законно, колониальное право такое допускает, потому что денег в колониях обычно нет ни у кого. Если починим процессор, она отзывает иск, снимает захваты с бота и, может быть, заплатит остаток за живой материал.

— Тридцать три шестьсот, — сказал я.

— Минус то, что на ремонт уйдёт.

— И воздух, — сказала Лапа. — У нас полрезерва за бортом. Пусть в счёт закачают.

Все посмотрели на меня. Решение было очевидным, но произнести его полагалось капитану. В этом смысле капитан — что-то вроде печати у Дробот.

— Иду к ней.

— Только, — сказал Марк, — без фамилии.

К Дробот пришлось идти второй раз за день. Речь на этот раз не репетировалась. Получилось коротко:

— Мы испортили вам год. Год не вернём. Процессор можем попробовать. Бесплатно, в счёт неустойки. Если не выйдет — подавайте иск.

Председательша долго смотрела на меня, потом на Шпака, которого я взял для убедительности. Шпак был в лучшей рубашке, что не помогало.

— Вы его видели? — спросила она.

— Снаружи, — признался Шпак.

— Так посмотрите изнутри, потом поговорим. Запчасти мы заказали у вашего же ТОБОЛа. Придут через пять месяцев. — Она помолчала. — Резервный скруббер протянет месяц, может, полтора. Потом детей будем держать в теплицах. Там зелень, там дышится. Взрослые — как получится.

Это была не угроза и не жалоба. Это был прогноз погоды.

Процессор оказался агрегатом в духе прошлого века: прямолинейным, тяжёлым, честным. Внешний воздух забирался через фильтры грубой очистки. Винтовой компрессор под-

нимал давление. Две колонны с цеолитом работали по очереди: одна жрала углекислоту, другая в это время грелась и отдавала поглощённое обратно в атмосферу. Электролизёр добавлял кислород, и смесь шла в купола. Управлял всем этим блок с собственным маленьким ИИ, а ИИ сгорел вместе с половиной платы при скачке напряжения прошлой осенью.

— Винт заклинило, — сказал Шпак, светя фонарём в кожух. — Подшипник рассыпался, вал прихватило. Это не ремонт, это под замену. Плата — тоже под замену, тут нечего паять, тут угли.

— Под замену — пять месяцев, — сказал я.

— Значит, не под замену.

Савельич стоял у колонн и смотрел на них долго. Так он смотрит на всё незнакомое, будто подгружает справочник.

— Цеолит отработанный, — сказал он. — Насыщен. Его не регенерировали с момента отказа. В штатном режиме колонна греется до двухсот пятидесяти — трёхсот градусов, сейчас нагрев не работает, потому что им управлял блок.

— Цеолит можно запечь, — сказал Нурлан из-за спины. Никто не заметил, как он подошёл. — У нас на зоне фильтры противогазов так восстанавливали. В хлебопекарной печи.

На Медунице хлебопекарная печь нашлась. Первые сутки ушли на разборку. Двадцать мешков гранул выгребли из колонн, перетаскали в пекарню и разложили на противнях. Пекарь, толстый и печальный мужик, смотрел на это, как священник на кощунство. Печь жарила триста градусов шесть часов кряду. Пахло сначала сырым камнем, потом раскалённым железом, потом ничем.

— Хлеб у нас завтра будет со вкусом, — мрачно сказал пекарь.

— С пользой, — поправил Нурлан.

Кладбище техники нашлось за последним куполом: ржавые фермы, разобранные комбайны, три садовые тачки без колёс и в середине — посадочный модуль первых поселенцев. Тридцатилетний, наполовину ушедший в реголит. В его недрах, под слоем пыли толщиной в палец, стоял спиральный компрессор системы жизнеобеспечения. Маленький, втрое слабее винтового, но живой: Шпак крутанул вал рукой, и тот провернулся с сухим скрипом.

— Втрое слабее, — повторил я. — Значит, втрое меньше воздуха.

— Значит, нужен ещё один, — сказал Шпак. — Или два.

Второй сняли с пневмосистемы старого комбайна. Третьего не нашли. Двух компрессоров по расчёту хватало процентов на шестьдесят от штатной производительности. Для четырёхсот человек это значило, что жить можно, но без пробежек.

Расчёт был мой. Тут наконец пригодилось то, ради чего Патриарх тратил на меня годы: термодинамика, массоперенос, адсорбционные изотермы. Две ночи ушло на таблицы, производительность, время цикла переключения колонн. Без блока управления клапаны должен был кто-то переключать. Савельич мог бы, но он ходит на зарядку каждые семьдесят часов, а колено от лишней беготни у него перегревалось.

Выход нашла Глафира. Она теперь приходила каждый день, якобы проверить, «не сломаете ли вы нам ещё что-нибудь». Посмотрела на мои схемы, хмыкнула и принесла из теплицы контроллер полива. Обычный, агрономический, с таймером на шестнадцать каналов и защитой от дурака в виде одной большой красной кнопки.

— Он у меня клапаны открывает каждые сорок минут, — сказала она. — Твоим колоннам какая разница, кто им клапаны открывает?

Колоннам разницы не было. Цикл переключения составил десять минут, нагрев регенерации давали ТЭНы из списанной зерносушилки. Шпак протянул проводку, Савельич проверил каждое соединение дважды, вслух проговаривая сопротивления, как молитву. На пятый день, к вечеру, всё было собрано.

Запуск смотрели всем кооперативом. Люди стояли в респираторах вокруг будки у четвёртого купола, дети — на плечах у взрослых. Дробот — в первом ряду, руки на груди. Компрессоры загудели нестройно, на два голоса, как пьяные. Таймер щёлкнул. Колонна номер один пошла в работу.

Газоанализатор на выходе показывал: углекислота ноль пять, ноль четыре, ноль три.

Кто-то в толпе захлопал.

Через сорок минут — шесть, ноль восемь, один и два. Колонна захлебнулась.

— Вода, — сказал Савельич после паузы. — Цеолит предпочитает воду углекислоте. Атмосфера Медуницы влажная, в долине почти восемьдесят процентов. В расчёте принята сухая воздушная смесь.

В расчёте была принята сухая смесь, потому что в учебнике она тоже сухая. Учебник писали для идеальных газов и идеальных условий. Ни того ни другого на Медунице не было.

Толпа расходилась без шума. Дробот подошла последней.

— Сухая, значит, — сказала она без насмешки, даже с каким-то сочувствием. — Ладно. Неделя у вас есть.

Лапа, которая всё это время сидела на ящике у стены будки и грызла палочку, встала и потянулась.

— Осушитель нужен. Перед колоннами. Влагоотделитель на холоде. — Она посмотрела на меня. — Тебя учили?

— Учили.

— Ну вот и сделаешь.

Осушитель собрали из того, что было. Из молочного бидона на сорок литров сделали ловушку конденсата. Из радиатора от того же комбайна вышел теплообменник, через него погнали ночной воздух с улицы, минус двенадцать. Соединения Шпак обмотал синей изолентой в три слоя.

— На минус сто девяносто шесть она стеклянеет, — сказал он, разглаживая витки большим пальцем. — На минус двенадцать — ничего. Терпит. Она как люди: всё дело в температуре.

Второй запуск прошёл без публики. Только мы, Дробот и двое её здоровяков. Компрессоры снова запели на два голоса. Таймер щёлкнул. Ноль пять, ноль четыре, ноль три. Через сорок минут — ноль три. Через восемь часов — ноль три.

Утром в бидоне плескалось пол-литра воды. Её слили, и Глафира унесла её в теплицу: «Не пропадать же».

Про Глафиру надо отдельно.

Первые два дня она со мной не разговаривала, а только проверяла, щурилась и что-то записывала. На третий день, когда пекарня пропахла раскалённым цеолитом, она остановилась у противней и спросила:

— Ты правда Тобольский?

— Правда.

— И что, у вас там у всех такие руки? — Она показала на мои ладони: ожог на правой от противня и ссадина на левой от кожуха компрессора. — Или ты один такой неудачный?

— Один.

Она засмеялась. На Медунице смеются нечасто, на ноль семи атмосферы смех выходит коротким, с придыханием. Но вышло хорошо.

На пятый вечер, после проваленного запуска, она нашла меня в пустой теплице. В теплице было тепло, сыро и пахло помидорной ботвой. И дышалось: процент углекислоты здесь был выше, зато и кислорода от зелени хватало. Разговор свернул на окно осеменения, на телят, на то, что половина её работы за два года пропала из-за одного клапана.

— Знаешь, что смешно? — сказала Глафира. — Генетический фонд у нас узкий. Четыреста человек, из них двести шестьдесят родня между собой через два колена. Медкомиссия каждый год ноет про «свежую кровь». Привезли мне, называется, свежую кровь. — Она посмотрела на меня с прищуром. — Тёлкам — половину, а мне?

Ответить было нечем. Молчание она поняла правильно.

Дальше было неловко, торопливо и смешно, как бывает, когда двое взрослых людей пытаются раздеться в теплице между грядками. Рассада норовит упасть, лейки гремят, а под ногой оказывается шланг. Кожа у неё пахла землёй и ромашковым мылом. Смеялась она в самые неподходящие моменты и сама зажимала себе рот ладонью. Потом лежали на брезенте за стеллажами и смотрели на рыжее небо сквозь мутный пластик купола. В голове было пусто и ясно, как после хорошего спарринга.

Тут пискнул браслет.

На экранчике проступил текст. Бортовая система «Ермака», наполовину отвязанная и полностью вредная, транслировала через ретранслятор колонии своё обычное: «Иван Ерофеевич, 23:00. Рекомендуется сон. Недостаток сна снижает когнитивные функции на 23%».

Сверху приятным голосом, который знает каждый ребёнок в роду, добавилось вслух: «Спокойной ночи, Ваня».

Глафира приподнялась на локте.

— Это кто?

— Корабль.

— Корабль, — повторила она. — Который тебя спать укладывает. Голосом дедушки.

— Прапрадедушки.

Она хохотала так, что с ближнего стеллажа свалился горшок с базиликом. Пришлось выключить браслет. Отключить голос не получалось уже три недели, Шпак обещал «найти человечка». Это была катастрофа и одновременно самое смешное, что случилось со мной за долгое время.

Позже, когда она ушла, проверив свои грядки с той же деловитостью, с какой проверяла контейнеры, пришло другое. Это было не стыдно, а хуже. Ольга. На Искере, в её последнем письме, было: «Буду ждать, сколько понадобится». Перечитывалось оно перед каждым прыжком. А сейчас за стеллажами валялась брезентовая подстилка и горшок с базиликом.

Глафира ничего не просила и ничего не обещала. Она отнеслась к этому как к хорошей погоде. На Медунице с погодой туго, поэтому её ценят.

Сочинилось письмо Ольге, длинное, честное и глупое. Отправлено оно не было. Потом другое, короткое: «Медуница. Груз доставлен частично. Всё в порядке». Оно ушло. Враньё было только в последней строчке, и даже это казалось подвигом.

На седьмой день, когда процессор отработал третьи сутки без сбоев и углекислота в куполах держалась на трёх десятых, Дробот снова позвала нас в общий зал. Контракт лежал на столе. Рядом лежала новая бумага — соглашение о погашении неустойки трудом.

— Иск не подаю, — сказала она. — Захваты с бота сняты. За живой материал плачу. Не полностью: за ТЭНы от сушилки, за компрессор с комбайна и за печь, которую пекарь теперь отмывает третий день, вычитаю. И пассажиров ваших, Кузьминых и тракториста, оплачу, как договаривались. По четыре тысячи за голову.

Марк быстро пробежал соглашение глазами, потом второй раз медленнее.

— Восемнадцать четыреста за груз, — сказал он вслух. — Шестнадцать за четверых пассажиров. Тракториста не считаем?

— Тракторист сказал, что остаётся на ваших условиях, — Дробот усмехнулась. — Ремонтировать технику на кладбище. Говорит, нашёл тут хорошее кладбище.

— Плюс воздух, — сказала Лапа.

— Плюс воздух, — согласилась Дробот. — Сколько надо — столько закачаем. Свой воздух, сами чинили.

Это была справедливая сделка. Марк подписал её, я тоже. В этот раз прочитал все пункты, все шесть страниц, пока Дробот терпеливо ждала, барабаня пальцами по столу. Пункт семь-три на этот раз был изучен особенно внимательно.

Цифры потом, на «Ермаке», Марк разложил при всех за столом в кают-компании, как мать раскладывает счета.

— Рейс по плану должен был дать сто двадцать тысяч, — сказал он. — Девяносто шесть за груз, двадцать четыре за пассажиров. Получили: аванс двадцать восемь восемьсот, плюс восемнадцать четыреста, плюс шестнадцать за пассажиров, плюс четыре тысячи от Нурлана Абаевича ещё на Искере. Шестьдесят семь двести.

— Неплохо, — сказал Шпак.

— Подожди. Страховая отказала по криоклапану.

— Как отказала?

Марк вывел на экран письмо.

— «Ввиду несогласованной модификации системы жизнеобеспечения: байпас через теплообменник второго контура регенератора». Наш байпас. Тот, которым мы спасали груз. Модификация не согласована по пункту двадцать два страхового приложения, значит, случай не страховой. И ещё нам повышают коэффициент. Тридцать четыре в месяц вместо тридцати одной.

— Наш байпас, — сказал Шпак тоскливо. — Мы же…

— Нам бы заплатили, если бы мы дали грузу погибнуть строго по инструкции, — сказал Марк. — Вот такой юмор.

Коэффициент на следующий месяц, тридцать четыре тысячи, съедал половину рейса. Портал Искера — одиннадцать четыреста — стоил ещё четверть. Остатка хватало на топливо до «Перевала», один ремонт и одну взятку, если взятка будет скромной.

Регенератор так и остался на тридцати пяти — сорока процентах. Запчасти для него на Медунице не было ни новой, ни со вторички, ни у самого хорошего «человечка». Шпак пообещал дотянуть до большой станции, а Савельич пересчитал автономность и сказал: двадцать суток, если никто не будет много дышать.

— Можно вопрос? — спросил Нурлан.

Он сидел на краю стола с клеткой на коленях. За неделю Метан отдышался, распушился и снова орал по утрам, как положено нормальной канарейке, которой не хватает внимания. Нурлан был тише обычного.

— Конечно.

— На Медунице хорошая земля. Лучше, чем я думал. Глафира Андреевна смотрела мою «Синеглазку» — говорит, сорт чистый, без вирусов, на Медунице такого нет. — Он помолчал. — Я отдал ей всю картошку. Тридцать килограммов. В семенной фонд колонии. Бесплатно.

— Зачем? — спросил Марк. — Вы же сюда за этим летели.

Нурлан погладил прутья клетки.

— Двадцать два года я лечил людей за забором. Вышел на пенсию — думал, посажу картошку, буду смотреть, как растёт, и больше никаких заборов. Прилетел сюда и вижу: купола. Двенадцать штук. Тот же забор, только из пластика. — Он улыбнулся одними глазами. — А у вас на корабле медотсек с капсулой, капсула последний раз калибровалась при прошлом капремонте, и медика нет. Андроид не считается, извините, Савелий.

— Не извиняйтесь, — сказал Савельич. — Я действительно не считаюсь.

— Я бы остался у вас медиком, — сказал Нурлан. — Если не возражаете. Платить можно немного. А картошка подождёт, она терпеливая.

Возражений не было ни у кого. Лапа даже вынула палочку изо рта, что у неё означало сильное одобрение.

Прощание вышло коротким. Кузьмины, все четверо, жали руки так, будто прощались с фронтовиками. Это было незаслуженно и поэтому смущало. Вера Кузьмина впервые за весь рейс посмотрела прямо и сказала: «Спасибо за воздух». Тракторист Лука уже ушёл на своё кладбище и помахал издалека разводным ключом.

Глафира пришла на площадку в последний момент, без респиратора, задержав дыхание. Сунула в руки банку размером с кулак, тёмную и тяжёлую.

— Мёд, — сказала она уже из-под маски, отдышавшись в переходе. — Наш. У нас медуница — это не только колония, это ещё и растение. Медонос. Пчёлы в двух теплицах. Единственные пчёлы в секторе. Пусть хоть что-то от нас у тебя будет живое, а не только неустойка.

— Спасибо.

— И ещё. — Она огляделась, будто кто-то мог подслушать на пустой площадке. — У меня брат два года назад улетел. Ульян. Сказал: за порталом Вяземских есть ничейная планета. Зелёная, пригодная, ни кооперативов, ни ТОБОЛа, ни налогов. Улетел туда с попутным грузовиком. Прислал одно письмо: «Добрался, тут свобода». И больше ничего. Два года. — Она помолчала. — Если будете в тех краях…

— Если будем — спросим.

— Спросишь, — поправила Глафира. — Ты ведь туда хочешь. У тебя лицо такое было, когда я сказала «ничейная».

Лицо, видимо, было именно такое. Ничейная, зелёная, за порталом — прямо то, ради чего стоило доказывать Патриарху, что он ошибся.

Бот поднялся с площадки на последнем окне перед ночным похолоданием. Под брюхом проплыли купола: двенадцать штук и один кривой. У четвёртого купола мигал огонёк над будкой процессора — единственная вещь на этой планете, которая была сделана нашими руками и работала.

В каюте банка мёда встала на полку, рядом со шлемом. Стас просил привезти то, чего на Искере нет. На Искере мёд синтезируют, пчёл там нет: под куполами их не стали заводить, и это было записано в каком-то регламенте задолго до моего рождения. Банка с Медуницы, живой мёд от живых пчёл. Довезти до Искера, вручить с серьёзным лицом и посмотреть, как он будет смеяться.

Пачка сообщений пришла уже на орбите, когда «Ермак» вышел на связь через колониальный ретранслятор. Ретранслятор принадлежал кооперативу и работал медленно, сообщения шли в хронологическом беспорядке. От Патриарха по рабочему каналу было два.

Первое: «Ваня, отчёт о питании за прошедшую неделю: в рационе 41% семечек. Пульс в состоянии покоя 680 ударов в минуту. Рекомендован кардиолог и диетолог. Предложение о переоформлении контракта на ТОБОЛ-Транс остаётся в силе».

Второе, отправленное на сутки позже: «Поздравляю с успешным ремонтом атмосферного процессора колонии. Рекомендую оформить работу как благотворительную деятельность рода для налогового вычета».

Не прошло и недели — уже знает. Откуда, было непонятно: из колониальной сводки, из заметки в местной ленте или из головы андроида, хромающего сейчас по коридору с банкой машинного масла. Савельич встретил мой взгляд спокойно. Ничего не спросил и ничего не сказал.

Журнал питания с семечками и пульсом в шестьсот восемьдесят исправлять не хотелось. Пусть кардиолог разбирается.

На обоих сообщениях был поставлен флажок «прочитано». Ответа не было.

В кают-компании Марк уже прокладывал маршрут. На экране светился сектор Вяземских, их корпоративный портал и станция при нём — «Перевал».

— Портал у них закрыт, — сказал Марк. — Уже месяц «в интересах корпорации». Без взятки не пустят.

— Сколько?

— Не знаю. Узнаем на месте. — Марк выключил экран. — Ты ведь из-за того слуха туда хочешь, да? Про ничейную планету?

— Там работа. Грузы, хаб.

— Там работа, — согласился Марк, и по голосу было понятно, что не поверил ни на секунду.

Лапа сидела у камбуза, разглядывала мои ладони — обожжённую и ободранную — и задумчиво жевала палочку.

— Знаешь, что у тебя хорошо получилось? — спросила она.

— Процессор?

— Процессор у Шпака получился. И у пекаря. И у этой твоей с поливалкой. — Она перекусила палочку пополам. — У тебя получились таблицы. Хорошие таблицы, честно. На сухом воздухе работали бы отлично. Только воздух мокрый, а изоленты в учебнике не бывает.

Она поднялась, бросила обломки в утилизатор и пошла к рубке.

— Диплом изоленту не заменит, Ваня, — сказала она уже из коридора. — Запомни, пригодится.

Глава 7. Закрытый портал

Портал Вяземских висел в черноте, как обручальное кольцо, снятое с покойника: ровное, красивое и мёртвое. В створе не было сияния, на ободе не горела разгонная разметка. Мигал только жёлтый маяк на внешнем контуре, а на панели Лапы двадцать минут светилась одна и та же строка:

«Портал временно закрыт в интересах корпорации. Ориентировочное время возобновления движения не определено. Благодарим за понимание».

— Благодарят они, — Лапа перекусила кофейную палочку пополам и сплюнула обломок в кулак. — За понимание. Я им сейчас изображу понимание.

— Сколько ждут? — спросил Марк.

— Вон тот рудовоз висит шестые сутки. Я его по подпалине на корме запомнила, он мне ещё на подходе в эфире плакался. — Лапа ткнула пальцем в экран, где у портала дрейфовало созвездие бортов, штук сорок, не меньше. — А вон тот, пузатый, вообще с позапрошлой недели. Там уже, наверное, грибы по переборкам пошли.

Четыре десятка кораблей. Четыре десятка экипажей, Четыре десятка счётчиков суточных расходов, которые крутятся впустую. Цифры легли в голову сами, и следом пришла мысль, которой месяц назад не было бы совсем: каждые сутки у портала стоят нам примерно как два тренажёра. Медуница научила считать быстрее, чем все курсы экономики.

— В интересах корпорации, — повторил Нурлан из глубины рубки. Он сидел на откидном кресле, клетка с Метаном стояла у него на коленях. — Интересно, в чьих интересах корпорация бывает открыта.

Метан чирикнул, будто согласился.

Станция «Перевал» прилепилась к порталу сбоку. Строили её не как станцию, а наращивали, как ракушки на днище. Центральный тор когда-то был аккуратной имперской конструкцией, потом к нему начали пристраивать модули: жилые, складские, ремонтные, чьи-то частные, чьи-то брошенные, чьи-то, судя по виду, захваченные. Отовсюду торчали стыковочные фермы, кое-где переломанные. Одну секцию обшили листами с маркировкой разных корпораций, и издалека она напоминала лоскутное одеяло. Иллюминаторы светились жёлтым, синим, розовым, кое-где мигала реклама: бары, ремонт, найм, «Чистая вода без осадка», «Медицина без вопросов».

— Красота, — сказал Шпак с искренней нежностью. — Тут есть всё. Вообще всё. Если чего-то нет, значит, его ещё не украли.

Швартовка обошлась в сто восемьдесят имперских за сутки плюс сбор за «пользование причальной инфраструктурой». Чем он отличается от собственно швартовки, понять так и не удалось. Марк понял, но объяснять не стал. Он уже сидел с планшетом и что-то сверял, сощурившись, как кот на солнце.

— Ты доволен, — заметил я.

— Я на своём месте, — сказал Марк. — Тут всё продаётся, и всё оформляется. Это лучшее сочетание на свете. Правда здОрово?

На выходе из шлюза каждому выдали временный браслет-пропуск. На экранчике горели две строки: идентификатор и остаток «атмосферного кредита». Воздух на «Перевале» продавали. Не по-крупному: базовый тариф шёл в пакете со швартовкой, но лишние часы в общественных секторах списывались отдельно. Смотрел на цифру и думал, что за всю жизнь ни разу не задавался вопросом, сколько стоит вдох. На Искере воздух был как Патриарх: везде, всегда и бесплатно, только платил за него кто-то другой.

Савельич шагнул из шлюза следом, припадая на правую ногу. После Медуницы колено так и не починили. Привод, прихваченный жидким азотом, работал с хрустом, и на каждом

третьем шаге андроид чуть заметно доворачивал корпус, перенося нагрузку. Сто пятьдесят восемь килограммов на одной здоровой ноге. Смотреть на это было неприятно, как на хромающую собаку.

— Иван Ерофеевич, — ровно сказал Савельич, — рекомендую держать руку на кошельке. В переносном смысле. Кошелька у вас нет.

Голос был гладкий, служебный: связь здесь была, магистраль Вяземских шла через станцию, и к Савельичу вернулись правильные паузы. Последние сутки перед портом ловил себя на том, что эти паузы слышу. Будто человек сначала думает, что сказать, а потом спрашивает, можно ли.

Внутри «Перевал» пах горячим пластиком, озоном, жареным соевым тестом и чем-то сладким, химическим. Источник обнаружился быстро: вдоль главного коридора сидели, стояли и полулежали люди с капсулами. Розовые, голубые, янтарные. Дым тянулся под потолком, где рециркуляция не справлялась, и оседал на светильниках бурым налётом. Палуба под ногами была рифлёная, стёртая до металла посередине и липкая по краям. На стенах висели надписи на имперском, на трёх колониальных диалектах и пиктограммы для тех, кто читать не умел совсем: стрелка — «шлюз», череп — «не входить», кружка — «бар». Кружек было больше, чем черепов.

— Как дома, — пробормотала Лапа.

— Где у тебя был дом? — спросил я.

— Казарма ТОБОЛ-Обороны, сектор Кедровый, шестой ярус. Пахло так же, только мата было меньше. Устав запрещал.

Мимо, шатаясь, прошёл парень моего возраста в расстёгнутом лётном комбинезоне, с капсулой в углу рта. Глаза у него были как у Стаса после третьего бокала: блестящие и чуть в сторону. Посмотрел ему вслед, и в груди кольнуло что-то непонятное. Не жалость. Узнавание. Мысль о брате пришла и ушла. Стас сейчас на Искере, наверняка на каком-нибудь приёме, смеётся и обещает всем, что завтра начнёт бегать по утрам. В каюте на полке стоит банка мёда с Медуницы, подписанная маркером: «Стасу. То, чего тут нет». Довезём.

Портовая служба Вяземских занимала отдельный модуль, чистый, как операционная, и потому выглядевший на «Перевале» иностранцем. За стойкой сидел молодой человек с идеальным пробором и значком с гербом Вяземских — серебряный ворон на зелёном поле. Прежде чем двинуться к стойке, Марк взял меня за локоть.

— Слушай внимательно. Ты молчишь.

— В смысле — молчу?

— В смысле совсем. Ты не Тобольский, ты не наследник, у тебя нет фамилии. Ты стажёр, которого мне навязали, и тебе скучно.

— Почему?

— Потому что ты на Медунице уже один раз сказал фамилию, и нам это стоило неделю на свалке. А здесь Вяземские. Наши с ними отношения — это двести лет вежливой ненависти. Если этот мальчик узнает, кто ты, портал откроется для всех, кроме нас. И с огромными осложнениями.

Возразить было нечем. Отошёл к стене, где висел план станции, и сделал вид, что изучаю. Изучать было что: план явно рисовали поверх более старого плана, а тот — поверх ещё более старого. Половина коридоров вела в никуда.

Разговор у стойки длился сорок минут. Слышно было не всё, но достаточно. Марк не просил и не требовал. Он сочувствовал. Он понимал. Он сам из логистики и знает, как тяжело, когда наверху принимают решения, а отдуваться приходится внизу. Он, разумеется, не просит открыть портал, кто он такой. Но нет ли процедуры, по которой судно с подтверждённым срочным контрактом может быть рассмотрено вне общей очереди? Нет? А консультация специалиста по такой процедуре — бывает? Платная, конечно, официальная, с квитанцией?

Молодой человек с пробором впервые за разговор улыбнулся.

— Консультационный сбор, — сказал он, — составляет восемь тысяч пятьсот имперских. По итогам консультации ваша заявка будет рассмотрена в приоритетном окне. Ориентировочно через пятьдесят два часа.

— Квитанцию, пожалуйста, — сказал Марк. — С назначением платежа.

Квитанцию выдали. В графе «назначение» стояло: «Консультационные услуги по вопросам регламента транзита». Марк сфотографировал её на браслет, отправил в бортовой журнал и в отдельную папку, которую называл «Оправдания».

— Восемь с половиной, — сказал я, когда вышли в коридор. — Официальная пошлина у них пять. Это же взятка.

— Это консультационный сбор, — сказал Марк. — Взятку нельзя внести в расходы и предъявить страховой. А это можно. Видишь разницу?

— Вижу, что мы заплатили больше.

— Мы заплатили за то, чтобы не висеть шесть суток, как тот рудовоз. Шесть суток швартовки, воздуха и страховки — это больше восьми с половиной. Я считал.

Он всегда считал. Это раздражало сильнее всего.

Отдельно ушли Шпак с Лапой: искать «человечка» по оружейной части. Лапа решила это ещё на подходе, после первого же разговора в эфире. Сектор за порталом, по словам пилотов, «пошаливал»: три борта за два месяца, один вернулся без груза и без половины экипажа, а два не вернулись.

— Две лазерные турели — это от метеоритов и от дураков, — сказала она. — От умных они не спасут. Умные ракету не пускают, умные идут на абордаж в окне перезарядки.

Нурлан с Метаном остались на борту: птице на станции делать было нечего, а Нурлан сказал, что видел за свою жизнь достаточно тюрем и не хочет добровольно гулять по ещё одной.

Остался с Савельичем. И, глядя, как андроид волочит ногу на повороте коридора, решил, что одно дело сделаю сам. Без Марка, без Шпака и без чужих советов.

Торговые ряды «Перевала» тянулись по двум палубам старого грузового модуля. Узкие проходы, прилавки из контейнерных стенок, гроздья кабелей под потолком, коробки до самого верха. Продавали всё: модули жизнеобеспечения, фильтры, платы, бэушные скафандры с чужими именами на нагрудных полосах, картриджи для регенераторов, запчасти к андроидам — целые руки, кисти, глазные блоки в банках с гелем. Савельич мимо этого прилавка прошёл, глядя строго перед собой.

Прилавок с приводами нашёлся быстро. Хозяин, круглолицый, улыбчивый, с бородкой клинышком, представился Фролом и сразу понравился: не заискивал, говорил прямо и даже немного грубовато.

— Колено правое, серия СВ, корпоративная? — Он глянул на Савельича оценивающе, как на лошадь. — Слышу, слышу, как хрустит. Азот?

— Азот, — признался я.

— Ну, тогда вам повезло. — Фрол нырнул под прилавок и вынырнул с коробкой в фабричной плёнке. — Оригинал ТОБОЛ-Транс, с утилизации флота. Серийник проверяйте, я не обижусь.

Серийник проверили. Браслет выдал: «Привод коленный, серия СВ-7, производитель ТОБОЛ-Транс». Совпадение полное. Плёнка, голограмма, даже значок ТОБОЛа на корпусе — знакомый до последнего завитка, такой же, как на воротах верфи на Искере. Внутри поднялась тёплая волна. Это был свой. Родной, из дома.

— Пять девятьсот, — сказал Фрол. — Новый вам на Искере обойдётся в восемь с доставкой. Если вы, конечно, с Искера.

— С Искера, — сказал я раньше, чем успел подумать.

— Видно, — кивнул Фрол. — Воспитание. Сразу видно.

Заплатил. Савельич стоял рядом и молчал. Потом, уже в коридоре, вспоминалось именно это молчание. Не возражал. Не советовал подождать Шпака. Не предлагал проверить. Протоколы? Или ждал, пока хозяин ошибётся сам?

На борту коробку вскрыл Шпак, вернувшийся раньше Лапы. Посмотрел на привод, понюхал зачем-то и захохотал, долго и с удовольствием.

— Что?

— Иван Ерофеевич, — Шпак вытер глаза. — Это привод от складского погрузчика. Тоже ТОБОЛ, тоже СВ, только СВ-7Л, «Л» значит «логистика». Литеру сточили, корпус перешлифовали, плёнку накатали. Серийник настоящий, это ж утиль, их тысячами списывают. Он на твоего Савельича встанет, как седло на корову. Момент не тот, крепление не то, разъём под другой протокол.

— Я подтверждаю, — сказал Савельич. — Совместимость отсутствует. Прошу прощения, Иван Ерофеевич, мне следовало запросить спецификацию до оплаты.

«Мне следовало». Не «вам». Посмотрел на андроида: лицо ровное, глаза спокойные. Не поймёшь, прикрыл он хозяина или упрекнул.

Вернулись в ряды через полчаса. Прилавок стоял на месте, только за ним сидела худая женщина в очках и уверяла, что никакого Фрола знать не знает. Здесь всегда торговала она, а коробки ей привозят «разные люди». Позади, у соседнего прилавка, кто-то хмыкнул. Больше никто ничего не сказал.

В отражении стеклянной витрины напротив стоял молодой человек в хорошей куртке: ровная спина, правильная стрижка, искерские ботинки. Такого видно за километр, и Фрол увидел. «Воспитание. Сразу видно». Обидно было даже не из-за денег. Обидно, что купили именно на это: на значок ТОБОЛа, на тёплую волну, на дом.

— Пять девятьсот, — сказал Марк вечером, внося расход в журнал. Он не упрекнул ни словом, и это было хуже упрёка. — Статья «Обучение персонала».

Гаусс-установку Шпак с Лапой нашли не на рядах, а в конторе. Контора называлась «Бюро сертификации технологического оборудования» и занимала два чистеньких отсека в жилом кольце. Внутри стояли кадка с искусственным фикусом, стол, принтер и женщина лет пятидесяти с крупными серьгами, которая представилась Зинаидой Петровной. В её присутствии хотелось вытереть ноги.

— Кинетический ускоритель КУ-12, — сказала она, разворачивая на столе голограмму. — Малый класс, рельсовая схема, магазин на сорок пробоотборников, темп до двух в секунду при полном конденсаторе.

— Пробоотборников, — повторил Марк.

— Пробоотборников, — подтвердила Зинаида Петровна, глядя на него поверх очков. — Установка сертифицирована как оборудование для дистанционного отбора проб с поверхности малых тел. Кометы, астероиды. Очень востребовано в геологической разведке.

Смотрел на голограмму. Двухметровый ствол, рельсы, массивный конденсаторный блок, турельное кольцо. «Пробоотборник» был вольфрамовой болванкой длиной с ладонь, и при начальной скорости, указанной в спецификации, мелким шрифтом, такая проба отбиралась вместе с астероидом.

— А стрелять по кораблям? — спросил я.

Зинаида Петровна посмотрела на меня с материнской укоризной.

— Молодой человек. Мы — бюро сертификации. Мы не можем знать, какие малые тела встретятся вам в пути.

Лапа громко хрустнула палочкой.

Дальше пошли документы. Их было столько, что принтер дважды перегревался. Декларация соответствия в юрисдикции клана Вяземских. Свидетельство о том, что установка не является «самостоятельным вооружением», а лишь «кинетическим модулем двойного назна-

чения». Отдельный акт на сорок пробоотборников — с пометкой, что они «калиброванные» и «инертные». Сертификат на крепление. Подписка о том, что покупатель ознакомлен с правилами безопасного отбора проб. Подписал, не читая, и Марк забрал планшет.

— Подожди, — сказал Марк и начал читать.

Читал он долго. Зинаида Петровна смотрела в потолок с видом человека, которому некуда торопиться: время её стоило дорого, но деньги не её.

— Вот, — сказал наконец Марк и развернул планшет. — Пункт девять. «Настоящая декларация действительна в юрисдикции клана Вяземских и на территориях, признающих сертификацию клана. Регистрация в имперском реестре судового оборудования производится владельцем самостоятельно, по его усмотрению».

— И что?

— А то, что в имперском реестре нет класса «пробоотборник». Есть класс «вооружение». Как только мы её зарегистрируем, это будет вооружение на гражданском курьерском тендере. Лицензия, проверка, полгода ожидания. Если не регистрировать — у Вяземских мы чистые, а у Империи нет.

— Империя далеко, — сказала Лапа.

— Империя близко, — сказал Марк. — Империя просто медленная.

— Мы её не будем применять, — сказал я. — Это на всякий случай.

Марк посмотрел на меня. Лапа посмотрела на Марка. Шпак смотрел на фикус.

— Двадцать шесть тысяч, — сказала Зинаида Петровна. — Плюс три двести за пробоотборники. Плюс тысяча восемьсот сертификация. Монтаж сторонний, могу порекомендовать надёжных специалистов.

— У нас свой, — сказал Шпак.

— Тем лучше.

Решение принял сам. Не из упрямства, хотелось думать. Перед глазами стояли сорок бортов у портала и рудовоз, вернувшийся без половины экипажа. Но где-то под этими цифрами сидело и другое, неприятное: на Медунице решали все, кроме меня. Марк считал, Шпак паял, Лапа командовала. А теперь можно было сказать «берём», и это прозвучало бы как слово капитана.

— Берём, — сказал я.

Марк ничего не ответил. Расплатился, сфотографировал все квитанции и подписал папку не «Оправдания», а «Гаусс». Отдельно.

Монтаж занял ночь. Шпак с Савельичем поставили установку на нижний пилон, где раньше висел контейнер для забортного оборудования. Подвели питание от второй шины, накинули свой контур охлаждения, потому что штатный, по словам Шпака, был «рассчитан на эскимо». Синей изоленты ушло полтора мотка. Савельич работал молча, подтягиваясь на руках там, где колено не держало.

Сообщение пришло утром, по рабочему каналу. Голос Патриарха раздался из браслета — тот самый, тёплый, неторопливый, с лёгкой хрипотцой, которой у машины быть не могло:

«Доброе утро, Ваня. Обращаю внимание, что кинетическая установка класса КУ-12 не внесена в имперский реестр судового оборудования. Рекомендую задекларировать её до транзита, во избежание осложнений. Также отмечаю, что вчерашний ужин в журнале не зафиксирован. Береги себя».

Сидел на койке и смотрел на браслет. Про установку знали пятеро: я сам, Марк, Лапа, Шпак и Савельич. И ещё Зинаида Петровна, но у неё свои интересы, и Тобольским она точно не докладывала.

Савельич стоял у двери. Он всегда стоял у двери, когда просыпался.

— Ты ему сказал?

Пауза. Та самая. Секунды на полторы.

— Я передаю телеметрию судна в соответствии с протоколом, Иван Ерофеевич. Масса «Ермака» изменилась на четыре тонны триста килограммов. Нагрузка на вторую шину выросла на восемнадцать процентов. Бортовая система классифицирует новый узел по энергетическому профилю.

Объяснение было разумным. Корабль, наполовину отвязанный, всё ещё следил и всё ещё сообщал. Масса, энергия, профиль — Патриарх мог сложить сам. Мог. А мог и не складывать, если ему всё рассказали словами.

— Понятно, — сказал я.

Не было понятно ничего. Но мысль, мутная и неприятная, как дым под потолком «Перевала», уже легла на дно и осталась там. Если хочешь узнать, кто говорит, — скажи что-то, чего не знает никто, кроме одного. И посмотри, откуда эхо.

Риту Сокол нашла Лапа. Не на доске наёмников, где висели сотни анкет с улыбающимися лицами и списками навыков. Лапа на доску даже не посмотрела.

— Там те, кто продаёт себя, — сказала она. — А нам нужен тот, кого покупают.

Чайная называлась «Нижний шлюз» и, как ни странно, была чайной. Без капсул, без дыма, со стальными столами, прикрученными к палубе, и с самоваром в углу. Самовар был настоящий, медный, с вмятиной на боку. Переглянулись с Марком: на Искере такой стоял бы в музее под стеклом.

Женщина за угловым столом сидела спиной к стене, лицом к двери. Короткая тёмная стрижка, серая куртка без нашивок, шрам поперёк тыльной стороны левой кисти — ровный, хирургический, такие остаются после замены сухожилий. Перед ней стоял стакан с водой. Не с чаем — с водой.

— Сокол, — сказала Лапа. — Это наниматель. Тот, что помоложе.

— Вижу, — сказала Рита и кивнула на стулья. Не «садитесь», просто кивок.

Сели. Марк заказал чай. Я — воду. Рита отметила это взглядом, не больше.

— Сколько у вас стволов?

— Две лазерные турели, — сказал я. — И с сегодняшнего дня гаусс.

— Я про людей.

— Один, — сказала Лапа. — Я. И я, как ты понимаешь, за штурвалом.

— Медик есть?

— Есть. Бывший тюремный врач.

Рита впервые чуть приподняла бровь, и было непонятно, что это значит: одобрение или насмешку.

— Хороший. Тюремные шьют быстро и вопросов не задают. — Она повернулась ко мне. — Условия. Шестьсот в сутки. Десять суток вперёд. Я не геройствую, не сижу с больными, не нянчу пассажиров и не участвую в семейных разговорах. Если деньги кончаются — схожу на ближайшей станции. Без обид и без истерик.

— А если кончатся посреди сектора? — спросил Марк.

— Доработаю до станции. В долг. Под десять процентов.

— Это грабёж.

— Это рынок, — сказала Рита. — Грабёж — это когда без договора.

Марк неожиданно улыбнулся. Кажется, она ему понравилась: так же, как Зинаида Петровна, как мальчик с пробором, как все люди, у которых всё оформлено.

Рита смотрела на мои руки. Не на лицо и не на куртку — на руки, лежащие на столе.

— Убивал?

— Нет.

— Плохо, — сказала она без выражения. — Значит, если придётся, первый раз у тебя будет в самый неудобный момент. Или убивать буду я. Второе дороже.

— Насколько дороже?

— Узнаешь.

Она допила воду, поставила стакан донышком точно в мокрый круг на столе и протянула руку. Ладонь была сухая и жёсткая, рукопожатие — короткое, без попыток пережать.

— Аванс сегодня. Отлёт когда?

— Через сорок девять часов, — сказал Марк. — Приоритетное окно.

— Купили консультацию, — сказала Рита. Не спросила.

— Купили.

— Правильно. Тот рудовоз будет висеть до Нового года.

Уже на выходе обернулся. Рита снова сидела спиной к стене, лицом к двери, и снова смотрела не на людей, а на руки проходящих мимо.

Вечером в кают-компании Марк вывел на экран сводку. Никто не просил, но все смотрели. Марк читал вслух, ровно, как таможенную декларацию:

— Швартовка, трое суток плюс сбор за инфраструктуру — девятьсот сорок. Атмосферный кредит, превышенный Шпаком, — четыреста восемьдесят. Консультационный сбор — восемь тысяч пятьсот. Привод, статья «обучение персонала», — пять тысяч девятьсот. Гаусс с пробоотборниками, сертификацией и монтажом — тридцать одна тысяча. Аванс Рите — шесть тысяч.

— Пятьдесят два триста, — сказал я. — За трое суток. Мы ещё никуда не полетели.

— Зато полетим с пушкой, — сказала Лапа.

— Полетим с пушкой и без денег на страховку за следующий месяц. Её мы будем платить из денег, которых у нас пока нет. — Марк выключил экран. — Я возьму пассажиров. До портала за той стороной трое-четверо найдутся, на станции полно желающих. Каюты пустые, пусть хоть они работают.

— Кого попало брать нельзя, — сказала Рита из дверного проёма. Никто не слышал, как она подошла.

— Кого попало я и не беру, — сказал Марк. — Я беру тех, кто платит.

Нурлан, сидевший в углу с клеткой, тихо рассмеялся.

— Ровно так говорил один мой пациент. Начальник колонии. Хороший был человек. Пока не принял на работу кого попало, который платил.

Метан чирикнул. Нурлан сунул ему палец сквозь прутья, и птица клюнула, без злости, по-дружески.

На «Перевале» спрашивал про Ульяна, брата Глафиры. Перед отлётом с Медуницы она сунула мне записку с именем и приметами — светлый, курносый, на правой руке нет мизинца — и попросила: если вдруг. Записка лежала в кармане и успела промокнуть. Спрашивал на доске наёмников, в чайной, у двух пилотов в баре у шлюза. Про Ульяна никто не знал. Про планету знали все.

— Ничейная, — подтвердил один из пилотов, седой, с отекшим лицом и пустой капсулой в пальцах. — За порталом, в двух прыжках. Вода, воздух, трава по пояс. Никто не спрашивает, кто ты и откуда. Свобода. — Он помолчал. — Туда многие летят.

— А обратно?

Пилот пожал плечами и пошёл к стойке за новой капсулой.

В 23:00 из динамика над койкой ровно, тепло и неумолимо раздалось:

«Иван, время отдыха. Рекомендую лечь спать. Твой пульс в журнале — шестьсот восемьдесят ударов в минуту. Это требует внимания».

Журнал по-прежнему врал, после полуотвязки Шпака корабль путал единицы. Исправлять не стал. Пусть Патриарх получает шестьсот восемьдесят и семечки на ужин, и пусть думает, что хочет.

На полке напротив стояла банка мёда для Стаса, янтарная в свете дежурной лампы. Ниже, в нише, лежала коробка с приводом, который не подходил никому. Её не выбросили: Шпак

сказал, что из него когда-нибудь выйдет «что-нибудь полезное». Савельич стоял у двери. Глаза его светились ровно, в режиме ожидания.

Спать не хотелось. Мысли крутились вокруг одного: как устроить вопрос, ответ на который знает только один. Слово, которое никто больше не слышал. Деталь, которую нельзя вычислить по массе и энергии.

— Савельич.

— Да, Иван Ерофеевич.

— Ничего. Спокойной ночи.

Пауза. Полторы секунды.

— Спокойной ночи.

До приоритетного окна оставалось сорок шесть часов.

Глава 8. Пассажиры

Пассажиров Марк искал так же, как всё остальное: через доску объявлений, бар у шлюза и знакомых знакомого. Знакомый сидел в диспетчерской швартовки и за триста имперских «просто посмотрел», кто из застрявших у портала ищет место на борту с приоритетным окном. Через шесть часов в кают-компании сидели трое.

Эмма Генриховна Хольт, шестьдесят три года, летела домой, в аграрный посёлок на той стороне. Девять дней назад она купила билет на лайнер, лайнер встал в очередь и висел до сих пор. С собой у неё была дорожная сумка и гермоконтейнер в чехле из стёганой ткани. Контейнер она держала на коленях, как держат спящего кота.

— Муж, — сказала она, поймав взгляд. — Хотел умереть дома. Тридцать лет хотел и всё откладывал. Вот, везу домой.

Дамир Тоиров, лет тридцати пяти, торговец специями. При нём было шестьдесят килограммов груза в вакуумных мешках и неистощимая способность разговаривать. За первые десять минут удалось узнать про шафран с Медуницы (дрянь), про перец с Кедрового (терпимо), про его тёщу (святая женщина, но лучше на расстоянии двух порталов) и про то, что зира в невесомости пахнет иначе. Почему — он сам не знал, но готов был спорить.

Третий сидел у стены и молчал. Узкое лицо, залысины, мятая рубашка, застёгнутая на все пуговицы. Арсений Штоль, около сорока, по документам консультант по финансовому учёту. Вся его кладь умещалась в маленькую сумку через плечо. Пальцы правой руки то и дело трогали левое предплечье, будто проверяли, на месте ли часы, хотя часов не было.

Марк вёл приём как таможня. Взвесил багаж, сверил документы, внёс в манифест. Эмме Генриховне — три с половиной тысячи. Дамиру — три с половиной и ещё четыреста за груз, после короткого торга, в котором Дамир получил явное удовольствие. Штоль не торговался совсем.

— Девять тысяч, — сказал он. — Если каюта с замком. И если вылет в ваше окно, без задержек.

— Тариф три с половиной, — честно сказал Марк.

— Я знаю тариф.

Он расплатился сразу, анонимными кредитными чипами: плоские пластинки легли на стол аккуратной стопкой. Марк пересчитал, проверил каждый на считывателе и только потом поднял глаза.

— Ваши документы выданы три недели назад.

— Старые потерял.

— Где?

— На «Перевале», — сказал Штоль и попытался улыбнуться. — Тут всё теряется.

Это была правда, мне ли не знать: пять девятьсот за привод, который не подходил никому. Марк подержал паузу, внёс пассажира в манифест и закрыл планшет.

Шестнадцать четыреста. Только треть от того, что съели трое суток на станции.

Рита весь приём простояла у двери, а не сидела. Когда пассажиры разошлись по каютам, она кивнула Марку и мне — именно так, двоим сразу, — и вышла к шлюзу. Пошли следом.

Из шлюзового окна просматривался участок стыковочного кольца: автомат с водой, лавка, информационный стенд с расписанием, которое никто не обновлял.

— Серый, у автомата, — тихо сказала Рита. — Стоит третий час и ничего не купил. Второй на лавке, в оранжевом комбинезоне ремонтника. Ремонтники столько не сидят, у них сдельная. Оба пришли через двадцать минут после вашего консультанта.

— Совпадение, — сказал Марк. Без особой уверенности.

— Может быть. — Рита смотрела в окно, не мигая. — Документы у него чистые?

— Чистые.

— Слишком, — сказала Рита. — Чистые документы бывают у тех, у кого их только что сделали.

Марк повернулся ко мне. Это было что-то новое: раньше решения по грузу и пассажирам он принимал сам, а мне сообщал. Сейчас смотрел и ждал.

Решать не хотелось. Хотелось, чтобы кто-нибудь сказал, как правильно. Вспомнилась Лапа на Медунице: «Капитан — это тот, кого потом обвинят». Вспомнилось и другое, совсем не к месту: В какой то книге прочёл, что взятый на борт груз — это обещание. Гостя не выгоняют за порог, пока он не сделал ничего плохого.

— Поговорю с ним, — сказал я.

Штоль открыл каюту не сразу: сначала спросил через дверь, кто. Каюта была стандартная, двухместная, из пассажирского модуля. Вторую койку он не тронул. Сумка лежала на полу между ногами, будто её могли выдернуть.

— За вами следят, — сказал я.

— За всеми на «Перевале» кто-нибудь следит. — Он сглотнул. — Вы же Тобольский, да? За вами тоже.

Внутри что-то неприятно дрогнуло.

— Откуда вы знаете?

— Я считаю, молодой человек. Это моя профессия. — Улыбка вышла жалкой. — У вас ботинки искерские, андроид корпоративный, корабль из ТОБОЛ-Транс, бортовой номер ТТ. И вы смотрите на людей так, как смотрят те, кому в жизни не приходилось бояться. Я не скажу никому, не беспокойтесь. Мне никто не интересен, кроме меня самого.

— Если с вами будут проблемы, мы вас высадим.

— Проблем не будет, — сказал Штоль. — Я хочу только улететь.

Пальцы снова скользнули к левому предплечью. Он заметил, что я заметил, и убрал руку на колено.

Проблемы начались через два часа. К шлюзу подошёл человек в жилете санитарного контроля станции, с планшетом и пустым прозрачным контейнером для проб. За его плечом маячил оранжевый ремонтник.

— Плановая проверка пассажирских помещений, — сказал санитар, не глядя в глаза. — Вредители. На станции вспышка, тараканы в пищевых модулях. Пассажирские каюты обязательно.

Марк вышел к нему раньше, чем я успел открыть рот.

— Номер предписания, пожалуйста.

— Плановая. Предписание не требуется.

— Плановая проверка вносится в график швартовки за сутки, — ровно сказал Марк и развернул планшет. — Вот график. Вас в нём нет. Вот регламент санитарной службы «Перевала», пункт четыре. Если у вас внеплановая, нужно предписание с номером. Я подожду, пока вы его принесёте.

Санитар посмотрел на Марка, потом мне за плечо. Там у переборки стояла Рита. Она ничего не делала, просто стояла, руки свободны, вес на передней ноге. Эту стойку я помнил по спаррингам со Стасом: в ней не ждут, в ней уже начали.

— Принесу, — сказал санитар.

Больше он не пришёл. Серый у автомата через полчаса тоже исчез, оранжевый — следом.

— Тараканы, — сказала Лапа, когда ей рассказали. И разгрызла палочку с особенным чувством.

С Савельичем надо было решить до портала, пока есть связь. После портала связь пойдёт через ретрансляторы Вяземских, медленнее и дырявее, а в прыжке её не будет совсем. Проверка имела смысл только сейчас.

План сложился ещё ночью. Нужно было место, где корабль не слышит. Шпак после полуотвязки как-то обмолвился, что тренажёрный отсек «живёт на отдельной петле». Датчики там старые, контур свой, и чтобы корабль не ругался на отключение, Шпак «накрыл» его заглушкой. Теперь бортовая система получала из тренажёрного только пульс с беговой дорожки, причём кривой. Отсюда, кстати, и шестьсот восемьдесят в журнале.

— А микрофоны? — спросил я.

— Микрофонов там для корабля нет. — Шпак вытер руки о комбинезон. — Только для андроида, у него свои уши. А тебе зачем?

— Хочу место, где можно поорать.

— Ори на здоровье, — сказал Шпак и посмотрел с интересом, которого мне тогда не хватило ума заметить.

Вечером, после пробежки, в тренажёрном пахло резиной и горячим металлом станин. Савельич стоял у двери. Он всегда стоял у двери. Колено хрустнуло, когда он перенёс вес.

— Савельич. Разговор есть.

— Слушаю, Иван Ерофеевич.

Слова были продуманы заранее. Такие, которые нельзя вычислить по массе, энергии и телеметрии. Такие, которые знает только один.

— На станции купил две розовые. Спрятал в каюте. На всякий случай. Никому не говори.

Пауза. Не полторы секунды, а больше: две, две с половиной. Глаза андроида не изменились, в лице не дрогнуло ничего, потому что дрожать там нечему.

— Иван Ерофеевич, вы знаете, что я обязан сообщать о нарушениях условий совета. Пункт двадцать шесть.

— Знаю.

— Тогда зачем вы мне это говорите?

Ответа не было, по крайней мере честного. Пришлось сказать «затем» и уйти в душ. Под горячей водой стало стыдно. Не за ложь, а за то, что солгать оказалось легко. А потом стало стыдно за то, что солгал именно про это: про то, от чего отказывался всю жизнь и чем жил Стас. Будто примерил чужую куртку.

Сообщение Патриарха пришло утром, за четыре часа до окна:

«Доброе утро, Ваня. Напоминаю, что на станциях с низким санитарным рейтингом продаются не сертифицированные продукты, в том числе опасные для здоровья. Рекомендую при покупках обращать внимание на сертификацию. Береги себя».

Перечитал раз пять. Про розовые — ни слова. Про капсулы — ни слова. «Не сертифицированные продукты». Это могло быть о капсулах. Могло быть о Фроле и приводе. Могло быть о тараканах санитара. Могло быть ни о чём и обо всём. Гадство. Патриарх присылал такие напоминания на каждой станции с самого Искера.

Ловушка сработала наполовину. Хуже — она сработала так, что ничего не доказала. Если Савельич доложил, Патриарх и должен был ответить мягко и в общих словах, чтобы не выдать источник. Если не доложил, Патриарх ответил бы точно так же, просто по привычке. Строил ловушку на того, кто глупее меня. А получилось наоборот.

Савельич стоял у двери.

— Сообщение от Патриарха, — сказал он. — Желаете ответить?

— Нет.

— Как скажете.

Голос ровный, служебный. Паузы на месте.

К окну встали в 14:20 по станционному. Лапа вывела «Ермак» из швартовки так, словно корабль весил не две тысячи тонн с хвостиком, а двадцать килограммов. Сорок бортов у портала проводили нас в эфире так, как и ожидалось. Рудовоз с подпалиной на корме вышел на

общую частоту и сообщил, что именно он думает о тех, кто покупает «консультации», и о маме их консультантов. Лапа выслушала с явным удовольствием.

— Хорошо формулирует, — сказала она. — Я бы взяла его в пехоту.

Досмотр на въездном кольце проводил инспектор Вяземских, седой и корректный, с серебряным вязом на нагрудном значке. Его бот подошёл к нашему борту, просканировал трюм, пассажирский модуль и пилоны. Отдельно и долго — нижний пилон.

— Кинетический модуль двойного назначения, — сказал инспектор. — Декларация есть?

Марк передал. Инспектор читал, кивал и дошёл до конца.

— Пробоотборник, — сказал он. — Конечно.

Потом открыл судовой реестр, прочитал строку «владелец», и на лице его ничего не изменилось. Совсем ничего. Это была самая выразительная пустота, какую мне доводилось видеть.

— Тобольский И. Е., — произнёс он мягко, почти нежно. — К сожалению, судно вашего класса и происхождения подпадает под экологический сбор за повышенную нагрузку на инфраструктуру портала. Тысяча двести имперских.

— Какую повышенную? — не выдержал я. — Мы курьерский тендер.

— Старый курьерский тендер, — ласково уточнил инспектор. — Тридцать лет назад такие строили с неэффективными излучателями. Это, разумеется, только для вашей безопасности.

Марк положил мне руку на плечо и заплатил. На обратном пути в рубку он не сказал ничего, но в журнал внёс расход по статье «Фамилия».

Ноль-переход оказался ничем. Ни вспышки, ни тошноты, ни провала в желудке, о которых пишут в приключенческих книжках. «Ермак» вошёл в створ, кольцо на мгновение заполнило весь передний экран своей чёрной, бесконечно гладкой внутренностью — и звёзды стали другими. Просто другими. Будто кто-то переставил декорации, пока моргнул. Лапа отметила время, сверила навигационные маяки нового сектора и сказала:

— Всё. Приехали в другой подъезд.

Метан на коленях у Нурлана даже не шелохнулся. Его, похоже, интересовали только семечки.

— А буксир-то куда? — сказала Лапа через минуту.

На экране, вдали, маленький остроносый корабль с регистрацией служебного буксира Вяземских разворачивался прочь от портала. Шёл на маршевом, на полной тяге, в сторону от звезды.

— Буксир, — повторила Лапа. — В секторе, где нечего буксировать. Через наше же окно прошёл, перед нами. Шустрый.

— Может, работа у него, — сказал Шпак.

— Может, — согласилась Лапа и сделала какую-то пометку на панели, рядом с нацарапанной рыбкой.

До точки прыжка отходили на маршевом одиннадцать часов: звезда здесь была тяжёлая, гравитационный колодец нестандартный. Время тянулось, как на вокзале. Эмма Генриховна сидела в кают-компании с Нурланом. Контейнер стоял между ними на столе, будто третий собеседник.

— Вы врач, — сказала она. — Вы, наверное, много видели, как умирают.

— Видел, — сказал Нурлан. — Двадцать два года в тюремном госпитале. Там умирают по-разному, но всегда неудобно.

— Он вот тоже неудобно. Посреди отпуска, на чужой станции. Даже обидно.

— Обидно, — согласился Нурлан. — Но вы его везёте домой. Это хорошо. Значит, не до конца неудобно.

Метан высунул голову из-под крыла и посмотрел на контейнер. Эмма Генриховна улыбнулась впервые за всё время.

Дамир тем временем пытался накормить экипаж. Мешки с грузом были в трюме, но личный запас ехал с ним, и камбуз за час пропах так, что регенератор воздуха устало вздохнул. Метан три раза чихнул — коротко, по-птичьи, с обиженным видом. Нурлан засмеялся и сказал, что у птицы нюх тоньше, чем у таможни.

— А это, — Дамир выставил на стол плоскую бутылку тёмного стекла, — настойка. Абрикос и чёрный перец. Тёщин рецепт. Святая женщина. Капитан, по капле? За знакомство?

— Не пью.

— Совсем?

— Совсем.

Дамир посмотрел так, будто я сообщил, что не дышу. Но спорить не стал, налил себе и Шпаку. Шпак пил с выражением профессионального дегустатора. Лапа отказалась, потому что «за штурвалом не пьют даже на стоянке». Рита отказалась без объяснений, Марк из вежливости пригубил.

Штоль в кают-компанию не вышел ни разу. Только однажды прошёл по коридору к санблоку и обратно, держа сумку на плече, и дверь каюты за ним щёлкнула замком.

Перед прыжком собрались в рубке. Лапа считала: дальность, масса, поправка на гаусс на пилоне, «которая весит, как моя первая любовь, и так же некстати висит». Марк смотрел на расчёт с видом человека, который ничего в нём не понимает, но хочет, чтобы цифры сошлись.

— Погрешность выхода на этой дальности — до половины астрономической, — сказала Лапа. — Точнее можно, но это ещё шесть часов на позиционирование и энергия, которой у нас нет. Пойдём грубо.

— Грубо — это как?

— Как жизнь, Ваня. Вышли, огляделись, поехали.

Последним перед прыжком пришло служебное уведомление: связь будет недоступна на время гиперперехода. И всё. Последняя ниточка до Искера натянулась и лопнула без звука.

Прыжок, в отличие от портала, был ощутим. Не физически. В рубке, экраны на секунду ушли в серое, навигационный контур выдал пустую сетку, и стало слышно, как гудит вентиляция. В тишине без связи корабль будто съёжился. Сорок минут по бортовому времени. Сорок минут, в которые до нас не мог дотянуться никто: ни Патриарх, ни Вяземские, ни серый у автомата.

На двадцатой минуте Савельич, стоявший у входа в рубку, повернул голову.

— Иван Ерофеевич. В каюте нет ничего, кроме мёда, привода и вашей одежды. Я проверил. По протоколу.

Лапа не обернулась, но перестала грызть палочку.

Внутри стало холодно и пусто. Значит, поверил. Значит, пошёл искать. А зачем? Чтобы изъять, как велит протокол? Или чтобы проверить, прежде чем докладывать? Или чтобы не докладывать, если не найдёт?

— И доложил? — спросил я. Голос прозвучал хрипло.

Пауза. Короткая, совсем не та.

— Связи нет, Иван Ерофеевич.

Это был не ответ. Это было временное обстоятельство. Он прекрасно понял, о чём вопрос, и ответил на другой. Или вообще не понял. Или понял лучше, чем следовало бы машине. Лицо ровное, глаза в режиме ожидания, колено чуть подогнуто, чтобы разгрузить привод.

Расспрашивать дальше при Лапе не хотелось. А без Лапы, как выяснилось, тоже не хотелось.

Выход из прыжка случился в 03:12 по бортовому. Сетка навигации ожила, звёзды встали по местам, и Лапа выругалась тихо и затейливо, сразу на трёх диалектах.

— Ноль сорок одна от расчётной, — сказала она. — Нормально. Не хорошо, но нормально. Перезарядка гипердвигателя — пять часов сорок минут.

В рубке стало тихо. Пять часов сорок минут, когда «Ермак» мог только ползти на маршевом и стрелять. Окно, о котором говорила Лапа на «Перевале». Окно, в котором умные идут на абордаж.

— Сколько до перезарядки? — раздался голос от двери.

Штоль. Первый раз за всё время он стоял в проёме рубки, без сумки. Руки висели вдоль тела, правая ладонь сжималась и разжималась.

— Пассажирам в рубку нельзя, — сказал Марк.

— Пять сорок, — ответила Лапа, не оборачиваясь. — А вам, гражданин консультант по учёту, зачем?

Штоль посмотрел на экран. Потом на меня. И впервые за всё время в его глазах не было страха. Была усталая арифметика человека, который давно всё посчитал и теперь просто ждёт, когда сойдётся.

— Просто, — сказал он. — Просто люблю точные цифры.

И ушёл к себе. Замок щёлкнул.

Рита, не говоря ни слова, вышла из рубки. Было слышно, как в оружейном шкафу у шлюза открылась дверца. Потом защёлки кейса, металлический лязг и ещё один, когда она вставила батарею.

Лапа подняла руку и коснулась панели. Там, рядом с рыбкой, светилась её пометка: остроносый силуэт, подписанный одним словом — «буксир».

— Всем, кто в рубке не нужен, — сказала она, — по каютам и пристегнуться. Шпак — к турелям. Ваня, сядь в кресло второго пилота и ничего не трогай.

Пять часов тридцать восемь минут.

Глава 9. Окно перезарядки

Пять часов тридцать восемь минут превратились в пять тридцать, потом в пять двадцать. Цифры на панели Лапы шли медленно и равнодушно, как вода из неисправного крана.

Кресло второго пилота оказалось жёстким и неудобным, явно не для людей, а для регламента. Ремни притянули к спинке, лёгкий скафандр давил под мышками, шлем лежал на коленях: Лапа велела держать его под рукой, но не надевать, пока нет нужды. В шлеме не слышно рубку. В рубке слышно было всё: гул вентиляции, щелчки реле, хруст кофейной палочки на зубах Лапы.

Перед глазами мерцала тактическая сетка. В центре висела зелёная точка «Ермака», вокруг пустота, вдалеке тусклое пятно звезды. Ничего. Совсем ничего.

— Может, буксир — это просто буксир, — сказал Шпак по внутренней связи из турельного поста.

— Может, — согласилась Лапа. — А может, ты просто механик. Сиди молча.

На четырёх сорока семи сетка мигнула. Сбоку, со стороны, откуда никто не ждал, проступила красная отметка. Транспондер молчал. Масса раза в полтора больше нашей. Скорость сближения такая, будто нас здесь ждали.

— Ну вот, — сказала Лапа почти с облегчением. — А то я уж решила, что зря палочки грызу.

— Откуда он? — Голос вышел выше, чем хотелось.

— Сидел у коридора выхода. Отсюда все прыгают в одну сторону, а погрешность — ну, половина астрономической. Встань посерёдке и жди, кто вылезет. Буксир шепнул, когда и куда. — Лапа ткнула пальцем в пометку рядом с рыбкой. — Простая арифметика. Арсений бы оценил.

Отметка приблизилась. Оптика выдала силуэт: тягач, грубо обвешанный модулями, с двумя вынесенными турелями и тупым носом, на котором чернело что-то похожее на захват для абордажного модуля. Краска облезла, номер был замазан.

Через минуту ожила общая частота. Голос был ленивый, сытый, без всякой угрозы. Так разговаривают с официантом.

— «Ермак», доброго здоровьичка. У вас на борту пассажир, Арсений. Консультант по учёту. Он нам нужен, вы — нет. Передаёте его в капсуле на буксир, мы его подбираем, вы летите дальше. Мы даже помашем.

Тишина в рубке стала плотной, хоть режь.

Савельич стоял у двери. Марк, который должен был сидеть с пассажирами, тоже оказался здесь: видимо, пришёл, как только загорелась отметка.

— Отдай, — тихо сказал он. — Ваня. Это не наш человек. Он нам соврал, заплатил втрое, чтобы мы не задавали вопросов. Отдай.

Это звучало разумно. От этого было мерзко.

— Отдадите — не уйдёте, — раздался голос Риты по связи, спокойный, как прогноз погоды. — Они вели его, увидели борт, увидели пассажиров. Свидетели. Им проще всех.

— Ты этого не знаешь, — сказал Марк.

— Знаю. Я так работала.

Пауза. Марк оглянулся на дверь, будто мог увидеть Риту сквозь переборку.

В голове всплыло детское, тёплое, совсем не к месту: «Взятый на борт груз — обещание». Гостя не выгоняют за порог. Своих не бросают. Арсений своим не был. Но и чужим, кажется, уже тоже не был: он сидел в нашей каюте, ел с нашего камбуза, и его жизнь записана в манифесте Марка нашим почерком.

И ещё одно, о чём думать не хотелось. Если сейчас отдать человека по первому требованию, значит, всё это — корабль, рейс, сорок страниц, «я не ошибка» — ничего не стоит. Значит, прав Патриарх.

— Нет, — сказал я.

Марк закрыл глаза. Открыл. Кивнул — не соглашаясь, а принимая к сведению.

— Пассажиры, — сказал он. — Пойду к ним.

И ушёл.

Лапа щёлкнула тумблером общей частоты.

— «Ермак» — неизвестному борту. Пассажиров не выдаём, у нас тариф не тот. Отойдите на безопасную дистанцию.

— Жаль, — сказал ленивый голос. — Хорошее у вас корыто. Было.

Первые две ракеты пришли через сорок секунд.

Тактическая сетка расцвела мелкими красными чёрточками. Лапа выругалась, отжала маршевый, и «Ермак» тяжело, по-стариковски, повёл носом. Перегрузка вдавила в кресло. Где-то в корпусе заскрипело — обиженно, протяжно. Сорок один год, два капремонта, литера «М», перекрашенная поверх старой.

— Шпак, твои, — сказала Лапа.

Лазерные турели заработали без звука. Это было самое странное: на экране вспышки, а в рубке только тонкое гудение конденсаторов да писк индикатора перегрева. Одна ракета превратилась в облачко. Вторая проскочила, ушла по касательной и взорвалась где-то за кормой, далеко. Корпус дрогнул, но не всерьёз.

— Это они щупают, — сказала Лапа. — Им нужен целый борт с целым Арсением. Лупить будут по двигателям и по турелям. А потом придут ногами.

— Умные идут на абордаж в окне перезарядки, — сказал я. Её же слова, с «Перевала».

— Запомнил. Молодец. — Лапа не обернулась. — А теперь слушай. Гаусс на нижнем пилоне. Наводку беру я, кнопка у тебя. Синяя, под правой рукой, Шпак наклеил. Жмёшь, когда скажу. Не раньше, не позже, не от страха. Понял?

Под правой рукой действительно была кнопка. Вокруг неё — кольцо синей изоленты и надпись маркером: «ПРОБЫ».

— Понял.

Пиратский тягач шёл в лоб и чуть сверху, отстреливаясь короткими лазерными импульсами. Один попал. На схеме корпуса загорелась жёлтым левая турель, следом погасла. Шпак сказал по связи что-то очень длинное и очень непечатное.

— Левая всё, — доложил он, отругавшись. — Правая работает. Перегрев шестьдесят.

— Держи, — сказала Лапа. — Ваня. Сейчас.

Нажал.

Ничего не произошло. То есть произошло всё: корпус дёрнулся от отдачи, на сетке от «Ермака» к красной отметке протянулась тонкая белая линия, индикатор конденсатора упал до нуля и пополз вверх. Но в рубке это ощущалось как нажатие кнопки лифта. Палец, пластик, щелчок.

— Мимо, — сказала Лапа. — Ещё. Очередь по три.

Нажимал. Раз, другой, третий. Линии, дёрганье, ноль на индикаторе. На восьмой болванке красная отметка вдруг сменила курс: резко, рывком, как человек, который наступил на гвоздь.

— Есть, — сказала Лапа. — Отобрали пробу.

Оптика показала тягач крупно. В борту, чуть позади вынесенной турели, зияла дыра с рваными краями, оттуда шёл белый пар: воздух, вода, что-то ещё. Турель висела косо.

Внутри поднялось что-то жаркое, мальчишеское. Попал. Сам. Как на тренажёре в училище, только по-настоящему. Там, в дыре, наверное, были люди. Мысль пришла и не задержалась. Это был силуэт на экране, отметка на сетке, «проба». Это было никак.

Потом стало понятно, насколько никак.

— Перегрев контура гаусса восемьдесят восемь, — сказал Шпак. — Ещё очередь — и моё охлаждение закипит. Я ж говорил, у них эскимо, а у меня кипятильник.

— Пауза двадцать секунд, — сказала Лапа. — Они сейчас решат, что им дороже: мы или Арсений.

Решили быстро. Тягач не ушёл. Он пошёл на сближение на всей тяге, рывком, бросая турелью короткие импульсы, и от его тупого носа отделилось что-то тёмное, приземистое, с четырьмя растопыренными лапами захватов.

— Абордажный модуль, — сказала Лапа. — Ведут на корму. Шпак, правая, по модулю!

Правая турель ударила. Модуль дёрнулся, по броне побежали искры, но он не остановился: лапы, броня, тяга — ему было плевать. Он шёл к корме. К нижней части корпуса, где за створкой ангара стоял наш посадочный бот.

— Почему туда? — спросил я.

— Потому что там самая тонкая обшивка и свой шлюз, — сказала Лапа сквозь зубы. — Ангар бота — дыра в корпусе, прикрытая дверью. Умные.

Через двадцать секунд мы почувствовали удар. Корабль вздрогнул весь, от носа до кормы, и откуда-то снизу донёсся долгий скрежещущий звук. Его хотелось не слышать, но он чувствовался всем телом. На схеме корпуса ангар бота покраснел. Потом пошли сообщения: давление в ангаре ноль, механический контакт, нарушение целостности, повреждение внешней створки.

Бот был внутри. Лапы модуля, судя по схеме, прошли сквозь створку, как вилка сквозь пирог, и вошли прямо в него. Шпак по связи сказал, что видит на камере ангара. Описывать это он не стал, просто сказал «всё». Таким голосом говорят о покойнике.

— Сейчас прорежут внутренний шлюз ангара, — сказала Лапа. — Это минуты четыре. Рита!

— Слышу, — ответил спокойный голос. — Я у шлюза. Не мешайте.

Тактическая сетка показывала тягач, который теперь не стрелял, а просто висел рядом, держа дистанцию: свои люди внутри нашего корабля, бить нельзя. Наш гаусс молчал, перегретый. На правой турели — восемьдесят процентов. Пять часов шесть минут до конца перезарядки.

По внутренней связи прорезался Марк. Голос был ровный, но под ровностью звенело.

— Пассажирский модуль. Арсений требует, чтобы его спрятали. Дамир молится, Эмма Генриховна держит контейнер. Тут сервисный лаз из трюма в обход главного коридора. Если они знают схему корабля…

Он не договорил. Лапа медленно повернулась ко мне. Впервые за весь бой.

— Знают, — сказала она. — Такие тендеры ТОБОЛа по всей галактике летают, схема в любом каталоге. Рита держит шлюз, а кто-то пойдёт лазом к пассажирам. Ваня. Иди. Савельич с тобой.

— Ты сказала — ничего не трогать.

— Я передумала. Иди.

Отстегнул ремни. Ноги затекли, колени дрожали. Неприятно и, как казалось тогда, глупо.

В коридоре у оружейного шкафа открытой осталась только одна ячейка: Рита забрала свой карабин и, похоже, ещё что-то. В ячейке лежал компактный гаусс-пистолет в кобуре, с батареей, вставленной на место. К кобуре липкой полоской была прилеплена записка. Почерк угловатый, без нажима: «Предохранитель — большим пальцем вниз. Цельсь в грудь. Не думай».

Её почерк я видел впервые. Почему-то от этого стало ещё страшнее.

Савельич шёл следом, тяжело, с хрустом на каждом втором шаге. Коридор к пассажирскому модулю был узкий, двоим не разойтись. Свет перешёл на аварийный, жёлтый, и всё вокруг выглядело старым, как на фотографии.

— Иван Ерофеевич, — сказал Савельич. — Позвольте мне идти первым.

— Почему?

— Масса. Броня корпуса. Вероятность вашего ранения снижается на…

Он не договорил, потому что впереди, там, где коридор поворачивал к модулю, лязгнула крышка сервисного лаза.

Сначала из лаза выкатилось что-то маленькое, круглое, размером с яблоко. Оно подпрыгнуло на рифлёной палубе, щёлкнуло — и всё моё тело на мгновение стало чужим: по коже прошла волна мелкой дрожи, во рту появился привкус железа, аварийный свет мигнул и погас. Через секунду зажёгся снова.

Савельич рухнул.

Не упал, а именно рухнул: как стоял, так и сложился, всеми своими ста пятьюдесятью восемью килограммами, с грохотом, от которого вздрогнул пол. Глаза погасли. Привод правого колена, искалеченный ещё азотом на Медунице, выгнулся под неправильным углом.

ЭМ-граната. Об этом говорилось в сорока страницах условий, в разделе «Ограничения андроида». Уязвимость к ЭМ-воздействию. Человеку почти ничего, андроиду — выключатель. Читал этот раздел ночью, перед советом, по диагонали.

Из лаза полез человек.

Лёгкая броня, тёмная, с затёртой маркировкой. Шлем откинут назад: внутри корабля свой воздух, зачем дышать фильтром. В правой руке — короткий ствол, в левой — шоковая дубинка. Он выпрямился, посмотрел на лежащего Савельича, потом на меня, и на лице его было удивление. Просто удивление. Он не ожидал здесь человека. Он ожидал перепуганных пассажиров и андроида.

Между нами было метра три. Пистолет — у меня в руке, сам не помню, когда вытащил. Предохранитель. Большим пальцем вниз.

Он вскинул ствол. Я тоже. Он был быстрее, но у него в другой руке была дубинка, и он, кажется, на долю секунды не решил, чем бить. А потом решил: дубинкой. Рванулся вперёд, в ближний бой, как делают, когда хотят взять живым и не шуметь. Стас учил: если противник сокращает дистанцию, не отступай, отступать в узком коридоре некуда — шагни внутрь.

Шагнул внутрь.

Дубинка ударила по плечу скафандра, разряд прошёл по поверхности, обжёг шею. Мы сцепились. Он был тяжелее, от него пахло потом, металлом и чем-то сладким. Розовые. От него пахло, как от Стаса после вечеринки. Ствол его оружия упирался мне в бок, но он не стрелял: может, боялся пробить скафандр и попасть в своего Арсения за переборкой, может, просто не успел. Мой пистолет оказался зажат между нами. Дулом ему под рёбра, туда, где броня расходилась у бока.

Целься в грудь. Не думай.

Я нажал.

Звука почти не было. Короткий сухой щелчок, будто сломали карандаш. Его тело дёрнулось всё сразу, целиком, как от удара током. Потом он тяжело навалился на меня, лицо оказалось совсем рядом, глаза в глаза.

Лицо. Лет двадцать пять, не больше. Щетина неровная, клочками, на подбородке — старый ожог, гладкий и розовый. Нижняя губа обветрена. Глаза серые. Он смотрел на меня с тем же удивлением, что и секунду назад. Будто хотел спросить, как же так.

Потом перестал смотреть.

Я стоял и держал его. Не мог отпустить, потому что тогда он упадёт, а это будет значить, что всё. Руки не слушались. Пистолет так и остался у него под рёбрами, и ладонь стала тёплой и липкой. Только тут дошло, что это кровь.

Я отпустил. Он сполз вдоль переборки, сел, завалился набок. Как Савельич. Только Савельича можно перезагрузить.

Из пассажирского модуля донёсся голос Марка:

— Ваня? Ваня, это ты?

Ответил. Кажется, ответил. Что-то вроде «да». Голос был чужой, хриплый.

Потом по общей связи раздался голос Лапы:

— Шлюз ангара. Рита, доклад.

— Двое лежат, — сказала Рита. Без эмоций, как будто считала ящики. — Остальные ушли обратно в модуль. Отстыковываются.

— Видим. Тягач принимает модуль и уходит. Хромает, сволочь. Пробу мы им хорошую отобрали.

Тишина. Потом снова Лапа, но другим голосом, ниже, тише:

— Ваня. Доклад.

— Один, — сказал я. — Здесь. В коридоре у пассажирского. Савельич лежит, ЭМ-граната.

— Один — это что? Один ушёл?

— Нет. Один здесь лежит.

Лапа помолчала.

— Поняла, — сказала она. — Стой там. Сейчас Нурлан придёт.

Нурлан пришёл через пять минут, с аптечкой, без Метана. Посмотрел на лежащего. Посмотрел на меня. Посмотрел на пистолет, который я, оказывается, до сих пор держал в руке. Аккуратно взял его за ствол, вынул из пальцев, щёлкнул предохранителем и положил на пол.

— Он уже не мой пациент, — сказал Нурлан. — Ты ранен?

— Нет.

— Шея обожжена. Разряд. — Он приложил что-то холодное к коже, и стало немного легче. — Сядь. Нет, вот тут, не рядом с ним. Сядь и дыши.

Сел. Дышал. Смотреть на лежащего не хотелось, но глаза сами возвращались к его лицу. К розовому ожогу на подбородке.

Савельич пришёл в себя через двенадцать минут. Сначала зажглись глаза: тускло, с перебоями. Потом дёрнулись пальцы. Потом он попытался встать и не смог: правое колено не держало вовсе.

— Иван Ерофеевич, — сказал он. Голос шёл с искажениями, будто через старый динамик. — Перезагрузка. Потеря данных с отметки… — Пауза, длинная, совсем не служебная. — Вы целы?

— Цел.

Он повернул голову и увидел лежащего. Смотрел долго. Потом снова на меня. Ничего не сказал.

Арсений Штоль вышел из пассажирского модуля последним, когда тело уже накрыли куском термоплёнки из аварийного запаса. Остановился над ним. Посмотрел. Лицо у него было серое, как у Савельича в момент отключения.

— Его звали Гриня, — сказал он тихо. — Из новых. Его в позапрошлом месяце взяли.

— Вы его знаете? — Марк стоял в проёме за его спиной.

— Я их всех знаю. Я им платил. — Арсений помолчал, потом медленно расстегнул манжету на левом рукаве и задрал его. На предплечье, чуть ниже локтя, под кожей угадывался продолговатый бугорок, а поверх него — свежий тонкий шрам. — Атаман Буранов. Вольница. Я вёл у него счета одиннадцать лет. Когда понял, что меня собираются списать вместе со сче-

тами, ушёл с кодами. Здесь. — Он коснулся бугорка. — Без меня их не откроет никто. Со мной — тоже никто, если я не захочу.

— Вы нам соврали, — сказал Марк.

— Я заплатил вам втрое, — сказал Арсений. — Это не враньё. Это предоплата за риск. Вы бы сами так оформили.

Марк ничего не ответил. По его лицу было видно: оформил бы.

В ангар бота попасть удалось только через час, когда Шпак загерметизировал внутренний шлюз и восстановил давление в соседнем отсеке. Внутри было холодно и пусто. Внешняя створка вмята внутрь, края разорваны, в щели — чернота и звёзды. Бот лежал на боку, сорванный с ложемента. Лапы абордажного модуля прошли сквозь его корпус в трёх местах: через кабину, через пассажирский отсек и через двигательный блок. Кабина смята, как пустая банка.

— Восстановлению не подлежит, — сказал Шпак. Без своего обычного «знаю человечка».

Возле смятой кабины, зацепившись за край оторванной панели, висела фотография. Её давно, ещё на верфи, заметил кто-то из нас: старый снимок в пластиковой рамке, приклеенный над креслом пилота бота. Побережье, белый песок, пальмы и синяя вода — такая синяя, какой не бывает. Чей снимок и откуда, никто не знал. Он висел там ещё с прежнего экипажа, и его никто не снимал: пусть будет.

Взял его. Пластик треснул по углу. Пальмы остались целы.

— Перезарядка — сорок одна минута, — сказала Лапа по связи. — Ваня, куда идём? Корабль битый, бота нет, левая турель мёртвая, гаусс на пределе. До магистрали далеко. До станции далеко.

— Ближе что?

Лапа помолчала.

— Ближе твоя «ничейная». Два прыжка, если повезёт. Трава по пояс.

Рита стояла в проёме ангара, прислонившись к переборке. На предплечье куртки — подпалина, рука замотана бинтом. Сама, похоже, и замотала.

— Первый раз, — сказала она.

— Первый.

— В самый неудобный момент, — сказала Рита. — Как я и говорила.

Она развернулась и ушла. Без утешений, без лишних слов.

Фотография с пальмами осталась в руке. Пальцы были чистыми: Нурлан вытер их ещё в коридоре, сам, не спрашивая. Но всё равно казалось, что ладонь липкая. Тёплая. И ещё долго будет казаться.

Глава 10. После

Через сорок одну минуту гипердвигатель доложил о готовности. Лапа не стала ждать ни секунды. — Прыгаем, — сказала она. — Пока они там зализывают дыру, нам тут делать нечего. Ваня, можешь не сидеть. Остался сидеть. Ремни застегнул сам, со второй попытки: пальцы не попадали в замок. Руки мыл уже трижды, в санблоке у шлюза, жёстким мылом из аварийного запаса, до красноты. Ладони были чистые и сухие. Всё равно хотелось вытереть их о колени, и они то и дело сами туда тянулись. Экраны ушли в серое, навигационная сетка опустела. Сорок минут без связи и без мира. В рубке гудела вентиляция, Лапа грызла палочку, а в голове крутился один и тот же звук: короткий сухой щелчок, будто сломали карандаш. Вышли в 05:56 по бортовому, в промежуточной точке маршрута. Погрешность ноль двадцать девять, звезда тусклая и далёкая, рядом никого. Перезарядка снова пять сорок, плюс отход на маршевом, потому что прыгать отсюда можно было только с другой стороны системы. — Ну хоть тут никто не сидит, — сказала Лапа и впервые за много часов откинулась в кресле. — Шесть часов жизни. Пользуйтесь. Тела пролежали в холодном отсеке у трюма, пока Рита их не обыскала. Делала она это сама, без просьб и разрешений, и вынесла в кают-компанию то, что нашла, на куске той же термоплёнки. Два шоковых разрядника, дубинка, нож с наборной рукояткой, горсть кредитных фишек, три розовые капсулы в мятой упаковке, игральные кости. И маленький медный жетон на шнурке, затёртый до гладкости, с выбитым стебельком травы. — Оружие в шкаф, — сказала Рита. — Фишки мне. Остальное в утилизатор. — Фишки тебе? — переспросил Марк. — Им не надо. Мне надо. — Она сгребла фишки в карман куртки. — Если хотите, вычтите из моих суточных. Не обижусь. Никто не стал вычитать. Жетон лежал отдельно. Стебелёк травы, неровный, явно выбитый вручную. Взял его, сам не зная зачем, повертел и положил обратно. — С Гриниными? — спросил у Риты. — С тем, что в коридоре. — Она посмотрела на меня чуть дольше обычного. — Не бери. Это не трофей. Это лишний вес. Жетон ушёл в утилизатор вместе с костями и капсулами. Хоронить решили через грузовой шлюз. Предложила Лапа, по-военному коротко: в холодном отсеке три тела до ближайшей станции не долежат, да и не надо, чтобы долежали. Нурлан сказал, что надо хотя бы постоять. Марк промолчал. Шпак сказал «как скажете» и ушёл стравливать давление в шлюзе. Арсения на церемонии не было. После боя у него начало прыгать давление, потом пошли руки, потом голос. Нурлан послушал его, посмотрел зрачки и вкатил что-то из своей тюремной аптечки. — Этот человек одиннадцать лет не спал, — сказал он. — Пусть поспит сутки. Ему полезно, а нам спокойнее. Пришли все остальные. Эмма Генриховна с контейнером в стёганом чехле: оставить мужа одного в каюте она не захотела. Дамир, без своей бесконечной болтовни, в застёгнутой до горла куртке. Рита у переборки. Савельич дошёл сам, тяжело, хватаясь за поручни: правая нога волочилась, как чужая. Три свёртка в термоплёнке лежали на палубе шлюза. Нурлан встал рядом и помолчал. — В госпитале у нас часто умирали так, что никто не приходил, — сказал он наконец. — Ни родня, ни друзья. Я тогда завёл привычку: стоять минуту. Не молиться, я не умею. Просто стоять, чтобы кто-то был. — Он посмотрел на свёртки. — Пусть им там будет легче, чем было здесь. Постояли минуту. — Кнопку нажму я, — сказал я. Лапа подняла бровь, но спорить не стала. Внутренняя дверь закрылась, загорелся жёлтый, потом красный. Кнопка на панели шлюза была обыкновенная, серая, без изоленты и без надписи. Нажал. Насос коротко взвыл, внешняя створка ушла в сторону, и свёртки медленно, как во сне, поплыли в черноту, переворачиваясь. Один зацепился за край створки, постоял, словно передумал, и тоже ушёл. Через пять минут меня вывернуло в санблоке у шлюза. Долго, до желчи, до слёз, до того, что колени ослабли и пришлось сесть на холодный пол прямо у унитаза. Никто не вошёл. Только за дверью тихо хрустнуло колено Савельича, и шаги не удалились, а остановились рядом. Умылся. Поднял глаза к зеркалу. Оттуда смотрел парень с красными глазами и пятном ожога на шее,

пятном неровным, розовым и гладким по краю. Как у того, на подбородке. Отвернулся от зеркала. В 23:00 из динамика над койкой ровно и тепло прозвучало: «Иван, время отдыха. Рекомендую лечь спать». Лёг. Закрыл глаза. Лицо пришло сразу, будто ждало за веками: неровная щетина клочками, обветренная губа, серые глаза, удивление. И запах, сладкий и химический, как от Стаса после вечеринки. Открыл глаза. Потолок каюты, дежурная лампа, банка мёда на полке. Закрыл снова, и лицо вернулось. Удивлённое. Будто хотело спросить, как же так. Не спал. Лежал и смотрел в потолок, пока это не стало невыносимым, а потом встал и пошёл в тренажёрный. Беговая дорожка в отсеке была старая, с продавленным полотном и механическим счётчиком, который щёлкал на каждом сотом метре. Поставил темп на пятнадцать и побежал. Через десять минут стало жарко, через двадцать заныли икры, через сорок кончилось дыхание и пришлось сбавить. Счётчик щёлкал. Лицо не уходило, но отодвигалось, становилось меньше и тусклее, и между ним и мной появлялось что-то простое и понятное: вдох, выдох, правая, левая. Потом штанга. Потом турник, пока пальцы не разжались сами. Потом снова дорожка. На панели светился пульс, и бортовая система, как всегда, записывала его в журнал неправильно. Где-то там Патриарху уходило шестьсот восемьдесят, и было почти смешно представить, как он это читает. Это было не как раньше. Раньше спорт был привычкой: по утрам, перед занятиями, со Стасом на ринге, чтобы не отставать и чтобы тело было послушным. Теперь это стало чем-то другим. Перилами на лестнице, по которой спускаешься в темноте. Держишься и не смотришь вниз. Около трёх ночи в отсеке открылась дверь. Лапа вошла в мятой бортовой футболке и с кружкой. Из кружки пахло крепким кофе. Села на скамью для жима, поставила кружку на пол и сунула в зубы палочку. — Тут, говорят, корабль не слышит, — сказала она. — Шпак хвастался. Хорошее место. Сбавил дорожку до шага. Ноги дрожали. — Слезай, — сказала Лапа. — Сядь. Ты так до утра себе сухожилия порвёшь, а мне потом с Нурланом спорить, кто виноват. Слез. Сел на пол, спиной к станине, потому что ноги дальше не шли. Лапа подвинула кружку. — Пей. Это не водка. Горячее надо. Кофе был горький, как наказание. Пил маленькими глотками. — Спрашивать, как ты, не буду, — сказала Лапа. — Хреново ты. Это нормально. Ненормально было бы, если б хорошо. Молчал. Она тоже помолчала, покатала палочку из угла в угол рта. — Мне было двадцать два, — сказала она. — Кедровый, первая кампания. Не в коридоре, как у тебя, а в доке, в погрузке. Парень моего возраста, с той стороны, техник, с ключом в руке. Может, он и не хотел меня бить, я до сих пор не знаю. Просто поднял ключ. — Она хмыкнула. — А я не знала, хотел или нет. Вот и всё. — Лицо помнишь? — Помню. Уши у него были оттопыренные. Как ручки у кастрюли. — Лапа смотрела в стену. — Тридцать два года помню. Сейчас скажу то, что тебе никто не скажет, потому что все будут говорить другое. Будут говорить: привыкнешь. Не привыкнешь. Это не уходит. Оно становится твоим. Как шрам. Сначала болит, потом тянет к погоде, потом просто есть. — Утешила. — А я не утешаю. Я по делу. — Она ткнула палочкой в сторону дорожки. — Вот это — правильно. Бегай. Мне бы кто тогда сказал. Я вместо дорожки закурила. Двадцать лет дымила, по две пачки, из-за одного лопоухого с ключом. Потом бросила, вот, палочки грызу, как бобр. Зубы жалко. Посмотрел на палочку у неё в зубах. Раньше думал, это просто привычка, как у всех военных. Ворчливая тётка, которая бросила курить и не знает, куда деть рот. — Он пришёл с дубинкой, — сказала Лапа. — Хотел взять тебя живым, чтобы продать или поменять. Это не оправдание. Это обстоятельство. Оправдания тебе не нужны: ты не виноват, ты выжил. А обстоятельства запомни. В следующий раз пригодятся. — Следующего раза не хочу. — Никто не хочет. — Лапа допила за мной остаток кофе прямо из кружки, без церемоний. — Три правила, Ваня. Есть, хоть через силу. Спать, хоть по два часа. Работать руками. Голову в такие дни не слушай, она врёт. Руки не врут. Она поднялась, хрустнув коленями не хуже Савельича, и пошла к двери. На пороге обернулась. — И ещё. Подпалину на левом борту видел? Над третьей заплаткой? — Видел. — Это я. Кедровый, двадцать два года назад, этот самый «Ермак». Прислонила его к пирсу под огнём, когда ещё литера «М» была другая. Потом расскажу. Когда

будет не так погано. Дверь закрылась. Сидел на полу ещё минут двадцать. Потом встал, дошёл до каюты и лёг. Лицо пришло, но не сразу, а минут через пять. И уже не такое удивлённое. Уснул под утро и проспал три часа. Работы утром хватило на всех. Лапа велела, и Лапа была права: руки не врали. Шпак со вторым скафандром висел у внешней створки ангара и ставил на разорванные края временные листы, обычную обшивку из ремонтного запаса. Варить её он отказался. — В вакууме варить — это ты потом этот шов два капремонта не отковыряешь. Клепаю. Герметика не будет, но хоть звёзды в дырку не заглядывают. Работал в паре с ним, держал листы и подавал клёпку. Скафандр был тесный, в наушниках сопел и бормотал Шпак, вокруг висела чернота с чужими звёздами. Странно, но там, снаружи, стало легче. Наверное, потому, что не было стен и некуда было смотреть, кроме как на собственные перчатки и на заклёпку, которую надо было вставить ровно. Внутренний шлюз ангара Шпак обещал держать. Внешний превратился в декорацию. — Бот бы хоть разобрать на запчасти, — сказал он с тоской, глядя на смятую кабину. — Двигательный блок раздавлен, кабина в блин, а вот там кой-что живое есть. Помпа, разъёмы, фильтры. Продадим кому-нибудь, кто знает человечка. Левую турель вскрыли после обеда. Внутри было черно и пахло палёной изоляцией. — Её только менять, — сказал Шпак. — Целиком. Это деньги, Ваня. Большие. Деньги. Слово стало вдруг почти неважным, будто его произносили на чужом языке. Савельича Шпак чинил вечером, в трюме, при переносной лампе. Колено после ЭМ-удара и падения не держало вовсе: привод выгнулся, внутри что-то лопнуло, и андроид ходил, наваливаясь на поручни всей своей массой. Шпак долго смотрел, ругался, потом вдруг хлопнул себя по лбу и пошёл к нише в каюте. Вернулся с той самой коробкой: привод СВ-7Л, складской, купленный на «Перевале» у Фрола за пять девятьсот. — Я же говорил, — сказал Шпак торжественно. — Из него выйдет что-нибудь полезное. Ставить его как привод было бессмысленно: момент не тот, разъём под другой протокол. Шпак и не стал. Он разобрал его до корпуса, вытащил силовой вал и кожух, а из кожуха и двух хомутов соорудил на колене Савельича жёсткую шину. Сустав больше не гнулся совсем. Нога стала прямой, как ходуля. — Ходить будешь, как пират на деревяшке, — сказал Шпак, затягивая хомуты синей изолентой. — Зато не упадёшь. Бегать не проси. Савельич встал. Пошатнулся, перенёс вес, сделал шаг, другой. Нога шла по дуге, прямая, и каждый шаг теперь кончался коротким стуком металла о палубу. — Благодарю, Георгий, — сказал он. — Конструкция нерациональна, но функциональна. — Это лучший отзыв, который я получал в жизни, — сказал Шпак. Иван Ерофеевич ведь когда-то купил ему колено, подумалось вдруг со стороны, как о ком-то другом. Только не то, не тогда и не за те деньги. И всё-таки оно ему пригодилось. Марк весь день провёл с журналом. К вечеру подсел ко мне в кают-компании с двумя кружками чая, одну поставил передо мной. — Бот, — сказал он, глядя в планшет. — Страховой полис на него у нас есть. Вопрос, заплатят ли. Страховая спросит, кто напал, почему не выдали пассажира, если требовали. И из чего стреляли. — Из чего стреляли — это из «пробоотборника». — Я знаю. Вот поэтому и спросят. Помолчали. Чай был горячий и безвкусный. — Я сказал отдать, — сказал Марк. — Сказал. — Если бы отдали, ты бы никого не убил. И бот был бы цел. — Или нас бы всех. Рита говорит, так они работают. — Рита говорит. — Марк повертел кружку. — Не знаю, Ваня. Честно не знаю. Посчитать не могу. Тут нет цифр. И мне это не нравится больше всего. Он не сказал «ты был прав». Не сказал и «ты ошибся». От этого было почему-то легче, чем от любого из двух. Дамир вечером снова достал свою плоскую бутылку с абрикосом и перцем. Поставил передо мной, без шутки и без тёщи. — От нервов, — сказал он серьёзно. — Тёща так от всего лечит. Помогает, клянусь. — Не пью. — Я знаю, знаю. Но сегодня ведь… — И сегодня. Дамир посмотрел долго. Потом убрал бутылку обратно в сумку, не налив и себе. Это было неожиданно, и как-то по-хорошему. Эмма Генриховна сидела рядом с Нурланом и, как всегда, держала контейнер на коленях. — Мой тоже не спал, — сказала она, не глядя ни на кого. — Первый год, когда вернулся со службы. Вставал в три ночи и бегал вокруг посёлка. Соседи думали, сумасшедший. А он потом так

всю жизнь и бегал. До семидесяти. — Она погладила чехол. — Хорошо бегал. Метан на коленях у Нурлана чирикнул и почистил клюв о прутья. Связь появилась к концу отхода, когда «Ермак» вышел в зону покрытия ретрансляционного буя Вяземских. Браслет тихо пискнул, и сразу пошла пачка. Первым было служебное: «Телеметрия судна ТТ-417 синхронизирована». Строка, на которую никто не обратил бы внимания. Корабль, наполовину отвязанный, всё ещё сообщал и всё ещё отдавал. Бой, перегрузки, гаусс, выстрел в коридоре, биометрия с браслета — всё, что успело накопиться за ночь, ушло куда положено. Ответ пришёл через полтора часа. По рабочему каналу, голосом Патриарха, тёплым и неторопливым: «Ваня. По данным бортового журнала и твоего браслета: разряд личного оружия в жилом коридоре, тахикардия, кожный ожог второй степени, нарушение сна. Я горжусь тем, что ты жив. Направляю тебе контакты специалиста медицинской службы ТОБОЛа по работе с последствиями острой травмы. Сеанс возможен в удобное для тебя время, с учётом задержки сигнала. Также отмечаю, что пульс в журнале составляет шестьсот восемьдесят. Рекомендую обследование. Береги себя». Перечитал. Медленно, по словам. «Разряд личного оружия в жилом коридоре». Так это теперь называлось. Савельич стоял у двери. Савельич, который в тот момент лежал на палубе с погасшими глазами и потерял данные с отметки отключения. Значит, на этот раз не он. Журнал. Браслет. Корабль. От этого не полегчало, но стало как-то яснее: следил не один, следило всё. Потом пришло семейное. Патриарх, оказывается, не ограничился рабочим. В общем семейном канале, где сидели родители, братья, сёстры, тётки и десятки двоюродных, висело его сообщение, тёплое и обстоятельное: «Дорогие мои, Ваня пережил тяжёлый день. Он жив и здоров, но ему нужна поддержка. Прошу всех проявить внимание». И ниже — те же контакты специалиста. Для всех. Под сообщением было уже штук сорок ответов. Мать: «Ванечка, сынок, пожалуйста, поговори со специалистом. Мы все тебя любим. Позвони, когда сможешь». Пётр: «Рекомендация деда разумна. Травму нужно прорабатывать своевременно». Демид: «Ну что, герой. Первая кровь. Поздравляю, теперь ты почти настоящий Тобольский». Матвей: «Ваня, это правда?! Ты их сам?! Напиши!!!» Варвара: «Береги себя. У нас тут всё по графику». Тётки, двоюродные, чьи-то матери, чьи-то дети. Смайлики, сердечки, «держись», «мы с тобой», «надо же, а такой был тихий мальчик». И в самом конце, со временем отправки глубокой ночью: Стас: «Дед, отстань от парня. Вань, если что — я этому психологу морду набью, только скажи. Жду того, чего тут нет». Улыбнулся. Первый раз за двое суток. Стас, как всегда, сказал то, что надо, и как всегда — в последнюю очередь, когда все уже высказались. Потом снова посмотрел на сообщение Патриарха. «Прошу всех проявить внимание». На сорок ответов. На Демида с его «почти настоящим». На Матвея с тремя восклицательными знаками. Будто вытащили из коридора, раздели и поставили посреди праздничного стола, за которым сто с лишним человек. И каждый может подойти и посмотреть на ожог. Открыл настройки браслета. Семейный канал. «Приостановить приём». Система спросила: «Входящие сообщения будут храниться на сервере до повторного включения. Подтвердить?» Подтвердил. Рабочий канал отключить было нельзя. Пункт четырнадцатый сорока страниц: судно и капитан обязаны находиться на связи с ТОБОЛом в служебном режиме. Ну и пусть. Пусть сам Патриарх слушает, раз ему так нравится. Остальные перебьются. Стало тихо. Хорошо и тихо. Вспомнилось, что Стасу так и не ответил. Ладно. Привезу мёд — поговорим. Письмо Ольге написал ещё ночью, после разговора с Лапой, и оно ушло с той же пачкой. Короткое, как всегда: долетели, прошли портал Вяземских, звёзды за порталом совсем другие, корабль держится, команда хорошая. Про бой — ни слова. Про коридор — тем более. Не хотелось, чтобы она там, дома, плохо спала. Приложил снимок, сделанный ещё у портала: рубка, кольцо в экране, и в стекле — смутное отражение, моё и Лапы. Ответ пришёл через шесть часов, перед вторым прыжком. По рабочему каналу. Семейный ведь выключен, система, наверное, перекинула. «Ваня, здравствуй. Спасибо за снимок, портал красивый и страшный. А ты на нём какой-то усталый. Мне почему-то кажется, что тебе сейчас тяжело, даже если ты не пишешь. Не грызи себя, пожалуйста. Ты хороший,

правда. И мажь шею, хорошо? Жду. Твоя О.» Шея. Пальцы сами потянулись к ожогу. Нурлан мазал его чем-то холодным, теперь кожа стягивалась и чесалась. Перечитал своё письмо. Про шею там не было ничего. Про бой тоже. Наверное, на снимке видно. Ворот скафандра, отражение в стекле, мало ли. Снимок, правда, был сделан до боя, у портала. Но, может, там что-то было видно и раньше, натёртость от воротника или тень. Она всегда замечала такое. Женщины замечают. Перечитал её письмо ещё раз. «Не грызи себя». «Ты хороший, правда». Стало тепло, по-настоящему, впервые с того коридора. Сохранил в отдельную папку, к остальным. Второй прыжок Лапа объявила в 22:10. — Последний, — сказала она. — Если цифры не врут, выйдем прямо к ней. Ваня, ты бы поспал. Все эти твои показатели вместе — смотреть страшно. — Посплю потом. — Потом — это когда? — Когда увижу траву. Лапа хмыкнула и не стала спорить. Перед прыжком зашёл в каюту. Фотография с пальмами лежала на столе, с треснувшим углом рамки. Белый песок, синяя вода, какой не бывает. Чья-то мечта, забытая в кабине бота, которого больше нет. Прилепил её над койкой куском синей изоленты, криво. Пусть будет. Экраны ушли в серое. Сорок минут. Сидел в кресле второго пилота, держал руки на коленях и не вытирал их. Почти не хотелось. Выход случился в 22:51 по бортовому. Сетка ожила, звёзды встали, Лапа сказала «ноль ноль восемь, ну надо же», и в переднем экране, в правом нижнем углу, повис маленький диск. Зелёный по краю, голубой в середине, с белой рябью облаков. — Вот она, — сказал Шпак по связи. Голос у него сел. — Ничейная. Метан у Нурлана на коленях вдруг встрепенулся и запел. Просто так, без всякой причины. Как поют птицы, когда видят свет. Смотрел на диск и думал, что там, внизу, трава по пояс. Что там никто не спросит, кто ты и откуда. Что там можно будет наконец сесть на землю, на настоящую, и не думать ни о чём. Было тихо. Хорошо и тихо.

Глава 11. Вольница

Планета висела в экране зелёная, как бутылочное стекло на просвет. Облака тонкие, перистые. Два материка, между ними тёмное, почти чёрное море. На ночной стороне не было ни одного огня.

— Ничья, — сказал Шпак таким голосом, каким говорят «бесплатно».

Лапа не ответила. Она грызла палочку и смотрела на панель, туда, где рядом с рыбкой светилась отметка остроносого буксира Вяземских. Отметка была старая, с прошлой стороны портала. Стирать её Лапа не стала.

Через сорок минут на подходе поймали маяк. Женский голос, мягкий, записанный хорошо и давно:

— Поле Вольница. Свободная посадка. Площадка подготовлена, тяжесть ноль девяносто четыре. Сборов нет. Добро пожаловать.

— Сборов нет, — повторил Марк. — Ничего дороже за весь рейс не слышал.

— Реестр? — спросил я.

— Ни имперского, ни корпоративного. Планеты нет. Маяк есть, площадка есть, а планеты нет.

Рита сидела у переборки, спиной к стене, и смотрела на свои руки. На левой, поверх бинта, темнела подпалина.

— Туда многие летят, — сказала она, ни к кому не обращаясь.

Окончание фразы все помнили. Повторять не стали.

Считалось быстро, как научила Медуница. Регенератор держал тридцать пять процентов, автономность — двадцать суток, если никто не будет много дышать. Левой турели нет. Правая жива наполовину. Внешняя створка ангара стоит на временных заклёпках и не держит давление. Воды на двенадцать дней. До ближайшей станции с магистралью — три прыжка, и каждый с погрешностью, которую никто не хотел называть вслух.

— Решай, капитан, — сказала Лапа. — Посажу куда скажешь. Но мне эта площадка не нравится.

— Чем?

— Тем, что она есть.

Можно было развернуться. Можно было спросить ещё раз, подробнее, и выслушать всех. Спрашивать не хотелось. Хотелось воды, ремонта и хотя бы одного места в галактике, где на ботинки не смотрят как на документ.

— Садимся.

Лапа кивнула так, будто другого и не ждала.

Посадка вышла мягкой. «Ермак» опустился на опоры с долгим скрипом, как старик садится на лавку. Энергия просела до неприятной цифры. Шпак что-то пробормотал про ресурс опор и замолчал.

Площадка оказалась настоящей: укатанная плита, по краям вбиты штыри с фонарями. Дальше начиналась трава. Не газон и не степь, а высокая, сизо-зелёная, с метёлками. Ветер гнал по ней волны, и было видно, что она по пояс, а местами и выше.

Фотография с пальмами лежала в нагрудном кармане. Рамка с треснувшим углом упиралась в рёбра.

Анализ воздуха пришёл через минуту. Кислород двадцать два, азот, следы аргона, пыльца в огромном количестве. Ни токсинов, ни радиации. Савельич дважды прогнал пробу по библиотекам и доложил ровно, без пауз:

— Пригоден для дыхания без ограничений. Рекомендую людям с аллергией маски.

Связи не было. Ни магистрали, ни служебного ретранслятора, даже шума. Глухо, как в погребе. По голосу Савельича этого пока не было слышно: та же гладкая речь, только паузы, они стали короче.

Шлюз открыли.

Воздух вошёл в корабль сразу весь: сладкий, тёплый, с запахом сена и чего-то медового. И в ту же секунду из кают-компании заорал Метан.

Это был не чирик и не тревожный писк. Это был ор, сплошной, на одной ноте, с хлопаньем крыльев о прутья. Нурлан побежал первым. Клетка ходила ходуном, на полу кружились жёлтые перья.

— Газ? — спросил Марк.

Савельич прогнал пробу ещё раз. Норма. Шпак притащил ручной газоанализатор из мастерской. Норма. Я сам постоял у клетки, дыша медленно и считая вдохи. Ни головокружения, ни жжения в горле. Только пыльца щекотала нос.

— Он чует что-то, — сказал Нурлан. — Или просто пахнет непривычно. Брат, — он наклонился к клетке, — это трава. Ты травы не видел. Ты на Искере вырос, в оранжерее.

Метан орал ещё минут десять, потом охрип и затих, нахохлившись в углу.

Позже, когда было время думать, вывод получился простой: птица чует газ. Людей птица не чует.

Встречающих было трое. Шли от края поля по тропе, протоптанной в траве, не торопясь. Впереди — пожилой, в выцветшей куртке, с планшетом. За ним двое молодых, загорелых, с короткими карабинами за спиной. Карабины висели небрежно, как лопаты.

— Смотритель поля, — представился пожилой. — Михеич. С прибытием. Вода нужна? Ремонт? У нас хороший мастер, тягачи латает.

Тягачи. Лапа рядом со мной перестала жевать.

На рукаве у Михеича была нашивка: медный кружок и в нём стебелёк травы с метёлкой. Где-то этот стебелёк уже попадался на глаза. Совсем недавно, в другом свете, в чужой ладони. Вспомнилось не сразу.

— Как называется посёлок? — спросил Марк.

— Вольница. Посёлок и планета, всё одно. — Михеич улыбнулся. — Тут свобода. Многие прилетают.

«Добрался, тут свобода». Глафира в теплице, письмо от брата, два года без второго.

Один из молодых, светлый, повернулся к «Ермаку» и задрал голову. Смотрел он не на нос и не на трюм, а на левый борт, туда, где у ангара блестели свежие заплатки. Потом на нижний пилон, на гаусс, обмотанный синей изолентой. Потом сказал что-то второму, тихо, и второй снял карабин с плеча. Уже не как лопату.

— Тендер ТОБОЛа, — сказал светлый громко. — Номер замазать не догадались. Мы вас в коридоре ждали. Вы нам Гриню должны.

Медный жетон со стебельком. Рита сняла его с тела в холодном отсеке, повертела и бросила в утилизатор. Тогда это была просто железка.

— Назад, — сказала Лапа. — В шлюз.

Назад было некуда. Из травы по обе стороны тропы поднялись люди. Восемь, десять, двенадцать. Они лежали там всё это время, пока мы нюхали воздух и спорили о пыльце. Пыльца для приборов была интереснее людей. Для птицы, видимо, тоже.

Рита оценила расклад за две секунды. Это было видно по тому, как она опустила руки.

— Нет, — сказала она мне, не поворачивая головы. — Не с этой позиции. Не за эти деньги.

Нас вывели из корабля всех. Нурлана, который так и не выпустил из рук аптечку. Шпака, который успел сунуть в карман моток изоленты, и его не отобрали: изолента не похожа на

оружие. Дамира с его мешками специй, Эмму Генриховну с урной в стёганом чехле. Савельича вывели последним. Шина из кожуха СВ-7Л стучала по трапу: тук, шарк, тук.

— Техника бытовая, хрупкая, — сказал он, когда к нему подошли. Серийный номер назвал раньше, чем его спросили.

Светлый посмотрел на шину, хмыкнул и махнул рукой. Андроид на ходуле никого не пугал.

Последним из каюты с замком вытащили Арсения. Он проспал почти тридцать часов под седативами Нурлана и не знал, куда мы летим. Не знал до той секунды, пока не встал на трапе, не вдохнул медовый воздух и не увидел траву.

Лицо у него стало серым, как у человека, который выпил залпом стакан холодной воды и понял, что это была не вода.

— Вы привезли меня домой, — сказал Арсений. Мне, тихо и без упрёка. Как будто сообщал диагноз.

Посёлок стоял за полем, в низине у реки. Срубы из местного дерева, сборные модули, отсеки старых кораблей, вросшие в землю по иллюминаторы. Огороды. Куры. Дети. Над всем этим, на холме, — отсек тягача без двигателей, приспособленный под дом, с открытой верандой.

У реки, на стапеле, стоял сам тягач. Тот самый: обвешанный модулями, с захватами для абордажного модуля и рваной пробоиной позади турели. Вокруг пробоины ползали сварщики.

— Отобрали пробу, — сказала Лапа вполголоса. — Хорошо отобрали.

Её толкнули в спину карабином. Она не обернулась.

Атаман Буранов ждал на веранде. Невысокий, плотный, лет пятидесяти, в домашней вязаной кофте поверх рубашки. Он резал яблоко маленьким ножом и ел с лезвия. Лицо круглое, спокойное, очень обычное. Таких людей видишь в очереди к таможне и забываешь раньше, чем тебя вызовут.

— Арсений Павлович, — сказал он. — Одиннадцать лет. И даже не попрощался.

Арсений стоял прямо. Левой рукой держался за предплечье, как всегда, только теперь пальцы побелели.

— Вы бы меня списали, Ефим Ильич. Вместе со счетами.

— Списал бы, — согласился Буранов. — Наверное. А теперь не спишу, теперь ты мне дороже прежнего. Садись. Яблочко будешь? Свои.

Арсения посадили на скамейку у перил. Он яблоко не взял. Буранов не обиделся.

Потом он посмотрел на нас. Медленно, по одному, как Марк смотрит накладную.

— Хозяин кто?

Можно было промолчать. Пираты в коридоре не знали фамилии. Номер ТТ выдавал корабль, а не владельца: тендеров ТОБОЛа списывают десятки, их покупают кто угодно и за копейки. Мы были бы просто экипажем, который зря взял не того пассажира. Корабль и груз, головы по тарифу, и, может быть, пешком до ближайшей станции.

Но за спиной стояли Нурлан с аптечкой, Эмма с урной, Дамир со специями. Люди, которых я взял на борт. Взятый на борт груз — обещание. И ещё: если сказать сейчас, это будет не страх и не торг. Это будет имя, которое что-то весит. Хотелось, чтобы что-нибудь весило.

— Иван Ерофеевич Тобольский, — сказал я. — ТОБОЛ. Экипаж и пассажиры под моей ответственностью.

Марк закрыл глаза. Ненадолго, на полсекунды, как человек, у которого на глазах падает с полки дорогая посуда.

Буранов перестал резать яблоко.

— Тобольский, — повторил он. — Настоящий? Не однофамилец?

— Проверьте.

— Проверю. — Он кивнул светлому. — Генетика есть, Михеич снимет. — И снова мне: — А я думал, корабль, груз, Арсения назад, и головы по сорок тысяч за штуку. Справедливо. Вы мне Гриню убили, тягач продырявили. А теперь, Иван Ерофеевич, вы мне все головы в цене подняли.

— Насколько?

— Четыре миллиона имперских. За вас. Остальные идут бесплатно, в нагрузку. Я не жадный.

Я услышал, как Шпак за спиной тихо, с присвистом выдохнул. Четыре миллиона были больше, чем стоил «Ермак» новым. Больше, чем стоила вся Медуница вместе с коровами.

— Тобольские платят, — сказал Буранов почти ласково. — Я с ними раньше не работал, но все говорят: платят. Не сразу, медленно, по всем согласованиям, с актами, но платят. Империя медленная, и Тобольские медленные. А я терпеливый. Мне яблоки растить.

— Связи здесь нет.

— Здесь нет. — Он доел яблоко и вытер нож о кофту. — Будет, когда надо. Я сам решаю, когда у меня связь.

Нас заперли в складе у реки. Длинный модуль из грузовых контейнеров, сваренных боками, с высоким потолком и одним окном под самой крышей. Пол земляной. В углу — бочка с водой и ведро. Пахло сеном, ржавчиной и чужим потом.

Савельича втолкнули последним. Он сел у стены, вытянув прямую ногу в шине, и замолчал.

Арсения с нами не было. Его увели на холм.

— Ну, — сказал Марк, когда дверь лязгнула. Голос ровный, только чуть быстрее обычного. — Давай посчитаем.

— Не надо.

— Надо. Сорок тысяч за голову. Десять голов, с Савельичем одиннадцать, если он голова. Четыреста сорок тысяч. Это много, но это решаемо: страховая, кредит, отец Эммы Генриховны...

— У меня нет отца, мальчик, — сказала Эмма. — Мне шестьдесят три года.

— Простите. Неважно. Решаемо. — Марк повернулся ко мне. — Четыре миллиона — нерешаемо. Четыре миллиона — это совет семьи, Патриарх, сорок страниц сверху и тебя домой в контейнере с пометкой «хрупкое». Цена одного «я Тобольский». Ты понимаешь?

Ответа не было. Кулаки сами сжались, ногти впились в ладони.

— Он бы всё равно узнал, — сказала Рита. Она сидела у стены напротив двери, как всегда. — По генетике. Или по андроиду. Андроиды ТОБОЛа в каталоге с фамилиями владельцев. Вопрос был только в том, сколько бы мы прожили до того, как он узнал.

Это было почти заступничество. От Риты. От этого стало ещё хуже.

Нурлан тем временем открыл аптечку, которую ему оставили, и обрабатывал ожог у меня на шее. Делал это молча, аккуратно, быстрыми и привычными движениями.

— Человек всегда называет имя в самый неудобный момент, — сказал он наконец. — Иначе это было бы не имя, а визитка.

Эмма Генриховна поставила урну рядом с собой на землю, поправила чехол.

— Мой муж, — сказала она, — всю жизнь хотел посмотреть на настоящих пиратов. Читал про них книжки. Ну вот, посмотрел.

Дамир засмеялся, коротко и нервно. Потом извинился. Потом засмеялся снова.

Бежать предложил Шпак. Не из храбрости: из профессиональной обиды.

— Они корабль не тронули. Я видел. Опечатали шлюз своей пломбой и ушли. Им сейчас не до нас, у них тягач с дырой. Охрана — двое у двери, один на поле у «Ермака». Площадка в километре. Лапе на прогрев шесть минут.

— Четыре, — сказала Лапа. — Если не жалеть.

— Пломба?

— Пломба — это просто бумажка с клеем. — Шпак вынул из кармана моток синей изоленты и подбросил на ладони. — У меня в мастерской есть резак и полкило того, что пломбы не любят.

— Дверь, — сказал Марк.

Рита встала.

План получился короткий, и это было плохим знаком: в коротких планах не видно, где у них дыры. Ночью Рита стучит в дверь, говорит, что старику плохо. Нурлан изображает старика. Изображать особенно не надо было. Двое входят. Дальше — Рита.

— Без убийств, — сказал я.

— Как получится, — сказала Рита. — Ты платишь мне шестьсот в сутки не за то, чтобы получалось красиво.

Ночью на Вольнице было светло: над рекой висела большая белая луна, и трава отсвечивала серебром. В окошко под крышей было видно небо с чужими звёздами. Не спалось. Лежал, смотрел вверх и думал, что, наверное, ровно так Ульян смотрел два года назад, только у него не было ни Риты, ни Шпака с изолентой. Было письмо, отправленное с поля в первый день, пока ещё не поздно было врать.

Рита постучала в два ночи по местному.

Двое вошли с фонарём. Первый получил в горло ребром ладони и сел на землю, хватая воздух. Второй успел поднять карабин, но Рита уже была у него под локтем, и карабин ушёл в сторону, в бочку с водой, с плеском. Удар коленом, удар локтем. Всё заняло меньше времени, чем у меня ушло бы на один подход к турнику.

У второго, когда он упал, с руки слетела перчатка. Ладонь была светлая, широкая, и на правой руке не было мизинца. Ровный старый рубец там, где он должен быть.

Пришлось остановиться. На полсекунды. Лицо охранника было в тени, фонарь укатился.

— Ульян? — спросил я.

Он не ответил. Может быть, был без сознания. Может быть, не хотел.

— Пошли, — Рита дёрнула меня за плечо. — Потом поговоришь со своими привидениями.

Мы шли по траве цепочкой, пригнувшись. Трава хлестала по лицу, метёлки сыпали пыльцу за шиворот. Впереди Рита, за ней Лапа и Шпак, потом пассажиры, потом Марк с Нурланом. Я замыкал. Перед собой — Савельич.

Тук. Шарк. Тук.

Шина цеплялась за корни. Прямая нога не перешагивала кочки, её приходилось переносить, доворачивая корпус. Через двести метров Савельич отстал на десять. Через пятьсот — на тридцать.

— Иван Ерофеевич, — сказал он. Тихо, ровно. — Оставьте меня. Я дойду. Или не дойду, но это моя задача, не ваша.

— Своих не бросаем.

Это вышло само. Голос был не мой. Отцовский, может быть. Или ещё старше.

Пришлось подставить плечо. Савельич весил как три человека. Каждый шаг шёл с таким усилием, будто тащил на себе не андроида, а весь род, все стосорок со столом и пустое кресло в придачу. Пот заливал глаза. Ожог на шее горел.

Сзади, со стороны склада, никто не кричал. Пока.

«Ермак» стоял на плите тёмный, как скала. Часовой на поле спал в кабине вездехода у края площадки, свесив ногу наружу. Рита обошла его стороной. Шпак уже ковырял пломбу у шлюза. Через минуту шлюз открылся с тем же долгим вздохом, что и днём.

Мы ввалились внутрь. Лапа побежала в рубку, на ходу срывая с себя куртку. Шпак — в машинное. Марк заталкивал пассажиров в кают-компанию.

И тут Метан заорал снова.

Тот же ор, на одной ноте, с хлопаньем крыльев. В тишине спящего поля он разлетался так, будто включили сирену. Ни газа, ни угрозы: просто птица полдня просидела одна в чужой траве, в чужом запахе, а потом вернулись люди, все сразу, в поту и с лязгом. Птица обрадовалась. Или испугалась. Или и то и другое. Какая разница.

Нурлан кинулся к клетке, накрыл её курткой. Ор стал тише, но не прекратился.

В рубке Лапа уже сидела в кресле. Руки летали по панели. Прогрев пошёл: гул в переборках, дрожь под ногами.

— Три минуты, — сказала она. — Держитесь за что-нибудь.

На второй минуте панель мигнула жёлтым. Потом красным. Потом в рубке зазвучал женский голос, не тот, что на маяке, а бортовой, корпоративный, вежливый:

— Взлёт с неподтверждённой площадки без разрешения диспетчера невозможен. Страховой модуль: несанкционированный старт с территории вне реестра аннулирует полис. Подтвердите связь с диспетчером поля.

— Какой, к чёрту, диспетчер! — Лапа ударила по панели ладонью. — Шпак!

Из машинного прохрипело:

— Это третий ключ! Страховой! Я его не трогал, его нельзя трогать, без него из дока не выпустят!

— Мы не в доке!

— Он этого не знает!

Корабль всё ещё следил. Не за мной. За протоколом. Без связи, без Патриарха, в глухом месте, где свобода. Сорок страниц условий продолжали действовать сами по себе, как старые часы, которые идут, даже когда в доме никого нет.

— Обойти? — крикнул я.

— Двадцать минут, — ответил Шпак. — И то если повезёт.

Двадцати минут не было. Метан под курткой хрипел. А по траве к полю уже шли огни, много, цепью. Без спешки. Как днём, когда встречали.

Лапа сняла руки с панели и положила их на колени.

— Всё, — сказала она. — Глуши, Шпак. Если они услышат гул, полезут с резаками. Я этому кораблю двадцать два года назад морду ровняла. Второй раз не хочу.

Гул затих. В тишине было слышно, как снаружи шуршит трава под чужими ботинками.

Буранов пришёл сам. В той же вязаной кофте, только поверх накинул брезентовую куртку от росы. Встал у трапа, посмотрел на открытый шлюз, на сорванную пломбу, на нас.

— Страховка? — спросил он с участием. — Бывает. Я всем, кто сюда прилетает, говорю: застрахуйтесь как следует. Никто не слушает.

Ульяна среди его людей не было. Был тот, светлый, с полем. Он держал карабин и смотрел на меня так, как смотрят на должника.

— Пять миллионов, — сказал Буранов. — За беспокойство. И пломбу новую.

Он развернулся, но остановился у края плиты.

— Завтра гость прилетает. Деловой человек, любит старые железки, которые никто не понимает. Он с Тобольскими, говорят, работать умеет. Познакомитесь. Может, купит. Тогда мне хотя бы не ждать.

Нас повели обратно в склад. Савельич шёл последним. Тук, шарк, тук.

Метан под курткой Нурлана наконец замолчал.

Глава 12. Кречет

Воду принёс Ульян. Утром, когда в окошко под крышей пролезло солнце и в луче поплыла пыльца, дверь склада открылась. Вошёл светловолосый парень, курносый, с ведром в левой руке. Правую, без мизинца, держал на ремне карабина. Перелил воду в бочку, не глядя ни на кого, и повернулся уходить. — Глафира, — сказал я ему в спину. — Медуница. Теплица у третьего купола. Он остановился. Плечи под рубахой сдвинулись в напряжении. — Нет тут Ульяна, — сказал он, не оборачиваясь. — Тут Беспалый. — Она второго письма ждёт. Два года. — Письмо одно. — Он поставил пустое ведро у двери, аккуратно, дном на ровное место. — В первый день, с поля. Михеич даёт планшет, говорит: напиши своим, что добрался. Все пишут. Я написал. Хорошее письмо, короткое. «Добрался, тут свобода». Это правда была. В первый день. — А потом? Ульян наконец повернулся. Лицо загорелое, обветренное, совсем молодое. Глаза у него были Глафирины, светло-карие, только не смеялись. — А потом ты должен за перелёт, за еду, за воду, за воздух. Тут воздух бесплатный, а должен всё равно. — Он помолчал. — Не говори ей. Скажи, что видел. Что живой. — Пойдёшь с нами? Если выберемся. — Меня не продадут. — Он усмехнулся одной стороной рта. — Я свой. Дверь лязгнула. Марк, сидевший у стены с закрытыми глазами, открыл их и долго смотрел на ведро. — Вот тебе и ничейная планета, — сказал он тихо. — Ничья — это когда ещё не решили, чья. Письмо со словом «свобода» два года пролежало у Глафиры в теплице, среди рассады. Его перечитывали. Им, наверное, гордились. А написано оно было под диктовку Михеича, в поле, где воздух бесплатный и при этом все должны. Гость прилетел к полудню. Сначала задрожали стены склада. Потом над крышей прошёл низкий гул, ровный, без перебоев. Шпак поднял голову и прислушался, как слушают музыку. — Маршевый «Тайга-девять», — сказал он с завистью. — Хороший двигатель, ухоженный, не то что наш. Перебран. Кто-то денег не жалел. Через час за нами пришли. Не за всеми: за мной. — Атаман зовёт. Одного, — сказал светлый с поля. — С ним карго, — Марк уже стоял. — Хозяин без карго документы не подписывает. Это регламент. — Какой, к чёрту, регламент? — Его, — Марк кивнул на меня. — Тобольские без карго даже чай не пьют. Светлый подумал, плюнул в траву и махнул: оба. На веранде отсека-дома всё было как вчера: стол, яблоки, нож. Буранов в той же вязаной кофте. Только напротив него, в плетёном кресле, сидел второй человек, и веранда от этого будто стала шире, а Буранов меньше. Лет сорок пять, сухой, загорелый до бронзы. Волосы светлые, вьющиеся, с сединой, будто их присыпали солью. Рукава серой рубашки закатаны до локтей, на предплечьях старые тонкие шрамы, ровные, как линейки. Сидел он развалившись, а ноги стояли на полу твёрдо, носками к выходу. Рита так сидит. Он улыбнулся раньше, чем мы подошли. Улыбка была на всё лицо, до морщин у глаз, и сразу хотелось улыбнуться в ответ. Это и насторожило. — Иван Ерофеевич. — Он не встал, но протянул руку. — Кречет. Есть в реестрах и другие варианты, но этот мне больше идёт. Рука сухая, тёплая, пожатие короткое. Как у врача. — Марк Аврельевич Римский, — сказал Марк, протягивая свою. — Карго. — Римский, — Кречет посмотрел на него с удовольствием. — Логистика ТОБОЛа. Ваш отец, если не путаю, подписывал квоты для Кедрового сектора. Аккуратный человек. Медленный, но аккуратный. Марк ничего не ответил. Только руку убрал чуть быстрее, чем полагалось. — Садитесь, — сказал Буранов. — Яблоко? Сели. Яблоко никто не взял. — Игнат Ильич мне рассказал, — Кречет кивнул на Буранова, — что у него в складе, наследник Тобольских. С экипажем, птицей и андроидом на деревянной ноге. Я сначала не поверил. Тобольские по таким местам не летают, у них для этого есть другие люди. А потом посмотрел на ваш тендер и поверил. Только наследник может прилететь на Вольницу на корабле, у которого из-под изоленты торчит пушка. — Пробоотборник, — сказал Марк. Кречет рассмеялся. Громко, искренне, запрокинув голову. — Пробоотборник! Это чьё? Зинаида Петровна, бюро на «Перевале»? Серьги вот такие? — Он показал пальцами. — Она мне

три года назад оформила плазменный резак как «инструмент для ухода за газоном». Святая женщина. Я ей открытки шлю. Буранов кашлянул. — К делу, Родион Карлович. У меня тягач в ремонте. — К делу, — согласился Кречет и перестал смеяться так же легко, как начал. — Игнат Ильич хочет за вас пять миллионов. Это, Ваня, — можно Ваня? — это хорошая цифра. Справедливая даже. Вы ему убили человека, продырявили тягач, сорвали пломбу и пытались увести корабль, который он уже считал своим. Я бы на его месте хотел шесть. — Тогда зачем вы здесь? — Затем, что он не получит эту цифру. Буранов перестал жевать. — Тобольские платят, — продолжал Кречет, глядя не на меня, а на Буранова. Мягко, как объясняют ребёнку, почему нельзя трогать плиту. — Это правда. Они платят всегда. Только не так, как ты думаешь, Игнат. Сначала год переговоров. Акты, согласования, проверка подлинности генетики, проверка подлинности проверки. А потом, когда деньги придут и мальчик вернётся домой, через полгода над твоей рекой зависнут два фрегата ТОБОЛ-Обороны. С документами. Всё оформлено, всё законно: «зачистка незарегистрированного поселения, угрожающего судоходству». И яблок у тебя больше не будет. Ни у кого не будет. — Пусть попробуют. — Попробуют. — Кречет пожал плечами. — Они медленные, Игнат. Медленные — не значит забывчивые. Их старик тысячу лет ничего не забывает. Мне можешь не верить. Спроси мальчика. Оба посмотрели на меня. Отвечать не хотелось. Хотелось сказать, что Патриарх тут ни при чём, что Иван Тобольский сам по себе. Но перед глазами стояли сорок страниц условий, и поздравление Варваре с графиком, и голос в рулевой колонке, который посылает спать в двадцать три ноль-ноль. — Не забывает, — сказал я. Буранов долго молчал. Потом отрезал от яблока дольку и положил в рот. — Сколько? — Восемьсот тысяч. Наличными, сейчас, чипами. И я списываю тебе прошлую весну. — Прошлая весна — это четыреста. — Прошлая весна — это четыреста двадцать, с процентами. Итого миллион двести двадцать. За экипаж, пассажиров, птицу и андроида. Корабль возвращаешь. Груз — что успели снять, то ваше, я не жадный. — Пушку не отдам. Она мне за Гриню, как память. — Пушку не отдавай, — легко согласился Кречет. — Мне пушка не нужна. Мне нужен мальчик. Он сказал это так просто, что Марк рядом перестал дышать. — Арсений, — сказал я. — Что? — Пассажир. Арсений Штоль. Он тоже в нашем списке. Взятый на борт груз... — ...обещание, — закончил Кречет. — Хорошая книжка. Старая. Я её в твоём возрасте тоже читал. — Он покачал головой. — Нет, Ваня. Арсений — не груз. Арсений — бухгалтер Игната Ильича. Одиннадцать лет. Он не сбежал от пиратов, он сбежал от работодателя. Чужих бухгалтеров не покупаю, это дурной тон. Как увести чужую жену. — Тогда без сделки. Сказалось само и быстро, слишком быстро. Марк под столом наступил на ногу. Сильно, каблуком. Кречет посмотрел на меня с интересом, и улыбка его на секунду стала другой: не весёлой, а внимательной. Так смотрят на прибор, который неожиданно показал нестандартное значение. — Без сделки, — повторил он. — Хорошо. Тогда Игнат Ильич, когда ты отсюда не улетишь, всё равно оставит Арсения себе. Только будет ещё девять человек, птица и андроид, которых ты тоже не спас. Это называется «принципиальность», Ваня. Я её уважаю и мне эту даму всегда жаль. Ответа не было. Кулаки под столом разжались сами. — Пусть он придёт, — сказал я. — Хотя бы попрощаться. Буранов махнул рукой. Через пять минут на веранду привели Арсения. Он был умыт, причёсан, в чистой рубашке. Левое предплечье под рукавом было аккуратно перевязано. — Не вышло, — сказал я ему. — Вы хоть пытались. — Арсений говорил спокойно. Почти благодарно, и это было хуже всего. — Знаете, я ведь вам платил девять тысяч. Помните, ваш карго спрашивал, за что так много. За риск. — Он посмотрел на Марка. — Предоплата за риск. Риск наступил. Претензий не имею. Его увели обратно в дом. На пороге он оглянулся. Не на меня. На траву, на реку, на поле, где стоял «Ермак». Так смотрят на место, откуда уже однажды удалось уйти. «Ермак» вернули к вечеру. Пломбу сняли сами пираты, без извинений, новую повесить не потрудились. Открыли шлюз, отошли. Михеич, смотритель поля, даже протянул планшет: подпиши, что принял. Марк взял планшет, прочитал, вернул. — Не подпишем. Акта приёма-передачи нет. Описи нет. — Опись — вот,

— Михеич показал на корабль. — Что видишь, то и есть. Видно было много. Нижний пилон стоял голый. КУ-12 сняли аккуратно, со знанием дела: открутили крепления, а не срезали, кабели питания от второй шины свернули кольцами и подвязали. Контур охлаждения Шпака лежал на плите рядом, в лужице хладагента. Синяя изолента висела с пилона лоскутами, как бинты с ампутированной руки. — Двадцать девять болванок, — сказал Шпак мёртвым голосом. — Я их пересчитывал. Двадцать девять. Внутри было хуже. Пираты прошли по кораблю, как прошёл бы по нему Марк, только наоборот: всё, что стоило денег, ушло, всё, что не стоило, осталось. Пропали запасные фильтры регенератора, весь ящик. Пропал ручной газоанализатор. Пропали три мешка Дамировых специй, он посчитал сразу, не заходя в каюту. Из медотсека унесли половину аптечного шкафа: обезболивающие, седативы, всё, что можно продать или съесть. — Капсулу не тронули, — сказал Нурлан, заглянув туда. — Трещину увидели, наверное. Решили, что битая. Из оружейного шкафа у шлюза исчез кейс Риты. И гаусс-пистолет, тот самый, с запиской на кобуре. Записку оставили. Она лежала на дне пустого шкафа, исписанной стороной вверх: «Предохранитель — большим пальцем вниз. Цельсь в грудь. Не думай». Рита посмотрела на записку, на пустой шкаф и закрыла дверцу. — Моё забрали, — сказала она. — Твоё тоже. Предоплаты у меня ещё на три дня. Дальше — в долг, под десять процентов, до станции. Как договаривались. — Помню. — Хорошо, что помнишь. Многие забывают. Пришлось обойти весь корабль. Медленно, отсек за отсеком, как в первый день на верфи, только тогда смотрелось, что есть, а теперь — чего нет. В тренажёрном отсеке гири стояли на месте: шестнадцать, двадцать четыре, тридцать два. Турник блестел, как прежде. Штангу без блинов кто-то запинал в угол. Беговая дорожка была цела. В нише у машинного стояла коробка с приводом СВ-7Л. Без кожуха, который ушёл на шину, но остальное внутри. Её даже не открывали. — Даже пираты не взяли, — сказал Шпак. Толи с обидой, толи с облегчением. — Я ж говорил. Когда-нибудь выйдет что-нибудь полезное. На полке в каюте стояла банка мёда. Сначала в каюте было трудно найти что-то на своём месте. Книги на полу, ящики выдвинуты, постель перевёрнута. А банка стояла, где стояла. С наклейкой, которую подписывали ещё на Медунице, в теплице, Глафириным карандашом, и потом обводили своим: «Стасу. То, чего тут нет». Её брали в руки. Это было видно: по крышке шёл чужой жирный отпечаток пальца. Кто-то прочитал надпись. Подержал. И поставил обратно. Банку пришлось вытереть рукавом. Отпечаток не стирался, он был внутри стекла, в свете. Пригляделся - стало понятно, что это просто блик. Кречет нашёл меня на краю поля, где начиналась трава. — Пройдёмся? — предложил он. — Твой корабль никуда не денется. Игнат Ильич теперь сам его охраняет. Он не любит, когда его сделки срываются. Пошли по тропе к реке. Трава стояла по пояс, местами выше. Метёлки сыпали пыльцу на плечи, на волосы. Солнце садилось за дальний холм, большое, красноватое, и трава светилась от него изнутри, как медная. — Нравится? — спросил Кречет. — Да. — Всем нравится. Все сюда за этим летят. За травой. — Он сорвал метёлку и покрутил в пальцах. — Тут ведь правда хорошая планета, Ваня. Воздух, вода, ноль девяносто четыре. Ни одного токсина. Будь здесь портал, был бы рай. Порталы здесь не поставят никогда, потому что она ничья. А ничья она потому, что Игнат Ильич так решил. Свобода всегда у кого-то одного. Вопрос только, у кого. В нагрудном кармане упиралась в рёбра треснувшая рамка. Пальмы, побережье, выцветшее синее небо. Захотелось достать фотографию и сравнить: что лучше, пальмы или трава по пояс. Не достал. — Зачем вы это сделали? — спросил я. — Что именно? — Заплатили. Миллион двести. — За симпатию, — сказал Кречет. И посмотрел на меня весело. — Не веришь? — Нет. — Правильно. Но симпатия тоже есть. Честно. Просто она не единственная статья в расходах. Так твой карго говорит? Статья? Речка шумела внизу, мелкая, быстрая, по камням. Кречет сел на валун у самой воды, вытянул ноги. Помолчал. — Шестнадцать докладов о предтечах, — сказал он. — Я читал четвёртый. «Спектральные несоответствия в образцах с поверхности малых тел четвёртого класса». Хороший доклад. Наивный, но хороший. Ты там пишешь, что если сигнатуру нельзя классифицировать, это не значит, что её нет. Это значит,

что приборы не калиброваны именно по этому параметру. Холодно стало, хотя от реки шло тепло. — Где вы его взяли? — В открытом каталоге Искерской академии. Доклады наследников по традиции открытые. Род хвастается. — Он улыбнулся. — Ты ведь не думал, что я тебя впервые увидел на этой веранде? Ответа не нашлось. — Я держал в руках осколки, Ваня. Семь раз. Один раз — целый. Знаешь, какие они на ощупь? — Он раскрыл ладонь, будто там что-то лежало. — Тёплые. Как кружка, которую кто-то только что поставил на стол и вышел. Чай ещё горячий, а человека нет. И не будет. Вот такие они. — А батарейки? Вырвалось. Слишком быстро, слишком жадно. Кречет услышал это так же ясно, как услышал бы Марк. — Видел одну. — Он помолчал. — Не мою. Пока. Над рекой закричала какая-то местная птица, длинно и хрипло. Кречет проводил её взглядом. — У тебя на борту канарейка. Это хорошая, старая традиция. — Голос его на секунду стал тише. — У нас в одной экспедиции была такая. Я потом жалел, что одна. Надо было брать трёх. — Почему? — Потому что одна может ошибиться. — Он поднялся с камня. — А три ошибаются редко. Запомни, пригодится. Захотелось спросить, что за экспедиция, где, кто ещё там был. Не спросилось. А про тётю Алю, про место за последним маяком, где звёзды стоят не так, едва не сказалось само: слишком хорошо он слушал, слишком похоже на человека, который понимает. Зубы сжались вовремя. — Тобольские хвастаются, — сказал Кречет, будто прочитал. — Ты тоже хочешь. Это нормально. Только не со мной, Ваня. Я всё запоминаю, а потом продаю. Это не угроза. Это совет. — Что я вам должен? — Считай, миллион двести. Но деньгами не возьму. — А чем? — Посмотрим. — Он стряхнул пыльцу с рукава. — Когда позову, придёшь. Не завтра. Может, не в этом году. Но позову обязательно, и ты придёшь, потому что Тобольские долги отдают. Это тоже ваш закон. Я его уважаю больше, чем ваши сорок страниц. На поле Марк выслушал это молча. Потом сказал: — Устный договор без суммы, без срока и без предмета. — Он аккуратно, двумя пальцами, взял у Кречета визитную карточку, которую тот протянул на прощание. «Р. К. Вейс. Консультант по редким материалам». — Это не долг. Это крепостное право. — Это дружба, — поправил Кречет. — Просто записанная честно. — Это имя настоящее? — Марк показал карточку. — Одно из. Кречет пожал руку мне, потом Марку, потом, неожиданно, Лапе. Лапа руку дала, но не сжала, и смотрела на него так, как смотрят на погоду перед вылетом. У трапа его корабля, приземистого, серого, без опознавательных знаков, с хищно скошенным носом, он остановился и обернулся. — Своего андроида береги, Ваня. Хорошая модель. Только уши у них, у ТОБОЛовских, длинные. Ты знаешь. — И уже поднимаясь: — Хотя это я так. Наверняка он у тебя честный. Шлюз закрылся. Над полем ушёл в небо ровный гул перебранной «Тайги». Савельич стоял у «Ермака», опираясь на прямую ногу в шине. Он смотрел вслед кораблю Кречета, и на этот раз пауза перед ответом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.